

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

175

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 175

1 — 1997

*

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Николай Озолин, С. Аверинцев,
А. Богословский, Ю. Кублановский, игум. Игнатий Крекшин,
о. Иларион Алфеев, Д. Поспеловский, Б. Любимов, К. Сигов,
Н. Струве.

—
Ответственный редактор : Н.А. Струве

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

№ 175 : в 1997 году выйдет 2 выпуска

Условия подписки на 2 номера (с пересылкой) :

Франция 200 фр.

Цена

(вкл.)

(вкл.)

4001555 кк

адрес
11

Réunis,
s, F.

SS,

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

175

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
4001555

ПАРИЖ – НЬЮ-ЙОРК – МОСКВА

№ 175

1 – 1997

Copyright © Le Messenger. Paris 1997

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
И. РАДКЕВСКАЯ, 2

Издательский Дом «Грааль».
ЛР № 071334 от 22.08.95 г.
Подписано в печать 30.05.97 г.
Формат 60 × 90,16. Усл. печ. л. 17.
Тираж 3000 экз. Заказ 1596.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных пленок
на ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, Можайск, ул. Мира, 93

ISBN 5-7873-0006-3

От Редакции

ПЕЧАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Мы живем в очень не простое время, когда от Церкви ждут умиротворения, а не разделения.

Святейший патриарх Алексий II

В Москве вышла книга,¹ обличающая добрую половину православного мира в отступничестве от Православия. На этот компендиум воинствующей узости и учащего невежества не стоило бы обращать внимания, если бы в нем не стояли бы подписи ревностных и достойных священнослужителей... Слава Богу, в нем нет ни одного имени епископа, наоборот: не открыто, но подспудно, книга направлена против теперешнего возглавления русской Церкви. В предисловии, не подписанном, достается, едва ли не больше всего, «парижским» православным богословам, давшим всему миру образцы не обличительного, а творческого, созидательного богомыслия: протопр. А. Шмеману, прот. Н. Афанасьеву, Г. Федотову, ну и разумеется о. С. Булгакову, вечной мишени тех, кто мнит, что представляет собой все православное сознание... Заодно достается и всему Константинопольскому патриархату, да и вообще всем церквам, принявшим новый календарь, т.е. всей греческой церкви, Антиохийскому патриархату, Румынскому, большинству приходов на Западе... Что в первую очередь грозит Православию (которое мыслится в категориях чисто национальных), как бы вы думали? совсем не падение веры, не отход более половины населения во всех странах от христианства, не наличие в мире четырех миллиардов душ (из пяти), не имеющих к христианству прямого отношения, не трудность в апологетике интегрировать новые данные науки, расширившие беспредельно наши познания, не недостойнство христиан, а... календарь, вернее 13-дневное отстояние одного календаря от другого (хотя святитель Тихон ввел новый календарь и отказался от него лишь потому, что греки испугались было собственного нововведения²). Угрожает... русский язык, хотя благодаря тому, что Византия не сакрализовала греческого языка — языка Евангелия и всего богослужения, — славянские страны получили христианство на своем тогда удобопонятном языке... Почему-то существование одного

¹ «Современное обновленчество — «протестантизм восточного обряда». Москва, «Одигитрия», 348 стр.

² Отменив им же введенный новый стиль, святитель Тихон благословил Финскую Церковь его употреблять.

прихода в Москве, где служат на русском языке, не дает спать доброй полусотне московских батюшек, обратившихся к Патриарху с просьбой виновного священника запретить, если не лишить сана. Более справедливо некоторые статьи в книге восстают против прозелитизма римо-католиков, но в полном противоречии со своим буквальным пониманием августино-латинской формулы — «вне Церкви нет спасения». Именно сообразно с ней латиняне (далеко не все!) и занимаются, даже в наши времена, прозелитизмом. Но не следовало бы себя спросить, почему православные всегда отказывались от прозелитизма в христианских странах и гордятся этим? Не потому ли, что мы никогда не исповедовали прямолинейно латинскую формулировку? Основная беда в том, что авторы книги не ставят себе вопросов. Вероятно, вследствие советского воспитания, привычки всюду видеть врагов, особенно среди своих, полной отчужденности от остального мира, а в православии неопитства, они знают только ответы, причем упрощенные (к сколько-нибудь диалектическому, антиномичному мышлению они не способны), безапелляционные, за которыми немедленно следуют отлучение (совсем как на партсобраниях), анафема и тому подобное... И еще хуже: подражая методам советского шельмования, сборник пытается отождествить, путем фотографического монтажа, сторонников языковой реформы с обновленцами 20-х годов, чей грех был не столько в реформах, иногда излишних или не обдуманых, сколько в преступном союзе с безбожной властью не для выживания, а для преследований, вплоть до смерти, своих же братьев... На обновленческом митр. Введенском лежал грех пролитой крови, уподоблять ему ревностных и честных священников есть отвратительная нечестность.

Авторы сборника не скрывают своей близости к карловацкой идеологии (он посвящен памяти карловацкого архиеп. Серафима Соболева). Как раз от возглавителя теперешней карловацкой церкви они получили грозное предупреждение, во что может вылиться их направление: в недавнем письме к своему собрату епископу Марку, имевшему неосторожность съездить в Россию, архиеп. Виталий ничтоже сумняшеся объявил всю русскую Церковь антихристовой. Получается, что из всего мирового христианства православной остается лишь небольшая карловацкая юрисдикция, насчитывающая от силы два-три десятка тысяч пасомых? На этом страшном, безумном пути, исключать всех и вся, смешивая третьестепенное с главнейшим, находятся и авторы злополучного сборника, если только вовремя не образумятся.

Никита Струве

БОГОСЛОВИЕ — ФИЛОСОФИЯ

Преподобный СИМЕОН НОВЫЙ БОГОСЛОВ (949–1022)

Перевод и примечания иеромонаха Илариона (Алфеева)

Гимн 58

ОБЩЕЕ НАСТАВЛЕНИЕ С ОБЛИЧЕНИЕМ КО ВСЕМ:
ЦАРЯМ, АРХИЕРЕЯМ, СВЯЩЕННИКАМ, МОНАХАМ И
МИРЯНАМ, ИЗРЕЧЕННОЕ И ИЗРЕКАЕМОЕ ОТ УСТ
БОЖЬИХ

Поддай, о Христе, мне в словах моих мудрость,
Божественный ум, просвещение свыше,
Ведь знаешь Ты слов моих немощь и бедность,
Мою непричастность всем внешним наукам.¹
Ты знаешь, что только Тебя я имею
Познанием, мудростью, жизнью и словом,
Спасителем-Богом, защитником в жизни,
Дыханьем души моей, бедной и нищей.
Я — странник, пришелец, в словах неискусный,
10 А Ты — и надежда моя, и поддержка,
Покров мой, прибежище и утешенье,
Хвала моя Ты и богатство и слава.
От мира меня захотел Ты исхитить,
И Слово и Бог, по Твоей благодати,
Хоть я недостойный, ничтожный и странник,
И хуже людей и зверей бессловесных.
Дерзая на милость Твою, умоляя,
Прося, припадая к Тебе, говорю я:
Дай верное слово, дай силу, дай крепость
20 Сказать всем, кто служат Тебе как Владыке —
Князьям и рабам, совершителям таинств,
Которые мнят, что Тебя они видят
И служат Тебе, всех Царю и Владыке.

О люди! Цари и все сильные мира,
Священники, архиереи, монахи
И люди всех званий, чинов и сословий,²
Послушать меня не сочтите ненужным,
Мой голос услышите и слову внимайте,
Хоть я человек совершенно ничтожный.

30 Откройте мне уши сердец ваших, люди,
Услышите, познайте, что Бог говорит вам —
Бог всех неприступный, един Вседержитель,
Предвечный, Который рукою содержит
Всю землю и все, что на ней существует.³

Цари! Хорошо, что ведете вы войны
С народами дикими, если при этом
Вы сами языческих дел не творите,
Обычаев, нравов, советов, решений,
В делах и словах если вы не отвергли
40 Меня, всех Царя и Владыку вселенной.⁴
Но лучше б вам было блюсти Мое слово
И, строго храня все мои повеленья,
В блаженнейшей бедности жить безмятежно!⁵
Что пользы страну защищать вам от рабства,
Самим же всегда оставаться рабами
Страстей и пороков и бесов лукавых,
Своими делами себе уготовав
Огонь нестерпимый и вечную муку?

50 Все те хороши и дела, и поступки,
Что ради Меня человек совершает
И ради любви и из милости к ближним.
Но прежде себя пусть помилует каждый,⁶
Слова Мои все соблюдать пусть стремится,
Всегда принося покаянье от сердца
Во всем, что, конечно, им сделано раньше,
И не возвращаясь к подобным поступкам;
Всегда пусть в словах пребывает Владыки,
В Моих повеленьях и строгих законах;
Пусть все соблюдает он даже до смерти,
60 Ни словом одним, ни единой чертою⁷
Из книг и писаний не пренебрегая.

Вот это — Мне жертва, вот это — дары Мне,
И благоухание и приношение:
Без этого вы всех язычников хуже!

Епископы, главы епархий, познайте:
Вы — образа все Моего отпечаток,⁸
Поставлены Вы говорить предо Мною,
В собраниях праведных вы предстоите,
Зоветесь Моими вы учениками,
70 Носящими Мой пребожественный образ.
Вы даже над маленьким общим собраньем
Такую великую власть получили,
Какой наделен от Отца Я — Бог Слово.
Я Бог по природе, но Я воплотился
И стал Я двояким — в двух действиях, волях
И в двух естествах. Нераздельно, неслитно
Я есмь человек, но и Бог совершенный.
И как человек, Я всех вас удостоил
Руками Меня и держать, и касаться,⁹
80 Как Бог же всегда остаюсь недоступным
И неуловимым для рук ваших бранных;
Невидим для тех Я, кто видеть не могут,
Закланый за всех — неприступным остался,
Двоякий в одной всесвятой Ипостаси.
Среди же епископов есть и такие,
Которые этим гордятся безмерно,
Всегда превозносятся над остальными,
Считая их всех за ничтожных и низких.
Немало епископов есть, что по жизни
90 Весьма далеки от достоинства сана —
Я здесь говорю не о тех, у которых
Слова согласуются с жизнью, делами,
А жизнь отражает ученье и слово —
Но Я говорю о епископах многих,
Чья жизнь не похожа на их назиданья,
И кто Мои страшные тайны не знают
И мнят, что Мой огненный хлеб они держат,
Но хлеб Мой они, как простой, презирают,
И думают, будто кусок они видят

100 И хлеб лишь едят, а невидимой славы
Моей совершенно увидеть не могут.¹⁰

Итак, из епископов мало достойных.
Есть много таких, что высоки по сану,
А видом смиренны — но ложным смиреньем,
Противным, дурным, лицемерным смиреньем.
Гоняясь всегда за людской похвалою,
Меня презирают, Творца всей вселенной,
Как будто бедняк Я худой и презренный;
Они Мое Тело берут недостойно,

110 Стремясь превзойти всех людей, не имея
Одежды Моей благодати,¹¹ которой
Они никогда и никак не имели.
Незванно и дерзко в Мой храм они входят,
Вступают вовнутрь несказанных чертогов,
Куда недостойны смотреть и снаружи,
Но Я, Милосердный, терплю их бесстыдство.
Войдя же, со Мной говорят, как бы с другом,
Себя не рабами хотят, но друзьями
Они показать — и стоят там без страха.

120 Совсем не имея Моей благодати,
Они обещают ходатайства людям,
Хоть сами во многих грехах виноваты.
Они надевают блестящие ризы,¹²
Но чистыми кажутся только снаружи:
Их души — грязнее болотной трясины,
Ужасней они смертоносного яда
У этих злодеев, что праведны с виду.

Как некогда скверный предатель Иуда
Взял хлеб от Меня и вкусил недостойно,

130 Как будто бы хлеб тот простой и обычный,
И тотчас «по хлебе» вошел в него дьявол¹³
И сделал бесстыдным предателем Бога,
Своей исполнителем воли коварной,
Рабом и слугой своим сделал Иуду,
Так точно случится в неведение с теми,
Кто дерзко и с гордостью и недостойно

К Божественным Тайнам Моим прикоснутся.
Особенно главы епархий, престолов,
Священноначальники часто имеют

140 И прежде Причастья сожженную совесть,¹⁴
И после — совсем осужденную совесть.
Входя в Мой Божественный двор¹⁵ с дерзновеньем,
Бесстыдно стоят в алтарях и болтают,
Не видя Меня и не чувствуя вовсе
Моей неприступной Божественной славы,
Ведь если бы видели, так бы не смели
Всегда поступать, не дерзнули бы даже
Войти и в притвор христианского храма.

Да, все, что написано мной, это правда.

150 И всякий желающий в том убедится
По нашим делам, иереев негодных,
И лжи никакой не найдет и признает,
Что Бог чрез меня говорит всем об этом.
Признает он все, если сам он, конечно,
Не кто-то один из творящих все это
И если не тщится он хитрым обманом
Свой собственный срам прикрывать, но однако
Пред всеми людьми и пред силами неба
«Все тайное тьмы» Бог соделает явным.¹⁶

160 Но кто же из нас, иереев, сегодня
Сначала очистил себя от пороков
И только потом уж дерзнул на священство?
Кто мог бы сказать дерзновенно, что славу
Земную презрел, и священство воспринял
Лишь ради небесной Божественной славы?
Кто только Христа возлюбил всей душою,
А золото все и богатство отринул?¹⁷
Кто скромно живет и доволен немногим?
А кто никогда не присвоил чужого?

170 Кого же не мучает совесть за взятки,
И кто не старался при помощи взяток
Сам стать иереем и сделать другого,
Купив и продав благодать и священство?¹⁸
Кто в сан не возвел недостойного друга,

Ему пред достойным отдав предпочтенье?
А кто не хотел бы епископским саном
Друзей наделить, чтоб в епархиях чуждых
Во всем обладать и влияньем, и властью?
Но это обычным считается делом
180 И даже безгрешным у тех, кто вмешаться
Хотят непременно в дела всех епархий.¹⁹
А кто не давал по указке начальства,
По просьбе мирских и князей и богатых
Священного сана тому, кто не должен
И кто недостойн быть пастырем в Церкви?²⁰
Поистине, нет никого в наше время
Из всех их, кто чистое сердце имел бы,
Кого бы не мучила совесть за это,
Ведь он непременно соделал что-либо
190 Одно из того, о чем сказано выше.

Но все мы без страха грешим ежедневно,
Со злом не борясь, дел добра не являя,
Поэтому мы и не каемся вовсе,
В глубины греха с головой погрузившись,
Бесчувственно в них пребывая все время.
Не ведая вкуса Божественной славы,
Не можем отвергнуть мы славу земную,
А эта любовь к человеческой славе
Душе никогда не дает ни смиряться,
200 Ни также себя осуждать добровольно.
Итак, если понял ты все, то скажи мне:
Кто гонится за человеческой славой,
Кто очень нуждается в тленном богатстве,
Кто золота хочет иметь слишком много,
Кто стал ненасытным в хищенье чужого,
Злопамятным к тем, кто дают не так часто,
Как может сказать, что имеет он Бога,
Что любит Христа, что и Духа имеет?
А кто совершенно Христа не воспринял
210 Отца не имеет и Духа не просит,
Чтоб в нем пребывал и ходил ощутимо,²¹
Кто Бога Единого в сердце не носит,

Как может служенье нести непорочно,
Кем будет научен святому смиренью,
Как будет научен божественной воле?
Кто станет ходатайствовать за такого
И кто примирить его с Богом способен,
Представить его непостыдным слугою
Пречистого и непорочного Бога,
220 Который невидим для всех херувимов,
Который для ангелов всех неприступен?
Кто даст ему крепость служить непорочно
Священную службу, всегда совершая
Достойно бескровную страшную жертву?²²
И кто из людей, кто из ангелов Божьих
Сказать это сможет и сделать способен?

Но я говорю вам и всем возвецаю —
Никто не прельщайся словами моими! —
Кто прежде всего этот мир не оставит,
230 Все то, что есть в мире, душой ненавидя,²³
И кто одного лишь Христа не возлюбит
И ради Него не погубит кто душу,²⁴
Не зная совсем человеческой жизни,
Но как бы всегда каждый час умирая,
Не будет рыдать о себе кто и плакать,
Влечение к Нему одному лишь имея,
И кто не пройдет чрез труды и печали
И Духа Святого внутрь сердца не примет,
Которого дал Он апостолам Божьим,
240 Чтоб с помощью Духа все страсти отринуть,
Чтоб с легкостью в добрых делах упражняться,
Источники слез чтоб стяжать, от которых
Души очищенье, души созерцанье,
Познание святой и божественной воли,
Божественным светом с небес просвещенье,
Небесного света всегда созерцанье,
Бесстрастие и святость даются всем людям,
Которые Господа видеть способны
И в сердце имеют Его постоянно,
250 Которые Богом хранимы, и сами

Хранят невредимо Его повеленья —
Итак, кто все это в себе не имеет,
Тот пусть не старается стать иереем,
Над душами власть получить не стремится,
Начальником стать пусть отнюдь не дерзает.
Но как сам Христос и приносится Богу,
Отцу Своему, и Себя же приносит,²⁵
Так точно и нас Он приносит Владыке
И сам же опять принимает обратно.

260 Иначе же нам в осуждение будет
И в суд совершенно подобно деяний,
Ведь это страшнее убийства и хуже
Блуда, любодейства и прочих пороков,
Которые против людей совершаем:
Грешим постоянно мы друг против друга,
Но тот, кто торгует божественным нагло
И кто благодать продавать не стыдится,
Тот дерзко грешит против Господа Бога.
Всегда предстоящий пред Словом Небесным

270 И жить должен так, как Оно повелело,
Ему подражая, пусть так говорит он:
«Лисицы все норы имеют, конечно,
И птицы небесные гнезда имеют,
Лишь я не найду, где главу приклонить мне».²⁶
Служитель Христов совершенно не должен
Иметь ничего своего в этой жизни,²⁷
Но только лишь то, что потребно для тела,
А все остальное для нищих и бедных,
Для Церкви, конечно, должно оставаться.

280 Но если дерзнет он на личные нужды
Церковные деньги использовать властно
И то, что должно оставаться для бедных,
Родным отдавать и друзьям и знакомым,
Дома возводить, покупать себе земли,
И много рабов набирать и прислуги —
Увы, осужден человек этот будет!
Он будет подобен тому, кто растратил
Все деньги жены неразумно и дерзко,
А после никак расплатиться не может,

290 Никак возместить все убытки не в силах:
Такого берут и в темницу бросают.²⁸

Так будет и с нами, служащими в церкви,
Берущими смело церковные деньги
Для собственных нужд, для родных и знакомых,
Совсем не заботясь о бедных и нищих,
Дома возводящими, бани и башни,
Обитатели, замки. Так будет со всеми,
Кто копят приданое, свадьбы играют,
А церкви свои совершенно не любят.

300 Совсем не заботясь о них и не помня.
На долгое время от них отлучаясь,
Живем мы в других государствах и странах,
А жен своих вдовами мы оставляем,
Не помня о них и совсем не заботясь.
Иные из нас остаются на месте,
Но не из любви к прихожанам и храму,
А только чтоб жить от богатых доходов,
Их тратя на всякое злое распутство.
А кто же из нас, иереев, стремится

310 Спасти свою душу, Христову невесту?
Хотя б одного среди нас покажи мне —
Я буду и этим, поверь мне, доволен!
Но горе всем нам: иереям, монахам,
Епископам, клирикам века седьмого,²⁹
Что мы попираем законы Христовы,
Как будто они ничего уж не стоят.
И если бы где-то такой оказался,
Кто мал пред людьми, но велик перед Богом,³⁰
Кто, призванный Богом, к страстям не снисходит,

320 Его, как злодея, всегда изгоняем
Из нашей среды и из наших собраний,
Подобно тому, как Христа отлучили
От храма начальники, архиереи
И все иудеи, как сам Он сказал нам
И вновь говорит Своим голосом ясным.
Но Бог вознесет его,³¹ Бог его примет
И в этой, и в будущей жизни, прославит

Со всеми святыми, которых Он любит.

А что говорит Слово Божье монахам?

- 330 Все те, кто стараются жить в благочестье,
Заботьтесь о внутреннем образе больше,
Тогда и все внешнее чистым пребудет.³²
Ведь внешнее пользу приносит лишь людям —
И вам, и всем тем, кто дела ваши видят, —
А то, что внутри, для Меня вождеделенно,
Создателя всех, и для ангельских воинств.
Но если заботитесь только о внешнем,
В красивых одеждах, в красивом обличье³³
Являясь пред всеми людьми постоянно,
340 И если, во внешних делах упражняясь,
О внутреннем образе Божьем забыли,
Совсем не стремитесь украсить, очистить
Стараньем, трудами, слезами Мой образ,
Который пред Богом и всеми являет
Разумными вас и, конечно, богами,
Тогда вы подобны гробам побеленным,
Как некогда Я говорил фарисеям,
Безумие их обличая и гордость:
«Извне вы красивы, внутри же вы гнилы,
350 Костей полны мертвых, и в сердце гниющем
Исполнены злобы, намерений скверных,
Страстей, помышлений, лукавой заботы».³⁴

И кто среди вас ищет подвигов добрых:
Поста, строгой жизни, трудов повседневных,
Железных вериг, власяницы, мозолей
И жесткого ложа, покрытого сеном,³⁵
И всяких других добровольных страданий?
Все это прекрасно, когда сочетает
Подвижник такие дела и лишенья

- 360 С разумным и внутренним деланьем тайным,³⁶
С умом, пониманьем и мудростью скрытой.
А если без них — что великого в этом?
Напрасно себя вы считаете чем-то,
Являясь ничем,³⁷ и гордитесь напрасно!

Без тайного деланья все вы подобны
Одетым снаружи в красивые ризы,
Внутри же — увы! — пораженным проказой.

- Приветствуя внешних обычным приветом,
Заботьтесь о внутреннем деланье только,
370 В трудах пребывая, в борьбе повседневной,
В деяньях священных и подвигах добрых,
Чтоб девственны в мыслях вы были пред Богом,
Чтоб всяким познаньем ваш ум просветился,
Чтоб были едины со Мною вы, Словом,
В словах Моей мудрости, в знаниях лучших.

Народ Мой священный, все люди Христовы,
Придите скорее к Владыке и Богу!

- Придите ко Мне, узы мира расторгнув,
И всякий обман ваших чувств ненавидьте,
380 От главных причин всего зла вы бегите:
От похоти зренья и похоти плоти,
От гордости в мыслях и гордости в жизни,³⁸
От всяких других помышлений напрасных.
Познайте, что всякая в мире неправда
Того, кто ей служит пристрастно и страстно,
В погибель приводит, врагом Моим сделал.
Прими, о народ Мой, влечение в сердце
К Моим бесконечным божественным благам,
Которые Я, на земле воплотившись,
390 Тебе приготовил, как верному другу,
Чтоб был ты со Мною всегда на трапезе
И в Царстве Небесном со всеми святыми
Вкушал несказанно бессмертные блага.
Познай же себя,³⁹ что ты смертен и тленен,
Что малый остаток ты жизни на свете.⁴⁰
Ничто из мирского с собой не возьмешь ты
Блестящего, сладкого, доброго в жизни,
Когда отойдешь в те селенья отсюда,
Лишь все, что ты сделал в сей временной жизни
400 И злое, и доброе — это возьмешь ты.
Познай же всю тленность и смертность земного,
Оставив земное, взойди выше неба:

К Себе Я зову тебя — Богу вселенной
 Спасителю мира — чтоб жил ты во веки,
 Чтоб благами вечными ты наслаждался,
 Которые дам Я всем любящим Бога
 Всегда, непрестанно, аминь и во веки!⁴¹

ПРИМЕЧАНИЯ

Этот большой (свыше 400 строк) гимн, написанный 12-сложным ямбическим триметром, является своего рода духовным завещанием преп. Симеона, почему и помещен Никитой Стифатом в самый конец сборника. В гимне со всей яркостью проявилось негативное отношение преп. Симеона к византийскому духовенству его эпохи — от предстоятелей церквей и епархиальных архиереев до рядовых клириков и монахов. Обвиняя их во всевозможных грехах — гордости, надменности, отсутствии благоговения, лицемерии, корыстолюбии, взяточничестве, симонии и т.д. — преп. Симеон, в свойственной ему манере до крайности заострять свои утверждения, пишет, что «нет ни одного» из священнослужителей его эпохи, кто не был бы повинен в этих грехах: «покажи мне хотя бы одного — я удовольствуюсь и этим», — говорит он, характеризуя нравственный упадок современного ему христианского общества. Подобного рода оценки нельзя, однако, считать вполне объективными, особенно когда они касаются высшего духовенства, хотя бы потому, что в течение многих лет преп. Симеон находился в оппозиции большинству архиереев Константинопольского Патриархата: это противостояние, возникшее по поводу почитания преп. Симеоном своего духовного отца и закончившееся изгнанием Симеона из монастыря, не могло не наложить отпечатка личной обиды на его отношение к высшей церковной иерархии.

¹ Преп. Симеон любил подчеркивать свою непричастность «внешней», т.е. мирской науке, называя себя «безграмотным» (Ср. Нутп 3, 16).

² Так мы переводим греческое «*συγδες*» — разночинцы.

³ Досл.: в руке Которого дыхание всего существующего (*πάντων τῶν ὄντων*). Ср. Дан. 5, 23.

⁴ Ср. Cat. 5, 573–636, где преп. Симеон рисует картину Страшного суда, на котором Бог упрекает царей в том, что они, «будучи тленными и смертными, захотели стать единодержцами и миродержцами», пренебрегая Царем и Владыкой мира. Преп. Симеон,

по мнению архиеп. Василия (Кривошеина) не был политическим противником императорского правления и общественного строя Византии, однако не боялся резко критиковать «плохих царей своего времени»; Арх. Василий, «Преподобный Симеон Новый Богослов», Париж, 1985, с. 142–145.

⁵ Досл.: в блаженной нищете. Ср. Мф. 5, 3.

⁶ В 9-м Огласительном слове преп. Симеон подробно говорит о необходимости быть милосердным к собственной душе, перефразируя слова Иисуса Христа из притчи о Страшном суде: «что ты сотворил бедной душе своей, то Мне сотворил» (ср. Мф. 25, 40). Нет никакой пользы делать добро другим, забывая о собственной душе, — утверждает преп. Симеон. Кто не облекся во Христа и остался обнаженным от благодати Святого Духа, те, «хотя бы и всех в мире голых одели», не получают пользы, потому что пренебрегли «братом» и «членом» Христа — собственной душой (Cat. 9, 117–170). В этом же ключе толкует притчу о Страшном суде св. Григорий Богослов (см.: PG 36, 345 В, 393 С).

⁷ Ср. Мф. 5, 18.

⁸ Ср. I Кор. 9, 2.

⁹ Речь идет о таинстве Евхаристии.

¹⁰ Ср. Cat. 5, 654–656: «Почему вы не убоились нечистыми руками и еще более нечистыми душами держать и вкушать Меня, Пречистого и Нескверного?»

¹¹ Ср. Мф. 22, 11.

¹² Ср. Мф. 23, 26–27.

¹³ Ср. Ин. 13, 27. Слав.: «и по хлебе тогда вниде вонь сатана».

¹⁴ Ср. I Тим. 4, 2.

¹⁵ Т.е. в храм.

¹⁶ Ср. Мф. 10, 26; I Кор. 4, 5.

¹⁷ Здесь игра слов: кто возлюбил Христа (*Χριστόν*), а отринул золото (*χρῆσόν*).

¹⁸ Симония, т.е. взимание денег за рукоположение в священнический сан, являлась одним из наиболее распространенных пороков среди высшего духовенства разных эпох. Так называемые «Апостольские правила», а также каноны Вселенских и Поместных Соборов строго запрещают симонию и признают рукоположение, совершенное за деньги, лишенным благодатной силы: «Если епископ или пресвитер или диакон получит это достоинство при

помощи денег, да будет извержен и он, и тот, кто его поставил, и да будет отсечен от общения, как Симон-волхв (был отлучен Петром». (Сан. Ап. 29 в кн.: F. Funk. Didascalia et Constitutiones Apostolorum, Paderborn 1905; см. также С. Chalc., 451, сан. 2; С. Trull., 691, сан. 22; С. Nic., 787, сан. 5 — в кн. E. Schwartz. Acta Conciliorum Oecumenicorum, Berlin 1924-40).

¹⁹ Церковные каноны запрещают епископу одной епархии вмешиваться в дела другой епархии (С. Ephes., 431, сан. 8; С. Anth., 341, сан. 9; С. Carthag., 318, сан. 64-76 — в кн.: E. Schwartz. Acta...).

²⁰ Епископ, священник или диакон, употребивший «влияние мирских начальников» для получения священного сана, по церковным канонам, должен быть извержен из сана, а также и все, кто общаются с ним. (Сан. Ап. 30 в кн.: F. Funk. Didascalia., С. Nic., сан. 3 в кн.: E. Schwartz. Acta...).

²¹ Ср. 2 Кор. 6, 16.

²² Т.е. Божественную Литургию.

²³ Ср. I Ин. 2, 15.

²⁴ Ср. Мф. 16, 25.

²⁵ Это аллюзия на иерейскую молитву, читаемую во время Херувимской песни на Литургиях св. Василия Великого и св. Иоанна Златоуста: «Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй, и раздаваемый, Христе Боже наш...» (см.: Службник, изд. Моск. Патр., М., 1977, с. 126).

²⁶ Ср. Мф. 8, 20.

²⁷ Переводя так, мы следуем Дионисию Загорейскому.

²⁸ Византийская юридическая практика предусматривала заточение в долговую тюрьму за неуплату долгов.

²⁹ Т.е. седьмого тысячелетия «от сотворения мира», по византийскому календарю. Согласно этому летосчислению, Христос родился в 5508 г., а время жизни преп. Симеона приходится на 6457-6530 гг., т.е. середину седьмого тысячелетия, или, как он выражается, «седьмого века» (ἑβδόμου αἰώνος). См. об этом: SC 196, p. 301 (note).

³⁰ Ср. Мф. 18, 10; Лк. 9, 48.

³¹ Т.е. этого смиренного человека, который велик перед Богом. Ср. Лк. 1, 52.

³² Ср. Мф. 23, 26.

³³ Букв.: украшаете внешний облик (δῦαλμα). Преп. Симеон противопоставляет «облик» (δῦαλμα) — изображение человека, статуя — «образу» (εἰκών — образ, икона). Внешнее благочестие некоторых монахов при отсутствии внутреннего делания было предметом обличений св. Григория Богослова в стихотворении «На лицемерных монахов»: «Как мрачен и бледен ты, юноша! Ходишь без обуви с распущенными волосами, едва можешь выговорить слово, хитон свис у тебя до пояса, или черная хламида чинно влачится по пятам. Если все это ради веры, то о сем должна свидетельствовать целая жизнь. А если только одна картина, то пусть хвалит сие другой!» (Св. Григорий Богослов. Творения, т. 2, с. 254).

³⁴ Ср. Мф. 23, 27-28.

³⁵ Вериги — железные цепи, которые носят на себе подвижники для усмирения плоти. Власяница — одежда из грубой шерсти, надеваемая на голое тело.

³⁶ Термин «тайное делание» (κροτήν ἔργασια) в данном контексте означает вообще духовную жизнь; в аскетической традиции этот термин означает непрестанную молитву.

³⁷ Ср. Гал. 6, 3.

³⁸ Ср. I Ин. 2, 16.

³⁹ Изречение «γινῶθι σεαυτὸν» — «познай себя» было написано на храме Аполлона в Дельфах: Платон приписывает его авторство семи греческим мудрецам (Протагор, 343 а-в, см.: Собр. соч. т. 1, М., 1991, с. 455). Это изречение стало поговоркой в византийскую эпоху.

⁴⁰ Выражение «остаток жизни» (ζῶης λείφανον ὧν ἐν Βίφ) заимствовано из языка св. Григория Богослова: ср. PG 36, 380 С: Βίου λείφανον ὧν.

⁴¹ Так в оригинале: δὲ τὸ καὶ νῦν ἀμήν εἰς τοὺς αἰῶνας. «Аминь» стоит не в конце фразы, как это бывает обычно, а в середине.

ДНЕВНИК ДУХОВНЫЙ *

20.XII / 2.I-1924-1925

Господи, мой Господи! Как я возблагодарю Тебя! На путях моих видел я руку Твою, ведал я милость Твою, в изумлении зрел Тебя. Господи, мой Господи! Как я возблагодарю Тебя. Ты миловал и сохранял меня, Ты давал мне мысль и смелость, Ты приводил меня к людям Твоим, творящим волю Твою. Господи, мой Господи! Как возблагодарю Тебя! Во всех путях моих ты соблюдал мне близких моих, Ты дал мне радость соединиться с ними, Ты сохраняешь их. Сохрани же душу мою к Тебе, Господи, мой Господи, дай ей силу огненную любви Твоей, дай ей усилие в молитве к славе Твоей, дай ей услаждение сладчайшим Именем Твоим, дай ей слезы любви Твоей, дай ей забвение о всем мире сем, ради любви Твоей, дай ей свободу от страха и тревоги мира сего. Дай ей зреть выну лице Твое, дай ей лобызать воскрилия риз Твоих, дай ей предстоять у престола Твоего, дай ей слышать вои небесные и их славословие Тебе, дай ей соединиться с хором святых Твоих, выну славящих Тебя, дай ей умереть в любви Твоей, дай ей погубить себя, и потеряться навеки в океане величества Твоего, дай ей зрети славу Твою, дай ей ведети величие Твое, дай ей носиться на руку Твою, дай ей лобызати нози Сына Твоего и обливати слезами окаянства своего и отирати власы своими, дай ей Дух Святого Утешителя вся исполняющего, вся светящего, вся увеселяющего, вся воспламеняющего, вся радующего, дай мне зрети и лобызати нози Пречистой Богородицы Приснодевы Марии, Радостей Радости. Спаси, сохрани, помилуй всех братий моих и приведи их к вере и славе Твоей. Слава, слава, слава в вышних Богу...

* Окончание. Начало см.: «Вестник РХД» № 174.

21.XII / 3.I-1924-1925

«Если бы не сократились те дни, то не спаслась бы никакая плоть» (Мф. 24/24). Господь Сам свидетельствует, что может быть и будет такая скорбь, такое искушение, пред которым все окажутся бессильными и — падут... Как в ночь Тайной Вечери, когда возгласил Господь: один из вас предаст Меня, все стали спрашивать: не я ли, Господи? даже самоуверенная горячность Петра здесь его оставила, и каждый за себя трепетал; как в ночь Гефсиманскую все оставили Его, один предал, один отрекся; так и в дни скорби сей нет сил человеческих, чтобы выдержать все испытание. Такова человеческая немощь, и познание своей немощи и всечеловеческой немощи дается в этом страшном горниле испытаний, попущенных Богом. Мир ввергается сатане, и сатана побеждает человеческую немощь. И тогда невольно встает в душе страшный искусительный вопрос: не правы ли те, которые глумятся над верой, которые отрицают духовную жизнь и признают только животную? Не в праве ли они не верить в веру, которая не выдерживает испытания, которая в себе или свыше не содержит силы противостоять всему? Не правы ли те, которые говорят, что вера — это только приправа довольной и сытой жизни, а если она отнимается, то и вера гаснет? Таковы искушения, с которыми диавол приходит к людям в эту Гефсиманскую ночь ужаса и горя. Тот, кто прошел через это горнило искушений, он знает, что это искушение *непосильно* ни для него, ни для кого другого. Для него навсегда сторела человеческая самоуверенность и гордость, он видит насквозь ограниченность и ослепление тех, кто, этого не испытав, мнит о себе другое. Для него наступает и разочарование и какая-то печальная его мудрость. Он узнает, что вера есть дар Божий, но и возможность веры есть также милость Божия, и она может быть отнята, и ее отсутствия не выдержит «никакая плоть». Можно выдержать, не дрогнув, мученичество, пост, пустынночество, но не это бесконечное и безбрежное, изо дня в день растянув-

шееся надругательство над всем святым... Душа засты-
вает и изнемогает. Это — *последнее* испытание. Оно учит
или отчаянию, или последнему смирению. Человек, дей-
ствительно, в плену греха, действительно он немощен.
И никто не должен судить другого, весь суд Господу
Богу. В самом деле, чем лучше наши прежние дети,
получившие воспитание от церкви, теперешних детей
русских, воспитывающихся как исчадия ада? Разве есть
чья-либо личная вина — а если есть, то общая всех — и
предков и потомков — в этом осатанении, опустившемся
на страну, как черная туча? Господь не лицеприятен. Он
будет судить вместе всех, пред Его глазами окажутся
оправданными ныне беснующиеся и осужденными их
благочестивые предки. О глубина богатства, премудро-
сти и разума Божия. Но поистине мы имеем от себя
только немощь и все, все от Господа.

22.XII / 5.I-1924-1925

Когда Господь сказал: «один из вас предаст Меня»,
то ученики в смущении вопрошали друг друга: не я ли,
Господи? Они испугались — и они не были уверены —
каждый за себя, — что неспособны на это падение, и
даже Петр в эту минуту забыл свою самоуверенность и
пылкость и не стал делать своих заверений. А в эту
страшную ночь разбежались все, — страх объял неодо-
лимый. Вся любовь к Нему, все чудеса и знамения, кото-
рые видели, все силы, которые творили, — всего этого
оказалось недостаточно, чтобы победить человеческую
немощь, если только ее не укрепляет сила Божия. А
здесь, в эту Гефсиманскую ночь, они были оставлены на
свою человеческую силу. Надо знать эту человеческую
немощь, чтобы не соблазняться ею и в эту Гефсиман-
скую ночь, которая ныне опустилась над нашей роди-
ной. Одинаково нет основания ни для разочарования
в людях, ни для отчаяния в вере. Только опытно мы
познали теперь, что все, что в нас самих казалось нам
нашей добродетелью, вообще *нашим*, и даже самая вера
в Бога, даже самая любовь к Нему, — все это — *милость*

Божия. *Смирению* — глубокому и окончательному смире-
нию, но не разочарованию учит нас современный опыт.
Прошедшие его, мы смотрим другими уже глазами на
человеческое величие, гордость и силы, как возвратив-
шийся из страны мертвых смотрит на земную жизнь и ее
упование. Он видит всех с печатью смерти на лице, он
видит их в потустороннем освещении, так же и здесь мы
озираем эту жизнь, зная наперед, что случилось бы с нею,
если бы она была ввергнута в горнило испытаний. Поче-
му и зачем были ввергнуты апостолы в это искушение,
от которого остерегал, зовя к молитве, Господь (моли-
тесь, да не ввидите во искушение)? Господь хотел явить
немощь даже тех, кого Он избрал для Своего дела от всех
людей, кто благодатию Божиею обрел в себе силы слу-
жить Ему. Здесь обличается всякая люциферическая гор-
дость в человеке. *Нет и не может быть* человека, который
бы был непобедим для искушений и испытаний, для
силы греха, и святость есть особый удел и милость Бо-
жия, она от Бога. Какая это тайна судьбы человеческой!
Господь всех заключил в непослушание, чтобы всех по-
миловать! О глубина и богатство премудрости и разума
Божия, яко неисследованы пути Его!

28.XII / 10.I-1924-1925

Поклоняемся Рождеству Твоему, Христе! Как тихо и
несомненно среди шума житейского сходит в душу свя-
той праздник и воцаряется в ней! Как радостно любить
и радоваться вместе в этот праздник! Как тяжело о тех,
кто не входит в любовь эту и остается в тусклых и серых
буднях! Слышит ухо внутреннее пение ангелов, и вторит
им сердце. Для этого не нужно знамений, не нужно яв-
лений ангелов, которые однажды уже явились, для этого
достаточно внимать сердцу своему и светлой праздни-
чной тишине его. В этом ясном, прозрачном свете сердца
реют крыла ангельские и слышится пение ангельское.
Изумляется ум и немеет сердце пред таинством Божьего
снисхождения и Божьей любви к миру. И становится
ясно, насколько мир насквозь пронцаем для Божества,

насколько он ничего не может дать, но и ничему не может помешать, ничего не может заслонить. Господь взял для Себя от мира ясли и пещеру, и тем показал, что ничтожны и не нужны для Него все богатства мира. И Господь пришел в мир под кровом неизвестности для мира, чтобы совершить в нем Свое мировое дело. И даже самое напряженное злодейство мира, в лице Ирода, оказалось бессильным для того, чтобы помешать делу Его и уж тем более посягнуть на Него Самого. И меч Ирода, бессильно опустившийся на Вифлеемских младенцев, миновал свою жертву, для которой еще не пришло время для Ее принесения. Какую свежесть, юность и бодрость вливает в душу великий праздник. Как будто заново узнаешь и удостоверяешься, что зло призрачно и бессильно со своими Иродовыми ухищрениями, что здесь в суете мира *с нами Бог и мы с Богом*. И все, что творится нынешними Иродами, так же смешно, жалко и бессильно против горящей в высотах Вифлеемской звезды. Она *недосыгаема* на небе и в сердце. Но или сердце человеческое — небо? Да, небо, ибо в нем горят звезды. Да, небо, ибо в нем рождается Христос Младенец: да, небо, ибо и в нем реют ангелы и раздается ангельское пение. «Христос рождается!»...

30.XII / 12.I-1924-1925

«Яко посреде хожду сетей многих»... Незримо ранится и соблазняется душа: услышанное слово, впечатление ложится на сердце тяжелым камнем, давит его каким-то испугом, изнемогает слабое сердце. Таково действие сатаны, и человек сам часто и не подозревает, орудием чего он является. И тогда темно выглядит весь Божий свет и гаснет радость. Тогда в сердце заползает нечистый страх и ночь уныния. То, что знаешь всегда, вдруг выступает перед тобой в каком-то мертвенном свете. Это — искушение, которое надо мужественно перетерпеть и ему не поддаваться. Надо сказать сердцу своему: ты ложь, если забываешь о Боге спасающем. Надо молитвой тереть коченеющие члены души, пока не отнимется эта

черная туча. Теперь времена антихристовы. Антихрист сеет свои семена всюду, в беззащитные души и зовет их к восстанию против Бога. Но страшнее этого холод равнодушия и лень сердец, мертвость. Господи! дай мне Ты силу и власть пробуждать мертвецов, Ты, воскрешавший из мертвых. Пред Тобою сердце мое болящее. Научи меня, как собирать людей Твоих, как пасти их пред Тобою. Изнемогает рассеянное стадо сие, пески изгнания впитывают и поглощают остатки жизненной влаги их. И разумею судьбу их и судьбу всех, и человеческим разумом своим зрю ее безысходность. Но в Тебе и с Тобою нет безысходности, Ты — Путь и Истина, призови же на Путь стадо Твое, дай мне силу огненную, разбей оковы души моей. Я знаю Тебя и слышу Тебя, я люблю Тебя, дай мне зажечь огнем любви Твоей эти остывшие и потемневшие сердца. Ты ведаешь скорбь русскую, Ты знаешь поток сей безбожия, наводнивший землю нашу. Ты вся веси, Ты ведешь, Ты знаешь путь. Я — Твой, я не хочу воли своей. Но зажги, зажги сердце мое в эту холодную Гефсиманскую ночь мира.

31.XII / 13.I-1924-1925

Миновал еще год, новая страница книги жизни, обремененная новыми грехами и искушениями, перевернулась в вечности и предстанет пред моим окаянством на Страшном Суде Христовом. О, Господи, мой Господи, доколе я гневаю Тебя, испытую долготерпение Твое? Я вижу свою немощь, свой грех, томлюсь им и остаюсь в нем. Но славлю чудеса Твои, Господи, которые Ты явил мне в мире сем. Вся жизнь есть чудо, чудо есть дары Твои, любимые мои, семья, дружба, все мои радости. Чудо есть труд для Тебя, для дела Твоего на земле, которого Ты удостоил меня недостойного. Чудо есть милости Твои, которыми Ты меня венчал. Ты спросишь ответа и оправдания о каждом годе жизни, данном нам, и что реку? И однако вижу, как велик и благодетелен был истекший год сей, сколь многое дано мне Богом, сколь-ко надежд и возможностей в нем заложено. Я предаю

себя в Твою волю: что Тебе угодно, то буди, нет моей воли, нет моего желания, скажи мне путь Твой, в онь же пойду.

2/15.I-1925. День преп. Серафима.

Преп. отче Серафиме, моли Бога о нас! Моли Бога о земле русской, тобою возлюбленной, тобою осиянной, тобою прославленной. Как исполин, занявший полнеба величием образа своего, стоишь ты, великий старец наш, хранителем земли русской и за нее молитвенником. Твое сердце — уголь горящ, твои уста — сладчайшее Имя Иисусово, твои очи — Богородицино сияние. Ты все предуведал о наших судьбах, ты наперед плакал о них, но ты и обетовал, что, после великих скорбей, прославится и воссияет земля наша вместе с тобою, великий и дивный старче наш. И стопочки Богородицы ступали на ней, к тебе и ради тебя, избранный в роде Пречистой, отче наш, и неизгладимы следы сии в земле Богородициной. Дивный наш, как померкло бы наше небо, как оскудело бы наше сердце, если бы ты не был с нами, если бы ты великими своими подвигами не стяжал бы нам своего предстательства. В тебе — тайна России — серафимовская тайна, в угле сердца твоего, преподобне отче наш. Ты освятил землю, на которой ты жил, трудами своими и потом, ты освятил камень тот своею молитвою, ты освятил бор своим житием в нем, ты освятил зверей своим с ними общением. Старче духоносный, ты был нам вестником Духа Святого и возлюбленным Духоносицы Девы. Ты Радостей Радость познал в Ней, и сия радость была в Духе Святом. Ты познал сияющую радость жизни. Для тебя всякое человеческое существо виделось в озарении Духа Святого, и ты стяжал радость любви, ты говорил каждому: «радость моя»! Правда, мир и радость о Духе Святом жили в тебе, отче наш. Ты познал воню воскресения, вкусил божественного винограда веселие, и всегда для тебя была Пасха, всегда уста твои приветствовали людей радостной вестью: Христос воскрес! Старче наш, в тебе просиял нам Свет Невечерний, в

тебе святая Божественная София, Премудрость Божия в яве бысть нам. В тебе некий Серафим от Божьего престола сошел на землю в человеческом монашеском образе, и земля та была — земля русская. В тебе и тобою совершилось избрание сей земли святой. И сие неотменно, что бы ни совершалось и как бы ни совершалось с нею. В день сей, священной памяти твоей, это так видится очами веры, что кажутся несуществующим призраком все наши теперешние беды, и нет ничего, кроме Сарова, Дивеева, серафимовских сирот, их мельницы, канавки, стопочек Богоматери и самого дивного, склоненного, на топорик опирающегося благодатного старца, с лазурными очами, сияющими радостей радостью, и говорящего нам: Христос воскрес!

4/17.I-1925

Господи, вот я, раб Твой, пред Тобюю, скажи мне волю Твою... Душа моя отяжелела в благополучии, в себялюбии, в покое. Она цепляется за них, бессильная, она не хочет и не умеет «восходить во Иерусалим» для пропятия. А Ты ведешь, Ты зовешь избранных Своих к пропятию с Тобюю. Сей Иерусалим — горькая родина наша, избивающая пророков и святителей, и не останавливается свирепость иродов, новые жертвы берет он себе. Мы же смотрим со стороны, как будто нас это не касается, как будто не спросит Господь с нас в день Страшного Суда ответа о родине нашей, нам данной и нами греховно утраченной. О, Господи, победи во мне забвение и сон духовный, зажги сердце любовью Креста Твоего.

7/20.I-1925

Во плоти ангел, пророков основание, Предтеча Господень! Ты зрел и узнал и крестил Агнца Божия, вземляющего грех мира. Ты устоял, не бежав смятенный, когда море виде и побеже и Иордан возвратися вспять. Твой молчаливый подвиг есть подвиг веры, мужества и

самоотвержения. Как сродница твоя Мария в час свой рекла предустановленное от века: се раба Господня, и тем человечески совершила спасение мира, так и ты, посланный ангелом Божиим от человеков к встрече Мессии, ты явил себя Предтечей: Ты остался на своем месте свершить страшное дело — крестить Христа, быть свидетелем Богоявления, пятидесятницы Христовой. Какие же ныне человеческие силы устояли пред этим страхом и трепетом? Посему и глаголет Господь, несть болий из рожденных между женами, ибо кто же способен видеть лицом к лицу Бога во плоти и явлении Пресвятой Троицы. Предтеча *узнал Его*, он *узнал все*, очи его не были закрыты неведением, которое позволяло переносить зрак Его даже апостолам, — он *видел* — и устоял. Встреча миром Агнца своего в его лице совершилась. Она не могла не совершиться. Вочеловечившийся Бог должен был быть встречен и принят человечеством, иначе не совершилось бы *свободное* спасение. Если бы Иоанн убоился, или впал бы в страшное искушение соревнования, мир сошел бы со своих оснований, ибо не узнал бы часа своего, и Христос остался бы непризнанный и непринятый. Святой Предтеча Христов, собирай нас в собор свой.

10/23.I-1925

Аще беззакония назириши, Господи, Господи, кто постоит. Изнемогает душа от греха и бессилия. Мир ранит, и бес- сильно плачет душа, и видит свой грех и свою немощь. Приходит смерть души, из глубины возвах к Тебе, но не восходит голос мой и сам я его не слышу... Дни слабости, дни испытания, дни слез... Господи, я не могу, не хочу зреть своего ничтожества, дай мне зреть только Тебя, думать только о Тебе, любить только Тебя, работать только Тебе. Работайте Господеву со страхом и радуйте- ся Ему с трепетом. Дай мне слезы, но слезы молитвы, слезы умиления. Я Твой, Господи, я не хочу быть своим или чужим, возьми и меня, прими меня...

11/24.I-1925

Господи! Пошли мир Твой на сердце мое! Что слаще мира Твоего, что слаще слез, которые Ты посылаешь, что слаще в предстоянии Тебе на молитве, когда Ты даешь молитву! Господи! Я люблю Тебя, я хочу сгореть в любви Твоей, я хочу любить тех, кого Ты даешь мне любить не для себя, как хочет греховная природа моя, но для них и только для них, как Ты любишь создание Твое. Дай мне эту любовь, научи меня любить — любить не себя в других, но других в себе. Господи, Крепосте моя, прибежище мое и утверждение мое, возлюблю Тебя выну!

13/26.I-1925

Господи, изнемогает душа моя от благодарения. Ты дал мне жизнь, Ты дал мне мир, Ты дал мне близких и любимых, Ты посылал мне во все времена жизни друзей, Ты даешь мне ныне благодатного друга, опору и утешение. Сохрани его, Господи, Твоей благодатию, научи меня, помоги мне, вразуми меня, как сохранить святыню дружбы сея, как вести и спасти мне Тобой избранную душу и как спастись ею и вместе с нею. Знаю, Господи, что нечисто сердце мое пред Тобою, ведаю, что греховна жизнь моя, не достоин я друга сего и негоден я вести его и руководить. Но верю, что Ты, Господи, послал его, знаю, что Сама Пречистая Твоя Матерь осеняет его и нас покровом Своим, и уповаю, что чрез мои нечистые и гугнивые уста, чрез мою темную душу Ты можешь послать свет Твой и явить путь Твой. Как солнце светит чрез темные облака, как грязный светильник все-таки издает свет, Тобою зажженный. Помоги, Господи, сохрани, освяти!

16/29.I-1925

«И в лености житие мое иждих». Склоняются дни мои, и все отчетливее и беспощаднее слышу приговор: ленивый и лукавый раб, и вижу *всю* свою жизнь,

погрязшую в самолюбсании, праздности и лени, лени... Если бы хотя з чем-нибудь утрудить себя до кровавого пота, если бы хотя в чем-нибудь не жалеть себя ради Господа и труда Его. Но всегда и во всем саможелание и праздность. И видишь долгую жизнь, какую дал Бог, как пустое поле невозделанное, поросшее сорными травами, как неосуществленные и пропущенные возможности. Господи, даждь ми положиши начало благое: так молится душа, а сама уже не видит этого начала. Но, Господи мой, я знаю, что эти жалобы Тебе на себя призывают гнев Твой. Это — тяжкое уныние, которое более всех грехов. Это — утрата надежды на милость Твою, которая все преодолагает, и даже мою лень. Твоя благодать спасительная орошает и сухое бесплодное поле моей души. Твоя сила ее держит и живит. Я — Твой раб, твори со мной, что Ты хочешь, веди меня, куда Ты хочешь, повели мне, что должен сотворить раб Твой. Господи, научи меня творити волю Твою!

17/30.I-1925

Кончая день, вижу грехи его, грехи немощи, грехи слабости, грехи невоздержанности и грехи лени. И кто поможет ми от греха сего? И вставая утром, вижу пред собой те же грехи, которые мертвым грузом своим лежат на совести моей. Господи, прости, облегчи раны души моей. Ты даешь мне еще и еще жизнь, даешь эти месяцы и годы, а я, окаянный, их испепеляю во грехах моих. Но Ты, Господи, упование мое, прибежище мое, щит мой, утешение мое. Тебе отдаю грешную душу свою.

18/31.I-1925

Святый Ангеле Хранителю, моли Бога о нас! Какая радость, какая бодрость, какое утешение знать, что есть у нас Ангел Хранитель, верный и бодрый и добрый друг, и молитвенно призывать его. Сейчас, после молитвенного канона Ангелу Хранителю, на душе такая свежесть и ясность, как будто он — верный наставник и

друг — коснулся своим крылом, как будто испила душа моя из чаши небожителей. И как-то радостно знает и верит душа, что это он, да он — со мною и со всеми нами. Какая неизмеримая радость будет, когда откроются наши очи и мы увидим всю свою жизнь и, на протяжении всей, ее верного спутника, хранившего нас и милых, дорогих наших, от расхищения, от растерзания, от злобных демонов и их служителей, когда мы узнаем эту любовь к нам, нами ничем, ничем, кроме небрежения, не заслуженную, и эту молитву пред Престолом Всевышнего о нас и славословие ангельское.

20.I / 2.II-1925

Господи, благодарю Тебя за испытание, за трудности, за горести, которые Ты мне посылаешь. Я знаю, как жестка и черства и суха душа моя без Твоих вразумлений, как она засыпает, как ожесточается. Славлю и лобызаю ведущую десницу Твою.

23.I / 5.II-1925

Была потрясающая и умилительная картина отхождения к Богу юной девы. Господь привел меня к ее смертному одру незадолго до ее кончины. Христос посетил ее и приобщил моей грешной рукой Своего Тела и Крови. Как птица в синеву небес, воспарила ее душа к Жениху, в той комнате скорби тогда было небо, Господь был близ, было чудо милосердия Божия. А теперь она лежала спокойно, ясно и строго, все узнав, чего мы здесь не знаем. И было вокруг молитвенно и торжественно. Как благодатно служение священническое, — Господь дает грешному человеку, приближаясь к таинствам Своим, присутствовать при Своем прохождении. Как Моисей зрел задняя Божия, так зрит их и иерей, и на него ложится отсвет этой Славы, как на Моисея. О дивное и страшное служение! Как возблагодарить Бога за милость сию.

24.I / 6.II-1925

Господи! Иногда слабеют плечи мои и, кажется, изнемогают. Поддержи меня силою Твоею. Ты падал и изнемогал в несении Креста Твоего, Ты падал и изнемогал под тяжестью грехов моих, ибо Ты нес и мой крест на Себе, и уже пронес и донес его до места Голгофы. А я изнемогаю... Какой грех слабости и малодушия! Но Ты разрешил изнемогать, Ты благословил и изнеможение, ибо падал Ты под тягостью креста, и нес его. Так и раба Твоего, Господи, вразуми и научи любить крест свой и не изнемогать от него на пути душою, даже когда изнемогают силы. Ты Сам, Господи, помогаешь, Ты со мной, на Тебя опирается рука моя. Ты всех ведешь, Господи, путем горестного и тягостного покаяния, видения грехов своих, испытания совести своей. Кресту Твоему поклоняюсь, Владыко, научи меня любить крест мой.

25.I / 7.II-1925

Избави нас от всякого неведения и забвения и *окаменного нечувствия*. Когда сей недуг посещает грешную душу, темнеет в несчастной душе и темен становится мир. Слова молитвы падают, не отражая звука в безвоздушном пространстве. Молятся уста, но не молится душа. Мысли несутся, как разорванные тучи. Вся жизнь становится каким-то скучным обрядом и нет в ней очарования. Холодная рука сжимает сердце, и нет в нем любви ни к Богу, ни к человеку, ни к Божьему миру. Как тень бродит человек призраком в мире призраков, и смеется сатана, который торжествует свою клеветническую победу. Прочь, клеветник! Да воскреснет Бог и расточатся врази Его! Милосердый Бог видит нужду мою, видит скорбь мою и немощь мою. Милосердый Бог выйдет навстречу блудному сыну, обнимет и насытит. Это отступление ко греху моему, окаянству моему для утверждения сил моих. Близ есть Господь и скоро поможет призывающим Его. Господи, зажги сердце немощное, дай любить Тебя всей душой, всем сердцем, всем помышлением.

27.I / 9.II-1925

Господи, научи меня смирению мытареву, дай возненавидеть себя в своей скверне, но сохрани меня от уныния и испуга. Я таков, каким Ты, Господи, меня изволил. Ты дал мне жизнь, дал любовь, дал все дары Твои. А я, несчастный, гордился, не благодарил, жаловался, изнемогал, и ленился без конца, проленился всю жизнь свою. И теперь на склоне вижу, как всю жизнь я проленился и не употребил во благо Твоих даров, не сделал Твоего труда, ибо жалел, жалел себя без конца. Ничему не научился, ничего не доделал, ничего не узнал и никому не помог. Я оставляю мир, как будто в нем не был, если не считать неисчислимых жертв моей лени и паразитства. Предо мной краткий остаток дней моих, который Ты мне еще даешь, дай мне волю к покаянию. Я ничего уже не могу сделать в жизни, я не могу вернуть своего прошлого, мною утраченного в лени, дай мне хотя оплакать его искренними слезами и благодарить Тебя за все дары Твои. Дай глас мытарев, Боже, милостив буди мне грешному.

28.I / 10.II-1925

Святой Ангеле Хранителю, моли Бога о нас. Как утешает и укрепляет молитва к Ангелу Хранителю, Другу нашему, который всегда близ и нам принадлежит. Нужно однажды в жизни как-то увидеть своего Хранителя-Друга, обрести его в молитве, чтобы носить в сердце радость о нем и упование. Какой страх, но и какая великая радость ждет нас, когда узнаем его лицом к лицу, узрим его после прехождения земного порога, когда разрешимся плоти. Какого учителя и наставника для той жизни мы в нем обретаем, который ведает всю нашу жизнь, всю ее *жил* с нами, плакал о наших падениях и радовался о наших восстаниях. Он знает, как преподавать нам первые уроки в новой жизни, которая ждет нас за гробом. О, мы не будем там одни, мы не будем оставлены. Ибо всякая, даже самая высшая, самая нежная

человеческая дружба не может сравниться с этой дружбой духовной, бескорыстной, не гнушающейся нашей смрадности и косности, но любовью все преодолевающей. Но и здесь он с нами, стоит за нашей спиной, осеняет нас своими крылами. Святой Ангеле, Хранителю Господень, моли Бога о нас!

30.I / 12.II-1925

Твой есть день и Твоя есть ночь. Ты оставил времена и сроки. Ты положил возраст человеку и труд его на земли. Ты дал мне долгую жизнь и явил Себя во все ее сроки. Ты хранил меня младенцем и дал вкушать от рая сладости младенчества. И Ты дал мне унести и сохранить во всей жизни своей плоды райского древа, вкушенные мною тогда. Ты освятил мои внутренности и посвятил меня храму. Младенцем и отроком возлюбил я сладость дома Твоего и жития в нем. Ты коснулся сердца моего жалостью к людям, и слезы раскаяния знали детские очи мои. Ты породил меня под сению Сергиевского храма, если Тебе благоугодно, и примешь под сению его мою грешную душу. И я, как блудный сын, взял богатство свое и удалился в страну далеку расточать имение свое, живя грешно и блудно, и сухо и бедно. И было так дотоле, пока не услышал я зова в сердце моем и не взял посоха, и трудно, нерешительно, робея, спотыкаясь, озираясь пошел в дом Отца моего. Был долог путь, но Отец меня встретил, обнял и привел, дал мне п и р веры. И началась моя жизнь у Отца, но Боже милосердый, каким она была оскорблением этого дома. Я принес и удержал все дурные навыки блудного своего жития, всю честолюбивую гордость, всю неукротенность воображения и страстей. И я снова начал сочинять себя и надмеваться собою, и голос истинного покаяния стихал в моем сердце. Тогда Ты вразумил меня испытанием, горем. Я очнулся и снова претыкаясь побрел, и так — в борьбе с блудными навыками своей греховной и смутной юности, изжил я свою зрелую жизнь. Господь окружил меня близкими и любящими, осыпал меня дарами своими, я

принимал это как должное, и было холодно сердце мое. Но Господь зажег во мне новую любовь к дому Своему, детский благовест зазвучал победно, случились общие испытания, и Господь снова вышел мне навстречу и взял меня в дом Свой, в ограду священства. И началась моя старость, кончающая жизнь бессилием, венчающая жизнь силою и славою. Ты провел меня чрез испытание и чудесно сохранил меня, но я остался глухим и косным сердцем. Тогда Ты излил новую и великую милость, послал мне верного друга в молитве и жизни, Ангела Хранителя, и с ним дал мне проходить эту предзакатную часть жизни. Ты окружаешь меня любовью, Господи! Как я воздам, как буду достоин Тебя. Но я хочу отдать Тебе всю свою жизнь, которую Тебе благоугодно дать мне, хочу Тебе безраздельно посвятить этот ничтожный остаток сил своих, который Ты можешь, если Тебе угодно, умножить. Я хочу жить Тобою и для Тебя и больше ничего не хотеть. Помогите мне Ты, который все можешь, можешь укрепить и мое ничтожество!

31.I / 13.II-1925

Господи, благодарю Тебя за любовь. Нет ничего выше любви, блаженнее любви и прекраснее. Ты даешь мне любить и быть любимым, мне жестоковыйному, недостоинному, черствому. Ты благодатию Твоею воспаляешь во мне любовь так, что кипит сердце мое и сгорает утроба моя. Ты даешь мне себя возненавидеть и ближнего моего возлюбить благодатию Твоею, причащением Тела и Крови Твоей. О, сколь дивное и страшное сие таинство! Как спасает оно и живет причащающихся! Сколь блажен удел иерея, имеющего страшное сие право, и как должны мы стремиться и верующим чаще преподавать Святые Тайны. Изменяется природа нашего естества, противоестественное становится естественным, чужая радость своею радостью, чужая боль своею болью. И в сердце ликующая радость о каждом человеке, о каждом создании Божием, и заблудшем и погибающем, и не ведающем Создателя своего. И небесной, райской ра-

достью, звоном Иерусалима небесного звенит радость о любящих и любимых, данных Богом. Слава Тебе!

1/14.II-1925

Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя окаянного! Иисусе Христе, Твоим Именем сладчайшим утишается буря сердца моего и жестокие его обстояния. Ты являешься на взволнованных водах души моей, и протягиваешь мне руку помощи, слышу глас Твой сладчайший: «чего усомнился, маловере», и иду, иду к Тебе по водам бурным. Растаяли облака скорби, сомнений, уныния, ясно и светло в душе моей и стоит на небе ее Солнце мое — Имя Твое. Господи, возлюблю Тя, Крепосте моя, Ты прибежище и утверждение мое. Дай любовь, дай волю, ум, помышление к Тебе, Тебе единому.

3/16.II-1925

*Но Сын Человеческий, пришедше, найдет ли веру на земле? Тяжела злоба, тяжело кощунство, тяжела вражда врагов креста Христова, но всего тяжелее и мертвее равнодушие, которое стелется подобно ядовитым туманам над миром и над русской землею и заполняет испарениями своими легкие. Иногда задыхаешься в этой скорби холода, неверия, одичания духовного. *Зане суть плоть*, — этот приговор Божий над допотопным человечеством исполняется и в наши дни. Но как же быть в скорби сей? Осуждать этих несчастных, возмущаться, негодовать, хотеть своими человеческими средствами помогать Господу или сводить огонь с небеси? И тем самому отравляться тем же ядом? Или же тихо скорбеть, плача просить у Бога помощи и прощения, с неосуждением, хотя и печалью, терпеть и к Господу взывать. Христианин не один, ибо с ним Христос. От Него ничто не может отделить — ни жизнь, ни смерть, ни глубина. В Нем ищи опоры и утешения и невозмогай. Знай, что не неведомы и не неожиданны тебе времена общего отступления, они предсказаны Господом, допущены Им в круг времен и*

свершений. Они имеют какое-то значение, нам неведомое, для торжества добра, для победы Христовой в мире. Стенай, скорби, плач, но противоборствуй во Христе, будь Его верный служитель, и в Нем, в Нем одном да будет крепость и утверждение.

4/17.II-1925

Молюсь святым Божиим, взираю на их лики на их иконах и поименно призываю каждого, беседую с ними, молю их о нуждах своих и с ними вместе молю Господа славы. Святые в иконах своих окружают алтарь мой домашний и сослужат мне, со-молятся со мною. Дивен Бог во святых Своих и блажен человек со святыми Божиими. Это радуга Божия, это хор ангелов-человеков, вместе с нами грешными, вместе со мною окаянными молящихся Богу. Они не гнушаются окаянства моего, и я не устыждаюсь, но зову их. Любовь наша к святым становится все теплее, ощутительнее, жизненнее, чем мы больше им молимся, и их ответная любовь к нам становится еще пламеннее, если только там может быть *еще*. Но ведь и святые Божии человеки, и для них есть вечное *еще*, и они богатеют в Бога любовью к нам нашими молитвами. Это кольцо человеческой *взаимности*, связующее небо с землею, грешных человеков и Божиих святых, это — ощутимость церкви видимой и невидимой, это — радуга — мост восхождения нашего от земли на небо. И все святые отзываются на наши молитвы, каждый на свою, о своем, к нему обращенную, и говорят своим языком, своим — свят. Николай, своим — преп. Сергей, своим — преп. Серафим, своим вкмч. Пантелеймон, своим — Мария Магдалина, вкмч. Варвара... Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев!

7/20.II-1925

Смерть! Дивное и великое таинство, с которым мы непрестанно встречаемся, проходя мимо и спеша, отвлекаясь мелочами жизни. О тишина, о молчание, о голос

того века, слышное, слышное молчание! Как близка смерть — как молитва, как Бог в молитве. Не нужно идти, не нужно искать, всегда здесь, близ, так и смерть всегда здесь, близ, нет никакого расстояния. И однако — бездна, и в этой бездне смысл жизни, ее оправдание, ее разгадка. Если бы жизнь мы могли мерить оттуда и тем, как учит нас Церковь, призывая к непрестанной памяти часа смертного, призывая к возгреванию вечной памяти и памяти вечности. Мучительны часы смерти, страшнее ее приход, но это ведь преходящий миг, а за ней освобождение и... итог, печальный, страшный, неумытный. Смолоду может казаться, что ненормальна смерть, но затем все яснее становится, что жизнь и есть смерть, как смерть есть жизнь. Смолоду может казаться, что смерть в таком отдалении, будто ее фактически нет. А затем становится все яснее (как и мне окаянному ныне), что давно уже перешел законный срок жизни, обозначавшийся всеми смертельными опасностями, от которых Бог сохранил, и теперь уже сверхдолжный срок жизни, особый дар милости и долготерпения Божия, дар щедротности Божией. И за каждый день и час этой сверхдолжной жизни нужно особо благодарить Господа, особо радоваться каждому этому часу и особенно за него ответственность перед Богом. Господь явил тебе, что жизнь твоя давно истощилась, и в глубине души ты сам это знаешь. Но Он в милосердии Своем дает еще и еще срок покаяния и смотрит и ждет, как ты воспользуешься отсрочкой, так же лениво и себялюбиво, как в дни своей всей жизни, которую всю ты в лености иждил, или принесешь плод покаяния. И каждая смерть есть зов и укор и обличение, каждая смерть. Господи, дай мне память смертную и умиление!

10/23.II-1925

Если ты терпишь неправду, не злобствуй и не злорадствуй, и не малодушествуй пред злом, но прими это как испытание, как милость Божию, радуясь и благодаря Бога, что дал тебе претерпеть поношение. И *молись* о тебя

онеправдовавших: поставь себя пред Богом и, молясь о них, прости в сердце своем пред лицом всеведущего Бога и воздохни о них, пожалей их. Да не будет это воздыхание фарисейское: Господи, я не таков, как они, — надо в их неправде видеть или искать их правду, их ревность, надо ставить себя в их положение и спрашивать себя, как бы ты поступил, не сделал бы и ты так же, ибо ограничен и односторонен и пристрастен всяк человек. И затем всегда видишь свой грех и свою вину и знаешь, что их суд, неправый в частностях, ты заслужил. Ищи всегда вину свою и исповедуй ее пред Богом, проси у Бога прощения, что соблазнил ближних своих и ввел во искушение. Но, главное, не злобствуй, не превозносись и не отчаивайся. Помни, что всяк человек ложь, и так как ты онеправдован, так и сам онеправдовал. Старайся победить зло добром. Это твой грех и твоя слабость, если ты не можешь обратить сердце недруга твоего, который против тебя по неведению. Будь терпелив. Терпи. Терпением спасайте души ваши. Претерпевый до конца, тот спасен будет. Терпение же рождает кротость, кротость — прощение, прощение — любовь. Любите врагов ваших — что блаженнее, как возлюбить недруга! Господи, помоги мне любить и прощать и жалеть и не осуждать братьев моих, ревнующих о Тебе!

12/25.II-1925

Господи, пошли мир Твой на люди Твоя! Как жаждет немирная душа мира, какое благодатное сокровище мир Твой! Меняется вся жизнь наша, все чувства, все помышления с миром Твоим. Вся сила человека в блюдении мира, все его спасение. Только мирный в сердце своем может любить, радовать, помогать своим ближним, только мирный может различать доброе от злого, важное от неважного, нужное от ненужного. Только мирный владеет собою и владеет мудростию. Но и немирный тоскует о мире, утраченном и необретенном, он и яритя потому, что в сердце своем сам не мирится с немирностью своей и жаждет мира. И приражения лукавства

всегда прежде всего лишают мира. Вот кажется тебе, что ты онеправдован, что ты обижен, что ты в опасности, и начинается буря в душе пристрастий, мелких и злых чувств. Человек их стыдится, их не хочет, с ними борется, ими побеждается. Молись тогда, молись, проси у Бога мира, молись больше всего о тех, кто тебя соблазняет; молись неотступно, молись кроваво за мир твой, и Господь пошлет тебе мир Свой.

13/26.II-1925

Смирись в волю Божию. Если ты видишь, что обстоятельства складываются властно и повелительно, но не так, как хочется тебе в самых твоих искренних, горячих и чистых пожеланиях, покоряйся в том воле Божией, смиряйся. Заставь себя любить десницу Божию, тебя ведущую, хотеть не того, что ты хочешь, но чего Бог для тебя хочет, даже если бы болело и изнемогало сердце твое. В этом высшая мудрость и высшая покорность. Может быть не скоро, но рано или поздно раскроется и пред тобой правда Божия и любовь Божия, тебя ведущая, ты и сам поймешь всю ограниченность твоих нынешних желаний и возблагодаришь Господа. Потому пусть не мятется сердце твое, если не по-твоему выходит. Если ты сделал от себя все, что мог и считал полезным и нужным, жди испытания от Господа и Ему покорствуй. Не томи сердце свое чрезмерной заботой о будущем; ты не знаешь, будет ли и как будет для тебя это будущее. Ты омрачаешь сердце печалью, которая всегда греховна, и не радуешься данной тебе ныне радостью. Возложи печаль твою на Господа, и Той ты препитаешь. Успокой неспокойное сердце.

14/27.II-1925

Уходят в тот мир спутники жизни, и каждый зовет — туда и как звон призывный говорит о предстоящем и приближающемся смертном часе. Смерть грешников люта, и страшен час смертный всякому грешнику и

окаянству моему. Но надеюсь на милость благоутробия Твоего. Давно уже слышит и знает душа этот зов, но не как неведомый и чуждый, но родной и близкий. Страшна, но и нестрашна смерть, ибо она истлевает, умирает сама, чем ближе мы к ней приближаемся. И за страшной и тягостной обстановкой гроба и тлена загорается новая жизнь, новая юность. Обновится яко орля юность твоя. Не нужно кутаться в стоическую тогу бесстрастия и равнодушия, потому что это гордость и лицемерие, но нужно отдаваться смиренно в любящую руку Господа. И как будто становятся постепенно все прозрачнее тяжелые врата смерти, чрез них просвечивает свет, доносится пение, предчувствуются души, там обитающие. У души пробиваются крылья, это как резь зубов, — давно еще, но уже есть начало, уже с предутренным чувством проходит жизнь душа, в утреннем воздухе купается... Надо жить всей полнотой, всей любовью, всем трудом, но надо носить в себе это ведение, что все — *до времени*, что все не только придется оставить, но *надо* оставить, *надо* принять... новое.

24.II / 9.III-1925

Святые дни Великого поста! Как живителен их ясный воздух, как светит их ясное солнце, как омывает душу их ясная чреда... Бог установил времена, и каждому времени дал свой чин и свою силу, но из всех дней избрал и почтил Он спасительные дни сии, в которых собирается и накапливается сила Великого Дня Христова Воскресения. В душе набухают почки нового дня. Но для этого должны быть срезаны старые ветви, как мучительно и тягостно это срезание, когда видишь себя, всю жизнь свою в свете страшного суда Христова, Его правды. Где наше величие, всегда мнимое, где наша гордость, тешащаяся призраками? Сколь тяжело это — *себя видеть*, поистине не может человек выносить этого долгое время, ищет забыться, отвернуться от себя; и только подвижники, мужи силы выносили это непрестанное видение грехов своих, непрестанное покаяние. Нам же, малым и слабым,

Господь смягчает время оплакивания наших собственных грехов, даруя прощение, даруя ослабу, даруя праздник. И в смиреннии будем принимать эту ослабу, как неспособные на большее... Один всегда подвизается в монастыре, другой лишь на краткое время туда приходит для молитвы, но пусть и второй не отчаивается. Поистине страшно себя видеть, и не надо ни испугаться, ни отравиться страхом, впад в уныние и отчаяние о себе. Это будет лишь новая гордость навыворот, надо *терпеть* и себя, стяжать дух *терпения*.

25.II / 10.III-1925

Господи, помилуй и помоги скорбящим и озлобленным рабам Твоим! Совершаются судьбы Твои рукою человеческою, силами природы, тем, что люди зовут слепым случаем. Сердце наше надрывается пред неправым, бессильно и не умеет возложить печаль свою на Бога, не умеет увидеть здесь десницу Божию всегда и во всем. Очи наши застланы... не могут подняться к нему, но нужно трудное усилие. Как после глубокой молитвы в душе воцаряется невозмутимая ясность, так и после скорби воцаряется покой. Да будет воля Твоя!

27.II / 12.III-1925

Господи! Какое чудо — иконы Твои и святых Твоих, сколь чудно присутствие Твое в них, сколь чудна близость Твоя и их к нашему грешному миру. Созерцая икону Предтечи Твоего, начертанную богомудрою рукою, трепетно чувствовал я душою смущенной, что это он сам коснулся души моей, он сам выступил из небесного жилища своего, чтобы озарить тьму этого мира, чтобы снова призывать нас к покаянию, чтобы снова возвещать нам о пришествии Господнем. И мнится, что дивная икона сия не просто начерталась, но и знаменует приближение времен и сроков, знаменует приближение свидетелей и светильников Твоих, уготовляющих путь Господень. Не эта робкая и нежная рука сию икону начертала, но сама

десница Предтечева, коснувшаяся неба и земли над склоненною главою Христовой. Можно пить источники утешения, слез, радости, благодати пред иконой, можно пред нею молиться, можно возноситься в мир тот. Икона не освященная — она с нами здесь, она нам, человекам, рассказанная, она откровение для человеков, она Господь на земле, который дает себя видеть, слышать, принимать, обнимать Свои колени, омывать Свои ноги и отирать их власами, но икона освященная уже уходит от нас, грешно ее пытаться обнять так, как Мария хотела обнять ноги Спасительны. Она — Христос Вознесшийся, Христос в Телѣ Воскресшем, мы не можем ее смотреть; мы должны на нее молиться, и нескромные взоры уже греховны. Нельзя смотреть не молясь на иконы уже освященные, и некое недолжное (хотя по человеческой немощи может быть и невольное и неизбежное, которое однако должно быть смыто покаянием) прегрешение совершаем мы, когда *рассматриваем* икону, любимся ею. Но не освященная еще, но благоговейно начертанная, икона есть уже тот, кто начертан, есть *его* присутствие, его лик. В дом сей вошел Креститель Спасов Иоанн.

28.II / 13.III-1925

Душе Святой, сердце Отчее, Любовь Любви, Любовь Святой Троицы! Ты дышишь, где хочешь, Ты везде сый, Ты вся исполняй, исполни и меня худородного и недостойного пѣти мыслью славу Твою, возвещать любовь Твою, воспевать пришествие Твое и приближение Твое. О Тебе изнемогает слово, ибо Ты — не Слово; о Тебе трепещет всякое сердце, ибо Ты — трепет сердца Отчего. О Тебе радуется всякая тварь, ибо Ты — Радостей Радость, Радость совершенная. О Тебе утешается всякая скорбь, исцеляется всякая немощь, ибо Ты — Утешитель. О Тебе просветляется всякая сумеречность, ибо Ты — свет преестественный. О Тебе исполняется всякая человеческая мечта, ибо Ты — всех исполнение. О Тебе обожаем — сено в огне, ибо Ты — огонь божественный, нас обожающий. О Тебе осуществляется всякая надежда,

ибо Ты грядущее возвещаешь. О Тебе любовь воспламеняется всякое сердце, ибо Ты — любовь еси и любовь его зажигаешь. Новая заповедь Христова: «да любите друг друга», есть и обетование Утешителя, Тебя, Любве. Научение апостола языков о пути превосходнейшем любви есть о Тебе научение. Тобою радуемся, Тобою молимся, Тобою вдохновляемся, Тобою любим, Тобою обожаем, Душе Святой, Свете Истинный, Радостей Радость, мира Утешение.

1/14.III-1925

Душе Святой, Любовь Божия, осветляющая, увеселяющая, радующая! Никто не знает, когда Ты приходишь и когда уходишь, но знает верное сердце, которое то вдруг трепетно радуется истаевая и из себя выходит, то вдруг, оставаясь собой, пребывает печальное, пустое и скованное. Когда Ты приходишь, цветет жизнь, радуются земля и небо, любовь зажигаются люди и радостью веет от всякого Твоего создания, наипаче от человека. Сколь блаженна была бы жизнь, если бы мы могли это удержать, сколь светел был бы мир Божий, земля и небо, если бы всегда он озарялся *этим* светом, сколь чудны были бы человеческие отношения в Духе Божиим, когда человек человеку не омрачение, но радость. Но никто не знает, как Ты уходишь. И мы остаемся жертвами самих себя, неутоленности, изъязвленности и пустоты, пустоты холода отъединения. Жаждет сердце утешения, жаждет вся тварь Утешителя. Утешителю, Душе Истины, прииди и вселися в ны!

3/16.III-1925

Душа человеческая дороже мира. Какое сокровище живая человеческая душа, какие жемчужины могут таиться на дне ее, о которых не подозревает сам человек и окружающие его, но о которых с изумлением и благодарением Богу свидетельствует Ему иерей, принимающий исповедь. Какая страшная на нас ответственность, разрывать этот клад в душах, разрыхлять их для благо-

дати Божией, орошать их дождем молитвы и слова! Господь знает Свое творение лучше, чем мы, в своей ограниченности видящие только кору и пески, и Он знает пути спасения каждого. Как дорог и как хорош человек в своем покаянии, в своей любви к Богу, в стремлении к Нему, как прекрасен кающийся. Он этого никогда не видит и не может и не должен видеть в своем покаянии, но видит Бог, видят святые ангелы, видит иерей, исповедь приемлющий. С благодатию священства Господь дает и благодать приятия чужих грехов и искреннего их неосуждения и прощения; священнику — сердце беззлобное. И ему видится кающийся не в грехах своих, но в красе своей Божьего творения, в нем светит образ Господа, в нем начертанный...

4/17.III-1925

Господи, каждый день даешь Ты пищу Твою душе и телу, даешь труд, даешь жизнь. Каждый день душа, омытая молитвой, снова дышит воздухом Твоим и внемлет Тебе, Богу живому, до тех пор, пока Ты не повелишь и не станет нового дня с его пищей. Человеческое лицо обращено вперед с надеждой, но со страхом мы озираемся назад, ибо там неисчетная череда дней, прожитых в лености, загубленных, потерянных, и с каждым новым днем, каждочасно старея, мы надеемся начать новую жизнь. Есть ли этот роковой самообман наша слабость, или же спасительная милость Божия? Бог не отъемлет надежды даже тогда, когда ее отъемлет человек, и Бог не постыждает надеющихся на нень. Итак, душа моя, что же тебе мешает: начни днесь новую жизнь и веди ее столько, сколько Господь велит... Изыщи, что тебе надо, с чего тебе начинать? Что в твоей власти, что ты можешь, а следовательно должен немедленно исправить, искоренить, совершить? Молитвенная ли воля и бдение, пост или доверие к Богу, любовное внимание к ближнему своим? Побди, душа, и дай Богу плод нового дня твоего, как бы ни был мал этот плод. Господь Сам умножит хлеб твой, но дай его Ему ты сам.

Сила любви — жертва, и высшая любовь есть жертвенная. И Господь хочет и дает такую любовь и силу ее избранникам Своим. Вся жизнь их есть подвиг, жертва, самоотречение, и никакого умягчения, ни услаждения. И таков образ любви Матери Божией, которая вся есть единая жертва. Вся Ее жизнь, вместе с Сыном Ее была посвящена подвигу жертвенной любви, и оружие сердце Ее всегда и непрестанно пронзало. Раба Господня, Она служила Ему жертвоприносящей любовью Своего матерного сердца, и донныне Она, прославленная на небесах, эту жертву приносит, ибо плачет и ходатайствует о роде греховном человеческом. И таков же был Иоанн Предтеча, сродник Ее. Ему дано было вкусить также лишь жертвенной любви, быть не женихом, но другом Жениховым, не расти, но мálиться. Он вольно принес в жертву себя и свое дело, когда сретил Агнца Божьего, но он не вкусил и радости участия в браке, пребывания на брачном пире. Он не присоединился к ученикам Его, не ходил с Ним, не услаждался Его слышанием и лицезрением; он, который бóльший из рожденных женами, был этого всего более достоин, но оставался *один* со своими учениками, продолжая крестить крещением покаяния, приуготовлять к срéтению Христа. Он остался один в ожидании своего конца от меча Иродова, и никакого умягчения, никакого услаждения, никакой радости человеческой, хотя и самой духовной, не было на пути его, одиноком и священно-ужасном и страшном. Его любовь была жертвой и только жертвой, как и Богоматери; и Богом была принята эта жертва... И печать духа Предтечева лежит на избранных душах, которые идут путем стропотным, напряжения, жертвы, подвига, — только не останавливаться; *нельзя отдыхать* — таков голос их души — и идут, восходя от славы в славу, путем Предтечевым — к сонму Царицы Неба и Земли, Матери на земле Непутешной.

Сколь возлюбленны селения Твои, Господи сил, желает и скончается душа моя во двory Господни! Сколь радостен, сколь избран удел священника, яко птица, обретшего себе храмину. Но не все — священники, однако и несвященникам дает Господь прикасаться к святилищу и радоваться о сем. Зрю жен и дев, создающих священные облачения, покровы для святых Таин Христовых, и радостно ширится сердце мое о них, о любви их, о чуде милости Божией. Непрестанно созидается и проходится благодатная лестница между землею и небом. Она творится и ныне робкими и послушными перстами. Ибо то, что к святилищу, то свято уже в предназначении, свято оно в освящении, и, входя в завесу огня, изымается из рук человеческих, оставаясь лишь в руках священнических, но поистине не человеческие уже руки священнические (сколь ни греховна, ни окаянна десница моя, о Господи). И то, что шьется и ткется в нашем быту, в обыденной жизни нашей, уже перерождается и святится в наших руках, становится вещью иного мира, нового неба и новой земли. Господь избрал искуснейших и наделил их дарами Святого Духа для совершения работ их для скинии. Но дар этот, сошедший однажды для избранных, остается и передается и ныне в Церкви, он почитет и ныне на тех, кто достойно и молитвенно совершает труд сей. И сии диакониссы Христовы допущены к некоему внешнему двору святилища, и они облакаются священством в *своем* чине непосвященных. И сим созидается мост между святилищем и внешним двором, связь, по которой восходят и нисходят ангелы с неба на землю. И жена, приносящая Господу любовь свою и труд свой, подобится женщине, купившей алавастр мира многоценного и возлившей на ноги Спасителя, и исполнился благоухания дом тот, и Господь сказал о сей блаженной жене, яко благое она сотворила... Благо, да будет благо и ныне сотворяющим благое женам, приносящим скляницу мира драгоценного любви сердца своего.

8/21.III-1925

Слава, Господи, Кресту Твоему честному. Я зрю крестную славу в бесконечных ее образах. Я созерцаю ее в распинающемся человеке. Се стоит он на кресте своем вольной любви к Господу, с сжатыми губами, напряженными членами, сухим взором, с болью утомления, и смотрит на мир, который ему не чужд, но безответен, умирая в любви и от любви к тому, что больше мира и выше мира. Как прекрасен он, как светел зрак его и тих, как поклоняюсь ему, целую край ризы его, внемлю воздыханиям его, и внемлю трепету пламенного сердца его. Горит сия неопалимая купина, горит и не сгорает, и в ней переплавляется золото сердца его. Страшит нашу слабость вид распятия и самораспятия, и вместе с тем, что же иное можем мы предложить Богу, как не себя самих, чтобы возлюбить Его. Его же любовью, какою Он победил мир. Естественное движение сказать любимому распинающемуся: сойди со креста, не мучь себя, не властен ли человек дать волю этому движению? Не становится ли он тем самым в хулители креста Господня? Лучше самому сораспинаться с ним и, страдая за него, прикасаться к его кресту, его любить? О люди, если бы в нас была сила любить крест друг друга, так чтобы все они сливались в один общий великий крест человеческий, он же и Крест Христов, легкое и сладкое бремя с Ним! Пречистая стояла у креста Возлюбленного Сына, сердце Ее проходило оружие, не было в мире большего страдания, но Она не рекла ни устами, ни в сердце: сойди со креста, освободи от муки. Она сораспиналась, Она — Мать Его и Мать всего человеческого рода. Дай же силу и нам не говорить в сердце своем этой греховной мысли, дай лобызать устами и душой всечестный Крест Господень и крест человеческий, врезающийся в дорогие, любимые плечи. Дай, склонившись под него, вместе нести его, вместе изнемогать с любимым...

10/23.III-1925

Смиряться и покорствуй, учись смиряться, бей, нудь, три себя для того, чтобы принять тебе посылаемое,

усмотреть в нем не случайность, не прихоть, но волю Божию и мысль Божию. Если кажется тебе: что онеправдали тебя люди, пусть не остается в сердце твоём заноза: усмотри в этом вразумление Божие, наказание Божие за твои грехи, за твою тайную, которые видит Бог. Храни мир души твоей, борись за этот мир, добивайся его как высшего сокровища. И если немирнен дух твой — знак недобрый того, что нездоров он грехом, или же находится в борении с искушением. Превозмогай любовью борющихся тебя, старайся перенестись в их положение, в их состояние, понять их и принять, а тогда не нужно и прощать, ибо нечего и прощать. Ищи недосыгаемости, невозмутимости не в гордости человеческой, но в мире Божием. Немирный немудр, несправедлив, близорук, но всякая победа над собой утверждает человека. Это и сказано у апостола: обув ноги в готовность благовествовать миру.

11/24.III-1925

О, сладчайшее Имя Иисусово, Премудрость и Сила! Ты насыщаешь сердце мое, Ты укрепляешь ноги мои, ты даешь мне мужество начать день сей пред Господом. О чудо молитвы, о чудо Божьего вездеприсутствия! Я зову Тебя, и Ты уже со мною в Имени Твоем, я ищу Тебя, и Ты уже в моем сердце и устах моих, я жажду Тебя, а Ты уже меня напояешь. О чудо чудес, оно чудеснее чудес мира, оно чудеснее солнца и звезд, земли и преисподней! Любовь Божия, любовь Христова, к нам явленная, печатлется в Имени Его и в крестной силе Его, меня и весь мир осеняющей. Неустрашимо вступаю в мир с этим орудием, и если пугаюсь, снова ощущаю его, что оно со мною, и снова иду далее. Имя, Кресте, Сила Христова, одень меня, облеки меня, сохрани сердце мое от помыслений лукавых, наложи на него замок от помыслов нечистых, запечатлей сердце мое перстнем обручения Твоего, о Женише, о Слове Божий, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня окаянного!

Явление ангелов! Мы недостойны и маломощны к зрению ангельского мира, который нас окружает, с нами молится, с нами сослужит. Но по воле Божией отверзнутся очи души нашей и она слышит сердцем ангельский полет, она зрит ангельские крылья. И тогда она взлетает с ними горе! тесен ей становится мир, непереносимо блаженство. В час смерти блаженная кончина праведников совершается от этого непереносимого восторга. Чистые души имеют это ведение ангелов, они запечатлевают его на иконе иглою и кистью, они показывают нам видения, от которых трепещет душа наша. Как милостив Господь, что посылает сюда, в сей мир, вестников об ином мире, не дает замкнуться и забыться в нем, но разделяет сердце наше, и дает предчувствие неземных блаженств. Престол всегда окружают херувимы, чашу Христову они благолепно провождают, и об этом говорит изображение херувимов на покровах. Но как редко, как скудно мы это знаем, и удивляемся великой радостью и удивлением, когда отверзается нам небо, и мы вдруг, в мгновение, на самом деле чувствуем близость ангельскую. От свечи загорается свеча, от сердца любит сердце, от души просвещается душа. Нужно, чтобы хотя где-либо загорелось пламя, оно согреет и осветит тысячи. Сколь драгоценно оно, как должны мы любить и чтить Божиих избранников, которых Он посылает в мир возвещать Свою волю и свидетельствовать о Себе. Ужасаюся и простираюся пред тайной любви Божией, мудрости и милосердия.

Незримо сеются семена добра и зла, и часто мы сами не замечаем, как мы друг друга искушаем, как острую занозу вонзаем в сердце ближнего, иногда отдаваясь своим страстям и похотям, иногда по неразумию. И каков сам, так и с тобой. Иногда встаешь от сна с бременем в сердце. Лукавый искушает, рассеивает, мешая молитве,

терзает недобрыми чувствами. Есть человеческое усилие воли отгонять искушение, но как слабы эти человеческие силы, но есть помощь божественная: заставь себя молиться о том, кто тебя ранил, искренно молиться, и, став перед Богом, ты не устоишь в недобром чувстве, оно рассеется, как дым, и станет ясно сердце твое. А когда око станет ясно, и все станет ясно, *светильник тела есть око, да будет же твое око светло.* И поистине мы смотрим на мир и жизнь разными глазами, с молитвой и без молитвы, до молитвы и после нее. Смирять себя, побори свое греховное чувство, благожелай. Если не поддается, постарайся отвлечься и забыть, пока не остынет твое недоброе чувство. Но не унижайся до мелких и низких чувств, храни свое достоинство, ты создан по образу Божиию, и сам ты — увы! — нуждаешься от всех в прощении и снисхождении. И больше всех, безмерней всех вина твоя не перед теми, которые тебя жалят, или к тебе враждуют, но перед теми, которые тебя любят. О страшный и неоплатный долг, вина любви, скудость любви, себялюбие, бездарность любви, ее неблагодарность! Обрати свой взор на себя, отведи его от искушающего тебя, и плачь, плачь о грехах любви пред любимыми твоими, тебя незаслуженно неблагодарного любящими. И разве кто-нибудь может сказать про себя, что он не должник в любви, что он любит так, как говорит ему его совесть? В час смерти, на страшном суде увидим мы это бессилие и холодность любви своей и черствость, восплачем и ужаснемся, но поздно. Гори же, сердце; Боже, зажги его, зажги Твоею любовью, и в огне как мусор сгорят и попалятся все плевелы сердца, все его греховные занозы.

Отъезд и путь дают чувство отрешения от привычной и сросшейся с нами обстановки, он подобен последнему пути, который предстоит нам. Потому всякая дорога волнует, одних огорчает, других радует, но всегда открывает в сердце источник новых чувств. Посему люди века

сего пристращаются к путешествиям. Но и Истина сказала о Себе: «Я — Путь». В Нем и в жизни с Ним есть это чувство пути, это освобождение. Господи, да будет путь мой Путем с Тобою...

24.III / 6.IV-1925

Блаженни есте, егда поносят вас Мене ради. Господи, пошли мне это блаженство. Дай мне радостно принимать испытания и напасти, которые Ты даешь мне претерпеть за Имя Твое. Дай мне чистую совесть и неколебимую твердость идти верным путем Твоего служения. Мужество есть терпение, готовность страдать, если нужно, и посылается страдание. Страх же есть стремление сойти с креста и освободиться от страдания под благовидным для себя предлогом. Это так естественно человеческому малодушию и себялюбью, что незаметно вкрадывается в душу. Проверь себя нелицеприятно, в вере ли ты, в истине ли ты, не находишься ли в прельщении. Но если сего не видишь, и пока не видишь, работай Господу твоему, яко верный раб. Не суди себя по суду людскому. Бойся, чтобы все человеки не говорили про тебя хорошо. Самое опасное и подозрительное — успех, а самое расслабляющее и тлетворное — его жажда. И то, что невинно в юности, греховно в старости. Имей сердце бесстрашное и горящее и его принеси Богу твоему.

29.III / 11.IV-1925

День судьбины Божией! кончина святейшего патриарха Тихона, избранника Божия. Осиротела русская церковь, осиротела русская земля, плачет безутешно, но да покоримся воле Божией. Она избрала его и поставила на свещницу, он указан был Материю Божией на великий крест, на безмерную скорбь, и он ныне отозван с своего поста. Непостижимы судьбы Божии, не ведаем, что означают дела Его, в трепете им покоряемся. Но как должны быть мы благодарны, как любить, чтить, хранить в сердце отца и печальника русской земли! Он

прославил в себе народ свой в эту пору безмерного уничижения, он светил всему миру светом своего мученичества. И для меня окаянного он явился орудием величайшей милости Божией, ко мне явленной: он меня благословил на священство, он оказал мне высшее доверие, какое может быть оказано, и в слезах лобызал я десницу благословляющую отца моего. Господи, прими и упокой душу его в святых Своих селениях.

17/30.IV-1925

Нет ничего страшнее греха, это есть смерть души. Смерть входит и разрывает душу, мертвит. Еще вчера, накануне греха, ты был светел и целен и радостен, но грех разорвал твою душу, в ней пустота и одиночество. Нет одиночества, кроме как во грехе. Грешник один, он оставлен и сам оставил Господа, которого он оскорбил. Его Пречистую Матерь, святых ангелов и святых угодников, своих любимых и близких, он пред всеми, всеми совершил свой грех, пред всеми — окаянный преступник. Он несет на себе тайну своего греха и его смерть. Грех — отчаяние и смерть души, смерть вторая. Все радуются, а грешник окружен кольцом своего греха, его эта радость мучит; все светятся, а в нем свет этот есть тьма. Так будет после Страшного Суда Божия: то самое блаженство и радость и свет, которое будет ликованием праведников, оно именно будет сковывать и казнить окаянных грешников. И опыт этой адской муки дается здесь, в этой жизни, немедленно после греха, в плену греха. Окаянный грешник осужден не внешним судом, не повелением Божиим, а самим грехом, самим собою. Адские муки — это *сила* греха в тебе самом, это — стыд, нестерпимый стыд греха, стыд обмана, стыд поругания святого, близкого, дорогого. Господи, спаси Ты грешника от отчаяния, дай покаяние, дай плач. Недостоин воззреть к Тебе, к Тебе обратиться, недостоин этого солнца, этой земли, этого Твоего творения, которое собою омрачает грешник, недостоин близких, любимых, всех людей, обманщик и вор. Но Ты — любовь, Ты пришел

грешных спасти, спаси же грешника от отчаяния, спаси, как Ты можешь и хочешь сам, не дай погибнуть созданию Твоему.

18.IV / 1.V-1925

Грех есть смерть, смерть вторая, смерть вечная. На грешнике печать отвержения Божия. То, что есть источник радости и любви для праведников, есть для грешника тьма кромешная, в которую сам он себя ввергнул, сам себя осудил. В грехе человек узнает всю силу над ним вечной гибели, неотвратной, непобедимой никакими человеческими силами. Но и этих сил нет, ибо грех — пустота, бессилие, смерть. Еще недавно двигался человек, радовался жизнью, радовался силе, кипевшей в нем, а теперь он мертв и пуст. Каков был ужас первородного греха, когда вдруг увидели себя люди, из любимых детей Божиих отверженными преступниками, и Отец предстал пред ними как Праведный Судия, и не могли они вынести зрака Того, Кого оскорбили грехом, скрылись в чащу. И этот опыт первородного греха повторяется с каждым человеком, когда он грехом оскорбляет Бога, Пречистую, святых апостолов, человек, и из них самых близких и дорогих и больше всего тех, кто его больше всего любит и доверяет. Пусть никто в мире не знает о твоём грехе, но знает и видит Бог всемогущий, и на Страшном суде *все*, все узнают и увидят твой грех. Какое страшное разочарование и горе постигнет их тогда, когда они увидят, что тот, кому они верили и любили, обманщик и смердящий грешник. Но в свете лица Божия спасутся они от того отчаяния, от разочарования, в которое впадут неизбежно, если сейчас грешник исповедует пред ними грех свой. Грех есть Каиново клеймо, проклятие. Он всего и всех лишает, он страшнее смерти. Нет ничего страшнее и лютее греха. И если бы Господь, в неизреченной любви Своей, не подал руку помощи, не влил в душу грешника силы прощения, погиб бы в отчаянии грешник. Плачь, плачь, несчастный, омывай слезами раны свои. Зная, что тебя окаяннее нет человека,

что сквернишь землю, на которой ты ходишь. Не для тебя она создана, если ты растлил себя грехом твоим. Но еще больший грех — отчаяние. Господь милосерд. Господь может *простить* грех, Он не может примириться с ним, но Он может сделать бывшее небывшим, омыть Кровию Своею. Он может восстановить разрушенную ткань души твоей, и мертвого воскресить. Он за тем и пришел в мир, чтобы падших восставить. Господь ведал слабость твою и греховность твою и ради нее оставил небесный престол Свой. Господь на кресте страдал за тебя, и за твою скверну, дабы тебя спасти от отчаяния и гибели. Господь слышит каждый вздох и видит каждую слезу. Ты ранее падения не знал силы греха в себе, ты был горд праведностью своею, которая была только неискушенность. Теперь ты смирился, потому что познал свое ничтожество. Теперь ты понял, как безмерна жертва любви Божией, когда увидел, ради чего она приносится, когда увидел и свой грех в Гефсиманской скорби Его, до кровавого пота, и себя в числе Его мучителей и распятелей. Не оскорбляй же теперь любви Божией благодарностью и неверием. Надейся на милость Божию, ибо Бог возлюбил тебя ранее создания. Ей, глаголет Господь, яко не хочу смерти грешника.

21.IV / 4.V-1925

У одра умирающего и тяжело больного познаешь суетность жизни и ее безмерную серьезность, когда с смертной тоской бьется и мучится больной, борясь между надеждой и отчаянием, он постыждает и смущает собой здоровых, которых также — рано или поздно — ждет этот час тоски и последней серьезности, последней ответственности. Здесь уже нет стены между временем и вечностью, между Богом и человеком, стены, которую воздвигает наше легкомыслие и беспечность. Здесь место молитвы, ухода к Богу, а не судорожному цеплянию за сегодняшний день и этот момент. Господь дает священнику силу и власть становиться у этого одра, утишать эту тревогу и давать ему истинное и последнее утешение

— отпущение грехов и Тело и Кровь Христову. Больше этого ничего нельзя дать и большего этого также нельзя дать. Непостижимы пути Божии. Господь всех равно любит, и этих больных и умирающих, как и здоровых. Но непостижимы нам здесь пути Божии. Нужно иметь подвиг веры утешающему этим, потому что иначе это будет отговорка, леность души. Нужно в свою душу принять и эту скорбь, и это страдание. Но это совершил только Сын Божий в саду Гефсиманском, Который принял в себя всякую слезу и скорбь. И призвал по образу Своему творить священников, к этому часу призванных. О, Господи, в борении Гефсиманском молящийся, дай нам, священникам, служителям Твоим, приобщиться этого Гефсиманского подвига, страдать вместе с страждущими детьми своими и давать им не камень равнодушия, но истинный хлеб Христова утешения и сострадания. Немощен человек для подвига сего, но дает Господь благодать священства и дары ее.

22.IV / 5.V-1925

Из глубины воззвах к Тебе, Господи! В смятении сердце мое, бессильна душа моя, изнемогает тело, нет мне утешения в грехах моих, в немощи моей. Ранее смерти смерть входит в душу и тело мое и разделяет их. И бессильный со дна ада вопию Тебе, Господи — помоги, укрепи, Ты еси Бог, творяй чудеса. Я окружен чудесами любви Твоей, и больше всех чудес — сердце любящее. Как взыскан я любовью человеческой, как взыскан я любовью Твоею. И вдруг я сам себе кажусь опустошен и наг! Освободи меня, Господи, от малодушия, от смятения, от маловерия. Дай мне хотеть все от Тебя, для Тебя и ради Тебя претерпеть! Благословляю крест Твой, лобызаю десницу Твою, меня ведущую, весь вверяюсь Тебе, отдаю Тебе всю свою душу, волю, помышление. Дай мне умереть для себя, дай, чтобы ничто личное и преходящее не омрачало мира души моей, дай мне быть достойным любви Твоей. Солнце мое, Бог мой, Утешение мое, слад-

чайший мой Иисусе, не оставь утопающего раба Твоего, ничего в нем своего не осталось, кроме немощи, весь я как сосуд, хотя и грязный, но ничем не наполненный, жаждущий исполниться вод Твоих. Исполни меня, залей, зажги, возрадуй, дай мне зреть Тебя, знать Тебя, любить Тебя, Иисусе мой сладчайший, сладчайший мой Иисусе!

13.IV / 6.V-1925

О чудо милости Божией! Вчера еще было смятение, а ныне тишина и мир от начальника тишины и подателя мира Господа нашего Иисуса Христа. Господь благодатию Своею исполняет душу, заливают ее Своим миром и светом и радостью, и душа успокоивается в объятиях Отца. Какое это громовое потрясающее чудо помощи Божией, которого только мы обычно не замечаем, но которое непрестанно совершается над грешной душой. Горячая молитва, благодатная встреча, помощь друга, который иногда, даже в большинстве случаев, и не подозревает, что он является орудием помощи Божией, и в душе наступает покой, и среди разъяренного моря душевного, захлестывающего своими волнами, приближается Господь и говорит: маловере, почто усумнился еси? И после греховного смятения чувствуешь снова опору, твердую землю, чувствуешь благу уверенность в себе и приток сил, не безумную человеческую самоуверенность, но новый опыт и знание, что Господь близ. Он видит и слышит и знает, и Ему в твердую руку надо предать себя. Не нужно бояться: страх есть грех и может быть смертным грехом. *Не нужно бояться* ни внешних трудностей, ни даже своей собственной слабости и немощи, которые узнаешь во всей их немолитвенности в жизни своей, ибо всемогущ Господь — помочь, вразумить, укрепить. С нами Бог! Слава Тебе, слава Тебе, слава Тебе, спасающему человека от малодушия, трепета и растерянности. О, чудо милости Божией, о, благодать!

24.IV / 7.V-1925

Невозможное человеку, возможно Богу. Если непосильная для тебя трудность легла на душу твою, если смущено сердце Твое и тревожна совесть твоя, возверзи печаль твою на Господа, и от Него ожидай помощи в трудности твоей. Не поддавайся малодушному унынию, нет силы, которая бы превозмогла благодать Божию. И молись горячо, беззаветно молись, верь, что молитва твоя пробьет каменную стену, воздвигшуюся вокруг тебя — твоим ли грехом или другими причинами. Господь ведет тебя к неведомому и невместимому благу, все трудности, которые встречаются на пути твоём, кроме греха, суть ступени, ведущие к Богу, к радости нездешней. Но и здесь, еще в земной оболочке, оглядываясь назад, ты видишь, как ты поднялся, насколько воздух стал реже, вид шире, но как страшна глубина, которая угрожает падением. Не поддавайся страху, даже страху безысходности, отовсюду есть исход на крыльях веры, на крыльях подвига и озарения. Господи мой, Господи, Тебя одного люблю, Тебя одного хочу любить, Тебе служить, научи мя творить волю Твою!

25.IV / 8.V-1925

Аз емь хлеб животный. Господь есть жизнь и дает вкушать Себя верующим ежедневно и ежечасно. День от дня жизни подается хлеб сей, и мы радуемся и живем о нем. Хлеб сей — Господь, подающий Себя в святом причащении, в молитве и в св. Имени Своем. Ведай всякий молящийся и призывающий имя Его сердцем твоим, что ты причащаешься и в сем святом Его Имени, ты вкушаешь хлеб животный силою этого призывания. Он в тебе пребывает и ты в Нем. Не мерою дает Бог Духа Своего, и есть причащение Тела и Крови, но есть и причащение Имени. Ибо молитва всегда есть соединение со Христом, в котором входит в нас сила Христова. О, сколь благ Господь, давший нам молитву, давший власть призывать Имя Свое и явивший Имя Свое людям, и Имя это есть Господь Иисус Христос, глаголющий о себе «и

сказах им Имя Твое». Это Имя, привнесенное впервые ангелом-благовестителем, есть сила, которой мы движемся и живем и есьмы.

26.IV / 9.V-1925

Господи! Как возблагодарю Тебя за милости Твои! Меня, утопающего в грехах, Ты снова воззвал к жизни, даешь предстоять пред Тобою, звать сладчайшее Имя Твое, молиться тебе, благодарить Тебя. Меня, которому место лишь в глубине адовой, отверженному Тобою и людьми, Ты милостивно допускаешь к стоящим вокруг Тебя, Ты не низвергаешь в погибель. Ты даешь надежду спасения и покаяния. Как мне благодарить Тебя, Господи, за долготерпение Твое к моему окаянству, за то, что Ты дал мне вот эту молитву, в которой призывал я скверными и нечистыми устами Имя Твое, и Ты обвеваешь сердце мое радостью присутствия Твоего, милостью снисхождения Твоего. Изнемогает душа моя пред милостью Твоей, что я реку? Ты вся веши, Ты веши скверную мою, и Ты не гнушаешься мной, Ты позволяешь мне молиться Тебе, воздевать сердце мое к Тебе, именовать Тебя. Как снесу я это, что сделаю? Научи меня любить Тебя, научи меня сжечь себя на алтаре любви Твоей, сожги в нем грехи мои, сожги память о них, чтобы не лежали они черной тенью на моем пути к Тебе. Зане Тебе возжада душа моя. И каждый день жизни есть новое чудо милости Твоей, новое откровение, новое изумление, новое изнеможение от удивления и благодарности сердца моего. Господи, я прах пред Тобою и пепел, но не изжени меня; дай мне дожить и умереть неразлучно с Тобою, дай мне до конца зреть пресветлый зрак Твой, не отрини мене от лица Твоего.

28.IV / 11.V-1925

Господи, из всех чудес Твоих нет чудеснее сердца человеческого, пламенющего Тобою, Тебя возлюбившего. Ты сотворишь и претворишь миры манием державы

Твоей, и они Тебе послушны, как глина в руках горшечника. Они славят Тебя бытием своим, но не волей своей, и только сердце человеческое славит Тебя потому, что Тебя любит, Тобою живет, Тебя ищет, Тебя хочет. Как бы ни был слаб и немощен человек, но он Тебя взыскует, для Тебя создан, Тобою пламенеет. И зря душу, Тобою пламенеющую, зажигаешься ее пламенем, как свеча от свечи. От одного светильника Твоего тысячи воспламеняются и спасаются, о Господи! Как благодарить Тебя за лицемерие оных светильников, которые Ты даешь зреть моему иерейскому взору, за эту покаянность, чистоту, кротость, терпение, любовь, веру, которые Ты мне показуешь в сердцах верных Твоих. Среди греха, уныния, бессилия и холодности поднимаются к Тебе эти пламеники, которые светят миру и над миром. Как низко ни пал человек, но в сердце своем он ничего не хочет, кроме святости, ничего не любит, кроме святости, ничего не чтит, кроме святости. И если она ощущается в создании Твоем, то сердце наше изнемогает от восторга и любви. О чудо творения Божия, которое всегда совершается, движется, горит и сверкает своими огнями. Им в сердце оживают и исполняются силы слова: дивен Бог во святых Твоих, Бог Израилев!

29.IV / 12.V-1925

Чудеса всегда бывают, и прежде и ныне, и каждый человек, внимательно смотрящий в жизнь свою, знает ощутительную силу Божию и дела святых Его. Нет нужды, что бывает это иногда силою стечения естественных обстоятельств, сердце узнает руку Господню, помощь святых Его. Сколь взыскан я, недостойный, чудесами милости Божией, вся жизнь моя есть соединение чудес Божиих. Но как трудно быть достойным чудес! как трудно их сохранить в сердце своем, и спастись ими от уныния в дни испытаний. Пред каждым новым чудом милости Божией, мы ответственны своей свободой, мы должны возблагодарить Господа каким-то делом, какой-то победой над собой, достижением. Ибо чудеса суть

«знамения» Божии. Они даются нам не для того, чтобы удовлетворить нужду нашу, но для того, чтобы удовлетворение ее пришло от Господа, а не от человека, чтобы научались мы презреть и любить Господа выну. И прежде всего наш долг — *верить* чуду. Оно приходит, приемлется, и мы начинаем его *объяснять* естественным стечением обстоятельств. Как будто для неверия нашего, если и мертвый восстанет из гроба, и это не окажется стечением обстоятельств... Такое неверие и неблагодарность есть сугубый грех пред Богом. Нужно возгревать в себе веру так, чтобы и всю жизнь свою видеть как ряд чудес, в свете совершившегося чуда. Если бы мы умели внимать себе, то не только в удовлетворении нужд своих («ядоша хлеб и увероваша»), но и в каждом движении своей души, освященном любовью к Богу и ближним, мы видели бы руку Божию. Кто Бог велий, яко Бог наш, ты еси Бог творяй чудеса!..

3/16.V-1925

Учитель, утопаем! Бывают искушения, претерпеваемые душой, идущей к Богу. Враг ярится, чтобы смутить ее, ввергнуть в уныние и отчаяние, запугать. Мятется и страждет душа. Где мир, где надежды, где молитва? Отовсюду смотрит в душу мрак, холод, безвкусие. Ничего не любит душа, ничего не хочет, ничего не может, ничего не надеется. Она скована сатаной и не видит своих оков. Она в порыве отчаяния своего повторяет клевету клеветника и клеветает на себя. Есть покаяние и покаянное самоукорение и есть уныние и малодушный испуг перед грехом. И когда находит этот вихрь, кажется, что нет силы с этим бороться. Однако это только запугивание врага, который не имеет силы против созданий Божиих. Ему попущено для испытания и для укрепления мучить любимые создания Божии, как попущено было мучить Иова. И надо устоять на ногах и сказать клеветнику: отойди от меня, сатана! Терпение и молитва, надежда и вера, кротость сердца — вот та защита, которая остается изнемогающему. Чем тяжелее

и труднее, тем ближе к великому свету. У пустынножителей был этот особый час, когда мучил их бесполуденный, когда этих подвижников посещала тоска и изнуряло безвкусие к жизни и подвигу. Тогда — учат отцы — надо пребыть этот час в келии, надвинув куколь, *протосковать в терпении* и уединении, дабы не соблазнить брата своего унынием своим. Ибо в сердце каждого гнездится змея уныния, и каждый, видя в другом и узнавая того же страшного зверя, смущается им и устрашается вдвойне. И тогда кажется, что нет исхода, что стоишь перед стеной, что погружаешься во мрак. Но претерпи, брат мой, взывай неотступно, хотя и оледеневшими устами, к Господу твоему, зови Его на помощь, дабы Он явил тебе чудо милости Своей. И Господь явит *чудо*: рассеется мрак души как после восшедшего солнца, растает стена и опрозрачатся тупики и рвы, которые воздвиг сатана. Иисусе, Сыне Божий, помилуй нас!

5/18.V-1925

Изнемогает душа моя от благодарения Тебе, Богу моему. Ты даешь мне новый день жизни, новую запечатанную книгу нераскрытых возможностей, в которой мне повелеваешь написать имя свое, мне вверяешь войти неизгладимо в Твой мир, в Твое творение, Ты даешь мне сию молитву, в которой омывается душа моя и облачается Именем Твоим, и Ты даешь мне любовь и любимых моих, о которых лишь при мысли трепещет радостью моя душа. Что реку? Изнемогает душа моя. Она немощна во всем, немощна и в благодарении. Может быть всего недоступнее для грешного человека благодарить, из 10 один лишь благодарил, «и той бе самарянин», не от закона, а от благодати. И надо молить Господа о благодати благодарения, о которой повседневно молит церковь в божественной Евхаристии. О, как мы возблагодарим Бога за сей божественный дар — божественной Евхаристии на всякий день. Как дышим, как вкушаем пищу повседневно, так земля приносит каждодневную жертву Богу и Создателю своему Его же божественного Сына, паки

закальвающегося за нас. И каждый день, каждое утро должен христианин, если он не может в тот день присутствовать при Евхаристии, благодарить Господа о ней, что она дана, есть, приносится. О, блаженство жизни, данной Господом, и освящаемой Именем Господа, о радость молитвы, о горечь слез покаяния, о любовь, данная Господом, о жизнь, текущая от источника Жизни, о Душе Святой, всеживотворящий. Благодарим Господа!

6/19.V-1925

Тайна духовной жизни — в ее неисчерпаемости и всегда новом творчестве. Нам, людям, отягченным заботами века сего, не постигнуть дара отшельничества и пустынножительства, при котором человек живет только в духе, отрешившись от силы внешних впечатлений. И со стороны может казаться, как бедна, пуста и однообразна его жизнь, и дивно, как можно ее выносить. Так же и относительно монастырской жизни, кажется мирянам, что она тягостна именно отсутствием впечатлений. Но так может казаться только до тех пор, пока в собственном духе не забил источник воды живой, бегущей в жизнь вечную, пока не затеплилась утешающая молитва, пока не обрел человек сокровища души своей, в Боге живущей. Возьмите образ дружбы духовной. Разве когда-нибудь истощается ее слово, разве когда-нибудь оскудевает ее радость и утешение? Она таит в себе и раскрывает все новые богатства и, радуясь, изумляется этому богатству. Но всякая человеческая дружба есть только отсвет единой дружбы Бога с человеком, которого Он назвал другом своим («вы друзья Мои»), и союз душ есть образ того, что есть Церковь Христова. Брак есть союз во Христа и во Церковь, союз плоти и духа, но и всякий духовный союз душ, их общение в Боге, совершается во Христа и во церковь, ибо творится силою Христовой. Мы не верим до конца глаголам Христовым о том, что Он дает воду, текущую в жизнь вечную. А если бы верили, то не дивились бы тому, что в духе своем обретает человек все сокровища, если только этот дух свой обретет, и в нем — дар Святого Духа.

Только любовь дает мудрость, только любовь дает прозорливость, только любовь дает прощение. Любящий получает способность смотреть на другого из него самого. Нас отделяет друг от друга стена себялюбия, своезаботливости, своекорыстия. Наш взор затемняет пристрастность нашего суждения и видения, мы всегда, думая и о другом, имеем в виду себя, чувствуем себя, но не его. Надо почувствовать его самого, и тогда откроются очи наши. И опытом любви дается этот опыт мудрости, ведения другого, близкого своего, друга своего. Бог дает нам это чудо любви, дабы наша жизнь непрестанно обогащалась ею, в Бога богатея. Когда ты испытываешь щемящую тяжесть и сухость на сердце, когда твои пристрастия застилают тебе духовные очи, старайся выйти из себя, молись, слезно молись Господу о любви, о том, о ком болит душа твоя, кем она ранена. И Бог даст тебе в ответ на твою молитву крылья души, растает вся твоя тягость и ты обретешь радость и блаженство любви. Любовь не ищет своего, она бескорыстна; единственная корысть, которой она хочет, это чтобы благо было ближнему твоему. Если любовь твоя своекорыстна, то она не любовь, в ней еще крепко твое себялюбие. Воспитывайся в любви к любви, неси труд любви, подыми крест любви, и он станет тебе все легче и радостней. В этом и есть тайна и сила креста, сила кротости и смирения Христова, делающих иго благим и бремя легким. Ты увидишь болезнь любви твоей и движение сердца твоего: если оно легко и ясно и радостно, полно радости любви, значит свободно оно от приражения себялюбия, но если оно омрачено, обижено, значит оно больно, сердце любящее не знает обид, оно не только прощает их, но оно их просто не чувствует. Учись любить, трудись в любви.

Дела праведника идут за ним. После кончины их, открываются их святые мощи, они живут в них с нами, делают чудеса, слышат молитвы и любят, любят, сердце

их разгорается как пылающий костер и за границу смерти, и они восходят от славы в славу вечного живота. Но мы — окаянные грешники — ведь и наши смрадные дела идут вслед за нами. Они неизгладимы в книге судеб, но они продолжают дело свое и за гранью человеческой жизни. Они входят в общечеловеческие судьбы, в историю всего человечества, от каждого из нас зависит судьба всего мира, нельзя отстраниться ни от участия, ни от ответственности, и до конца человеческой истории продолжают наши дела; потому Страшный Суд будет одновременно над всем человечеством, и каждый прожил жизнь всего человечества, каждый из сынов Адама есть весь этот ветхий Адам. И не только то, что мы сделали, хорошо или плохо, но чего не сделали или недоделали, от этого зависят судьбы всего человеческого рода в его истории, и мы продолжаем жить этой жизнью и за гранью смерти. Вот почему предварительный суд по смерти есть суд нас в нас и нашей непосредственной среде, но последний суд есть суд нас во всем и со всеми. Если бы у нас была серьезность в каждом часе жизни сознавать, что он принадлежит всем, хотя и вверен нам, мы не имели бы способности так терять время жизни, не чтить его, но иждивать в лености. Потому так страшен час суда Господня, так изнемогает в трепете пред ним душа, что не только все на нем раскроется всем, но и нам самим раскроется жизнь наша во всей ее силе и немощи, во всем объеме своем, и будем мы вопиять: о если бы горы свалились на нас и камни закрыли нас от стыда нашего и праведного гнева Божия? Боже, милостив буди нам грешным!

«Любы не ищет своего». А мы всегда ищем своего и себя даже в любви. И только благодать любви освобождает нас от нас самих. Можно приносить жертвы, поступаться своим, но все-таки в основе искать и хотеть своего, как бы ни было это свое возвышенно и тонко. Но закон любви: да отвержется себя. Нужно хотеть в любви

мом и для любимого только того, что ему нужно, а не тебе хочется, нужно распинать себя в любви, отсекай свою волю, отречься себя... Это крестный путь любви, без которого она не может созреть и принести своего плода. Почему же Господь от каждого требует крестного пути во след Его? Почему Он возлагает такое как будто непереносимое бремя на наши плечи? Потому что без этого огненного испытания любовь не родилась бы в нас, не сознала бы свою силу, свою окрыленность, свое бесстрашие. Совершенная любовь побеждает страх жертвенности. Совершенная любовь *на все готова* ради любви, ибо она знает себя и знает свою вечную природу. Но от человеческой любви, — которая обычно представляет неразличимую смесь себялюбия, страсти, приражений с чистой любовью, — долгий и трудный путь ведет к победе любви в любви. Долог и мучителен этот путь для человека, но каждый шаг в нем, внутренне оправданный, вознаграждается. Любовь — это талант, который непрестанно умножается, если отдается в рост любви и не полагается в землю. О Боже, укрепи слабое сердце, побори изнеможение. Ты видишь сердца наши. Твоя воля да будет!

17/30.V-1925

Как бессильно сердце благодарить и как хочется благодарить, как нужно благодарить — благодарить до конца, до глубины, до изнеможения! Когда зришь милосердие Божие и дары Божии, на тебя изливаемые, хочешь, чтобы вся душа стала гимном хвалы, но немощь естества, сила греха сковывает сердце, связывает уста, и хвала замирает не прозвучавши. Какую радость являешься для себя самого это благодарение, это презрение Господа выну! Но и благодарить мы можем только в меру своей силы, как мы живем, так и благодарим; если живем тускло и сонно, если хладна и леностна наша молитва, то нет у души и крыльев для благодарения. А на этих крыльях легче всего и прямее всего уносится душа к Господу. В благодарении радость, любовь, но и

мудрость. Не может быть черств сердцем благодарящий, не может быть горд и надменен, ибо дар Божий показывает ему его собственную пустоту и немощь без этого дара. Благодарение родит покаяние, ибо зришь себя недостойным этого дара, и оно же родит и смиренно-мудрие, и кротость, ибо знаешь, что дар, даром данный, может быть и отнят, и преклоняешь себя под милосердную десницу Божию. О как нужно, как важно возгревать в себе дар благодарения, ибо сим путем восходим мы к любви Божией, сим путем восходим к непрестанной молитве и радости. Ибо соединил апостол в заповеди: всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите.

19.V / 1.VI-1925

Господи, Ты даешь радость, радость совершенную. Не вмещает сердце мое радости Твоей, хочет излиться и растаять в ней. Небо в душе человека, звезды и солнце в нем ходят, и Господь обитает. Какая ширь, какой простор, какой свет! И изнемогает сердце от благодарения. Господи, мой Господи! За что воздаешь Ты мне, за что являешь мне любовь Твою? Я червь пресмыкающийся, ничтожество из ничтожеств, исполненный смрада, греха и себялюбия, и Ты приходишь ко мне и даешь мне любить любимое создание Твое! Но Ты, Господи, выну деешь туне — аще беззакония назириши, кто постоит! Безмерно Твое милосердие и безмерно Твое снисхождение. И верю и знаю, что не возгнушался Ты ничтожеством моим и явил мне милость Твою. Но помоги мне — не явиться достойным, ибо никогда не буду я достоин милости Твоей, помоги мне стать на путь исправления, начать покаяние, возлюбить подвиг Твой и возненавидеть плоть свою. Яви мне и эту милость, дай мне сердце люботрудное, ибо сластолюбец я в жизни своей. И никогда, никогда за всю долгую жизнь свою не подъял я никакого, даже самого малого труда ради Тебя. И знаю, что все, что делает человек с собою и над собою, он делает с другими и для других для всех и

больше всего для тех, кого Господь дал ему. Ты даешь мне зреть небо в душе моей, дай мне сердце, дай мне волю поработати Тебе и возненавидеть себя во Имя Твое.

22.V / 4.VI-1925

Странники есте и пришельцы. Всегда, когда нам приходится расставаться с насиженным местом, испытываем мы скорбь об этом месте, и чувствуем, что к нему прирастаем. Здесь есть и доброе чувство благодарности, живого общения с нас окружающими. Но здесь есть и плен ему, и милость Божия в том, что Он не дает привязываться к месту. Нужно быть свободным странником по земле, чтобы любить ее свободной любовью. *Господь был странником*, Он не имел, где главы преклонить, не имел ни дома, ни «язвины». Но Он во всем явил образ совершенной жизни, и в этом также указал нам меру и образ. Господь имел родину и любил ее человеческой любовью, любил и Иерусалим, однако никогда не задерживался в одном месте ради любви только к этому месту. Это не безразличие, но любовь совершенная и потому высшая свобода. Так же шли и святые апостолы, которые расстались со своей родиной, любимой ими пламенной еврейской любовью, и пошли во все концы вселенной. Благодарение Господу, что Он дает познать и муку, и сладость этого отрыва и этой свободы. Мы не были бы гражданами *Его* мира, и *Его* земли, если бы оставались только гражданами своей земли. Мы не чувствовали бы над собой *всюду* этого необъятного, этого Божьего свода, как Отчего дома, отверстого для всех нас. Мы не знали бы, что мы сами, каждый из нас таит эту возможность — быть просто человеком, сыном Божиим, живущим среди братий людей, если бы всегда оставались окружены своими соплеменниками. И в Царствии Божиим будет эта великая радость о всяком народе под небесами. Господи, благодарю Тебя за пути изгнания.

23.V / 5.VI-1925

Нет крупного и мелкого в человеческих отношениях, все значительно и способно повлиять на душу человеческую. Мы способны иногда явить великодушие в том, что мы считаем крупным, но в мелочах бессильны: раздражительны, капризны, непостоянны. Старцы испытывают меру духовного возраста, подставляя разные раздражающие мелочи, и только испытанные претерпевают без раздражения. Некрасиво быть мелочным и неприятно видеть себя некрасивым. Но дело не в некрасивости, а в этом свидетельстве о душе своей, которое ее обнаруживает. Так велико нетерпеливство твое, что и малого, пустякового испытания не может и не хочет она выдержать. Это — слабость любви, а со слабостью надо бороться не на жизнь, а на смерть, потому что нельзя быть слабым, грешно быть слабым, когда можешь быть крепким, укрепляться, к чему зовет апостол. Не щади же себя, если ты проявил мелочность, раздражительность, нетерпение — ты проявил свою греховную слабость и необузданность, ты проявил слабость любви к Богу. Ты был немёрен. Но мир есть высшее сокровище души; душа немирная не может любить и хвалить Бога.

29.V / 11.VI-1925

Люди живут завтрашним днем, все свое дорогое, все свои надежды в него перелагают, а есть только день сегодняшний. Сегодня уже *дан* нам Богом, как неизживаемая глубина, как источник всех возможностей, в сегодня надо обретать все, ибо в нем оно заключается. Люди живут *будущим*, они лелеют это будущее, мечтают о нем, ждут от него того, что им не дается ныне. Но это — неверное чувство: уже все дано и только надо находить. В каждом миге времени, в каждом настоящем дне содержится жизнь вечная, и в меру приобщения к ней открываются неисчерпаемые возможности, и исчезает мираж и самообман будущего. Надо искать не будущего, но вечного настоящего, жизни вечной. Такова мудрость

Церкви, такова мудрость подвижников. И тогда все переносится с исполнений, от нас не зависящих, на *подвиг* нашей веры, нашей жизни, нашей любви к Богу. Ожидающий будущего невнимателен к настоящему, его очи всегда отведены от того, что единственно дано нам, он становится *мечтатель* в плохом смысле слова. Главное же, что он ожидает с собой внешних происшествий и событий, между тем как человеку дана лишь сила внутреннего становления. Мечтательность ослабляет силу подвига. Нет будущего, ибо в настоящем и будущем есть только настоящее, но в настоящем *все* дано, что в будущем, если только хочешь его взять. Скажут: *есть* будущее, ибо и о Духе Святом сказано: что *грядущее* возвестит нам, ибо и обещаны последние судьбы мира, и светопреставление и суд. Да, но все это грядущее для нас есть уже настоящее, поскольку дана нам вся *полнота*, все нам открыто, ко всему указан путь. Не может быть ничего грядущего, что не было бы уже в настоящем, иначе это вредные самообманы. Посему: всегда молитесь, непрестанно радуйтесь, о всем благодарите.

30.V / 12.VI-1925

Всегда радуйтесь, говорит апостол. Он говорит о радости благодатной, о радости о Господе. Но, еще прежде ее, нужно хранить и поддерживать в себе бодрость и свежесть душевную. Человек носит в себе семя смерти и уныние, упадок подстерегает его на каждом шагу его жизни. Они для него естественны, хотя и греховны. И против этих недугов нужно иметь в себе бодрость, нужно накапливать ее запас, умножать в себе силы жизни, не для того, чтобы ею пользоваться, для себя и своего удовольствия, но чтобы отдать ее Богу. Эта бодрость есть естественное преддверие радости о Господе, к которой мы призваны, ее отсутствие закрывает окна души черным цветом уныния. Эта бодрость может быть искусительной, если она сама собой ограничивается (о, сколь многие духовно мертвы благодаря разным причинам), но не тем, кто

носят в себе запас бодрости; и для них полезно даже уныние и упадок, чтобы освободиться им от самодовольства и взискать высшего, чем простая бодрость. Но как, упражняя душу, мы не должны оставлять и тела, и есть долг труда тела, также как и труда духовного. Равным образом, восходя к духовной жизни, мы должны покорять, смирять и воспитывать душу, которая не должна вечно колебаться между борющимися настроениями, но должна быть легка и бодра. Душа должна быть в послушании у духа, и не колебаться подобно морю. Не стоическое спокойствие, но христианская стойкость есть ее здоровье.

31.V / 13.VI-1925

Господи, благодарю Тебя за молитву, за то, что Ты дал нам Имя Твое великое и страшное. Каждый день утро начинается чудом молитвы, из Царства полубытия мы снова возвращаемся пред лицо Божие и, становясь перед Ним, просим Бога о помощи и благословении и славим и благодарим Его.

Вся жизнь наша погасла бы и потемнела без этой молитвы, смерть вошла бы в существо наше и поглотила. Мы меньше всего умеем ценить те блага, без которых мы не можем жить, таков воздух, солнечный свет, земля родимая. И мы не отдаем себе отчета, не видим, как все наше существо строится молитвой, и спасается ею. Зачем же так хладна, так поспешна, так нерадива наша молитва? Отчего мы оскорбляем Бога и себя самих своей холодностью и духовной ленью? Трудись, не ослабевай, упорствуй в молитве, и она сама будет помогать тебе, сладчайшее Имя Божие как мед будет в твоих устах. Господи, научи нас молиться, дай волю к молитве, внуши к ней любовь!

2/15.VI-1925

Бывает, что застилает очи забота. Тревога о жизненных трудностях овладевает душой, и тогда пуста она —

бедная душа не принадлежит себе, но представляет волнуемую зыбь. Кажется, что надо устранить беспокоящие вещи и все станет на место, но на самом деле надо, чтобы они перестали беспокоить, ибо они не должны иметь силы над душой, знающей хождение пред Богом. Старайся достигнуть, чтобы сохранить безмятежный дух, и тогда сами собой исчезнут и рассеются искушения. А это бывает лишь когда *искренно* и совершенно себя предашь в волю Божию. Способность отдаваться этим волнениям есть мера возраста. Смотри, как слабо и неглубоко в тебе кажущееся иногда столь глубоким духовное устройство, мир духовный, если он может быть нарушен любым пустяком, повседневностью. Как стыдно, как грешно малодушествовать, оскорблять Бога многопопечительностью, чрезмерной впечатлительностью, маловерием. Из мелочей составляется крупное, не давай же врагу бить тебя по мелочам, мужайся и отражай его щитом веры. Будь мирен, и тогда будешь мудр.

3/16.VI-1925

Вера без дел мертва есть, так и любовь — без труда и терпения. Любовь есть терпение, хотя терпение и не есть еще любовь. Любовь создается терпением, которое есть жертва любви и труд ее. В сем грешном мире различие между людьми есть и противоположение, из которого возникает трение. Чем ближе сходятся люди, тем чувствительнее становятся они к взаимному трению, и потому терпение всегда остается на страже любви. Нетерпеливость и нетерпение ослабляют, охлаждают любовь, ибо они от себялюбия, себяутверждения. Терпение научает самой силе любви, перенесению себя в другого, своей жизни в жизнь этого другого. Любовь венчается радостью, и в радости нет терпения, нет жертвы, но без силы ее нет и истинной радости. Посему и сказано: терпением спасайте души ваши, и претерпевый до конца спасен будет. Терпение есть испытание, свидетельство любви нашей к Богу, которая также не должна быть даровой и тунеядной. И Божия любовь к нам есть долготерпение.

Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив!

4/17.VI-1925

И бысть тишина велия. Нужно, чтобы тобою чтимое дневное Евангелие являлось неким событием в твоей жизни, как бы совершалось и в твоём присутствии и в твоём участии. Ибо на то и дано св. Евангелие, чтобы все верующие, а не только бывшие со Христом избранники Его, зрели земные дни Его и соучаствовали в них. Потому зри очами не как рассказ о том, что когда-то с *другими* было, но что с тобой днес совершается. Три сердце твое, пока не почувствует оно истины этих слов. На то и дано дневное Евангелие, чтобы изо дня в день жили мы с Господом. И вот, если чтешь ты рассказ об укрощении бури, то знай, что не в переносном, а в прямом смысле бывает это с тобой, и ты тонешь, или изнемогаешь, или соблазняешься и искушаешься от волнения греха ли или обстояния, и к тебе обращены слова «маловере», но и с тобою совершается это чудо: бысть тишина велия, утихло волнение сердца, и в ясности его вод отразилось небо. Поставь себя пред лицом Господа, моли Его о помощи, бери Его руку, тебе протянутую, и ты победишь волнение души твоей и познаешь радость новой встречи с Господом. О, милость Божия, о чудо, каждодневное Евангелие!

6/19.VI-1925

Душа человеческая дороже мира. Но она и есть мир духовный, эта душа человеческая; Господь создал ее по Образу Своему и вложил в нее бесконечные глубины и богатства. Мы живем в неведении и в беспечности об этих богатствах, но иногда они открываются взору любви во всей своей красоте, и душа в неступлении благодарит Бога, создавшего эту душу. Мы дивимся красотам мира, возвещающим славу Божию, но еще больше мы дивимся красотам человеческой души, вложенным в

человека. И дивясь красотам мира, мы сами остаемся, какие были, мы только созерцаем. Но видеть духовные красоты и мы в жестокостью своей не можем безучастно, и души наши воспаляются любовью и в ней сами уподобляются этой красоте, светят ее светом. Так, словно свеча от свечи загорается любовь и светит святость в душах. Поэтому нет ничего нужнее и важнее для человека, нежели святость. Святой влечет к себе и согревает; и наполняет, и спасает, и зовет — к подвигу, как журавли из веси небесной зовут нас к себе в высь, говорят и нам, что у нас в душе есть крылья. Не знаем мы сами, что мы имеем от Бога, и вдруг святой — душою своей — являет нам нашу собственную силу и нашу собственную красоту чрез всю нашу немощь. И душа, рванувшись, поднимается в небесную высь и купается в свете и воздухе.

7/20.VI-1925

Боже, даруй мне смиряться! Как часто бывает, что если что-нибудь совершается не по воле моей, волнуется дух мой и я полон гнева и нетерпения. А того не вижу, что Бог посылает мне урок смирения. Смирись и победишь искушение, снова станешь тверд и ясен, свободен душой, но до тех пор, пока бунтуешься, ты раб. Отцы испытывали терпение своих послушников иногда самым — извне — соблазнительным образом. Надо сохранять мир душевный, и только то, что ты видишь в мире, то и делай. Пока же тобою владеет страсть или гнев, не верь движениям своего сердца. Они тебя обманывают, потому что ты думаешь о себе, что ты искренен и бескорыстен, а тобою между тем движет грубое или тонкое себялюбие. И не смущайся внешним видом и странностью посылаемых испытаний: разве осмысленно гневаться на палку, которою Господь тебя испытует и наказует? Эта палка находится в руке Всевышнего, и в ней и за ней прозревай и чти ведущую тебя и наказующую тебя руку. И особенно не давай над

собой власти гордости и самолюбия, которые будут шептать тебе, что ты не достоин того унижения или испытания. Нет, всегда достоин и худшего, только милосердует и долготерпит о тебе Господь. Возгревай же дар терпения и мудрости, терпение и мир Божий да будут в сердце твоём.

9/22.VI-1925

Господь послал Своих учеников на проповедь и дал им власть чудес и знамений. Но ту же власть Он дал им и при Вознесении и также послал на проповедь. И дар Христов остается в Его...

(На этом обрывается тетрадь матери Бландины, переписавшей от руки рукопись о. Сергия Булгакова.)

ORO ERGO SUM

Мы живем в стремительно меняющемся мире, с характерными для него всеобщим хаосом и бесконечным смешением всех и всего. Пространство мира все плотнее сжимается в исчезающем времени, и мир наш сейчас напоминает быстро прокручиваемую киноленту, которая сворачивается подобно свитку.

В этой неотвратимости всеобщего порыва к точке Омега нами как будто утрачивается богатство многообразной картины мира, в созерцании которой открывается Незримый, Его вечная сила и Божество (Рим. 1:20).

Ибо все покорилось суете.

Суета же удаляет, отделяет человека от Бога: «и презирали уставы Его, и завет Его, который Он заключил с отцами их, и откровения Его, какими Он предостерегал их, и пошли вслед суеты и осуетились...» (4 Цар. 17:15). В суете — утрата чистоты общения с Богом, в ней — смешение священного языка народа Божьего: «и смешалось семя святое с народами иноплеменными» (Езд. 9:2).

В хаотическом смешении языка, во все более усиливающемся разно-много-голосии некогда единого человечества, при всем стремлении — едва ли удачном, ибо в основе своей ложном — к созданию универсального языка, обнаруживается глубокое нарушение чистоты общения-отношения с Богом.

Отношение человека с Богом создает мир, или, как сказал Мартин Бубер, «основное слова Я-Ты создает мир отношения». Этот мир отношения, которое было в начале мира, раскрывается в действии слова Божьего, «ибо Он сказал, — и сделалось; Он повелел, — и явилось» (Пс. 32:9).

«В начале было Слово, и Слово было у Бога» (Ин. 1:1).

Бог в Писании всегда говорит первым, но действие Его слова всегда соотнесено с человеком, в со-творении встречи с человеком.

Бог всегда действует первым — даже когда Он бездействует и молчит — и в этом действии Бога утверждается действительность Жизни, реальность Богообщения, в этом совершается таинство встречи Бога и человека.

Реальность этой встречи создается любовью Божьей, даже когда Бог обличает и наказывает (Откр. 3:19), ибо «любовью вечною Я возлюбил тебя, — говорит Господь, — и потому простер к тебе благоволение» (Иер. 31:3).

«Потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4:8).

«Любовь Божья к нам открылась в том, что Бог послал в мир единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него» (1 Ин. 4:9).

Бог послал Сына Своего, чтобы мы стали Его детьми и могли называть Его Отцом нашим.

Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли...

Благодатью Христовой входим мы в единство с Отцом и становимся храмом Духа Святого.

«Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога и Отца, и причастие Святого Духа да будет со всеми вами» (начало Анафоры Божественной Литургии).

Будем же и мы просить Господа, чтобы любовь Божья излилась в сердца наши Духом Святым (Рим. 5:5).

Отец Александр Шмеман писал, что Евхаристия является для верующих «знанием постоянного *узнавания*, встречи, опыта, и потому причастия жизни вечной». Но не только мы узнаем Бога, Бог узнает Себя в нас, Бог познает нас, созданных по образу и подобию Своему. «Я познал тебя», — говорит Господь избранному им пророку Иеремии (Иер. 1:5), а также и апостол Павел свидетельствует о святых Божьих: «познал Господь Своих» (2 Тим. 2:19). Тайна взаимного узнавания Бого-человека открылась однажды блаженному Августину, с благоговейным трепетом записавшему в своей «Исповеди»:

«Меня не было бы, Боже мой, вообще меня не было бы, если бы Ты не был во мне».

В этой встрече Бога и человека первый шаг всегда принадлежит Богу, и как только этот шаг сделан, как только достигнуто Богочеловеческое единство, уже перестает существовать «только», больше нет никакого рас-стояния, а пребывает только вечное пред-стояние Бога и человека. Так видел лицом к лицу Иаков Бога (Быт. 28:13), и так лицом к лицу беседовал с Богом Моисей (Исх. 33:11), и так предначертано было апостолу Павлу увидеть-познать лицом к лицу Создателя: «теперь мы видим как бы сквозь стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (I Кор. 13:12). И не так ли была явлена тайна единого Бого-человека суфийскому мистику Ал-Халладжу: «Я призываю Тебя... Нет, то Ты призываешь меня к Себе; как мог бы я обратиться к Тебе, если бы Ты сам не заговорил со мной?»

Тайна встречи человека с Богом, тайна присутствия Божьего, парадоксальная тайна Богочеловеческой близости раскрывается в молитве-общении Бога и человека. «Близок Ты, Господи, — говорит псалом, — Ты — Бог мой: буду славить Тебя; Ты — Бог мой; буду превозносить Тебя» (Пс. 118:151, 117:28).

В этой возвышенной псалмодии Богу мы слышим слова древнего гимна Господу-Избавителю, воспетому Моисеем: «Он Бог мой, и прославлю Его; Бог отца моего» (Исх. 15:2). Бог — Моисей.

Но прежде чем прозвучало это радостное исповедание Сущего Бога, Господь со всей очевидностью сказал Моисею: «Я Господь, Бог Твой» (Исх. 20:2).

Этот не прекращающийся в Библии антифон, это общение-молитву между Богом и человеком Евагрий Понтийский назвал «беседой ума с Богом», а Жак Лёв — любовным диалогом: «Я твой Бог» — это и есть Божественное «на ты». Я твой Бог, Он мой Бог. «Твой», «мой» в молитве составляют как бы любовный диалог». В этом диалоге любви Бог по милости Своей открывается человеку, который познает в этой любви Сущего и сам становится

сущим. В молитве-познании-любви Бог и человек говорят единым существом, свидетельствуя о единстве Бого-человечества: «Божие Слово вочеловечилось, чтобы мы обожились», — говорит Святитель Афанасий Великий.

Богочеловеческий антифон может быть пропет только целостным существом, объединяющим в себе Я-Ты молитвы. В молитве Единосущему мы обретаем собственное существо. Пауль Тиллих писал о когнитивном содержании веры. Можно сказать, что молитва, как концентрированное выражение веры, как волевой акт веры, также обладает когнитивным содержанием.

Oro ergo sum.

«Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих», — восклицает псалмопевец (Пс. 33:2). «Непрестанно молитесь», — вторит ему апостол Павел (I Фес. 5:17), и добавляет: «Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом» (Еф. 6:18). И Святитель Иоанн Златоуст говорит, что «должно молиться не просто устами, ... но из глубины сердца, с великим усердием и ревностью, из самых оснований души».

«Из глубины зываю к Тебе, Господи» (Пс. 129:1).

De profundis — это еще не молитва, еще не может быть молитвой, это крик опустошенного его, в ужасе застывшего перед очевидностью слова Божьего, проникающего «до разделения души и духа» (Евр. 4:12). За этим еще-немолитвенным порывом истощенной души вдруг наступает преобразование не-сущего его в осуществленное Я.

«Мало-помалу, — пишет Оливье Клеман, — преодолевая свои второстепенные формы, молитва должна истощаться в ожидании Бога». Ждущая, сосредоточенная, любящая пустота. «Пустота, при которой ничто внешнее не соответствует внутреннему напряжению», как говорит Симона Вейль. Nada (ничто) испанских мистиков». Божественный мрак, добавим мы, который Господь «сделал покровом Своим» (Пс. 17:12). Пустота, Ничто, Мрак — в безмолвном ожидании Господа.

В безмолвной молитве мы, подобно Моисею, вступаем «во мрак, где Бог» (Исх. 20:21), постигая непостижимую

Достоверность Божью. «Если истинно молишься, — говорит авва Евагрий, — то обретешь полноту удостоверенности». Только в безмолвной молитве Слову Существу, в которой уже нет никакой ограниченности слова не-сущего, мы входим в полноту Присутствия Божьего, обретая полноту личного существа.

«Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения» (I Кор. 4:5).

«Оставив суесловие, — наставляет преподобный Макарий Египетский, — будем искать, как может человек прийти и приблизиться к Богу и научиться от Него и принять нечто чуждое веку сему в свое сердце; и доверимся сказавшему: «Никто из человеков не знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем»... Никто из людей и не знает Божьего, кроме Духа Божия, который в нем; однако «мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, чтобы познать благодатно дарованное нам от Бога; что и возвещаем» (I Кор. 2:11-13). Будем же искать Господа, и Он Сам поведет нас и научит, и мы сможем познать тайны Божии».

Также и святой Терезе Авильской открывается тайна снисхождения Божьего во «внутренний замок» души: «Господь должен ввести нас и проникнуть в глубину нашей души; ... Он хочет войти в глубину души Один... Вы увидите, как в последней обители Он позволит душе усладиться Своим Присутствием в самой ее глубине».

«Снизшел еси в преисподняя земли...» (VI-й ирмос Канона Святой Пасхи).

В жертвенности Христовой, явленной миру, в этой безмерной любви, проникающей в самые глубины человеческие, созерцаем мы Тайну Распятого, перед Которым безмолвствует все творение: «Да молчит всякая плоть человека, и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет: Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным» (Херувимская песнь Великой Субботы).

«Будем и мы молиться в полноте удостоверенности и чувства, чтобы сопричастовать Святому Духу» (Преподобный Макарий Египетский).

Будем же в безмолвии просить Господа о милости и примирении во Христе Иисусе и о ниспослании Духа Святого.

Будем просить в тихой молитве —

«прииди!»,

и услышав в ответ —

«ей, гряди скоро!»,

воскликнем —

«ей, гряди, Господи Иисусе!»

МАРАНА ФА!

СВЯТИТЕЛЬ ФИЛАРЕТ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ И «ШКОЛА ВЕРУЮЩЕГО РАЗУМА» В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

1. Хотя в настоящее время наша культура переживает эпоху возрождения интереса к истории отечественной мысли, этот интерес не распространяется на две традиции русского «любомудрия», с которыми было связано все развитие русской философии в собственном смысле. О том, что «русская философия», понимаемая как публицистика, духовная эссеистика и мистика, получила и получает полное признание, свидетельствует уже не учитываемое никакими библиографическими справочниками количество публикаций, диссертаций и «круглых столов» по наследию Хомякова, Чаадаева, Леонтьева, Розанова, Федорова, Бердяева, Булгакова, Федотова (не говоря уже о признанных ранее Достоевском и Толстом). О том, что философия в России как теоретическая рефлексия, реализующаяся в исследовательской деятельности, обращенной на объекты эпистемологического, онтологического и аксиологического предметных рядов (т.е. философия в реальном смысле), пока еще признания на своей родине не получила, свидетельствует практически полное отсутствие публикаций по философии духовно-академической и университетской.

Из этих двух «белых пятен» первое в известном смысле еще «белее» второго, так как духовно-академическая школа была «лабораторией» и университетской. Из Московской духовной академии вышел первый российский «университет» в лице М.В. Ломоносова, а также первый университетский профессор философии в России Н.Н. Поповский (курс открыт в 1755 г.). Выпускник Киевской духовной академии О.М. Новицкий кладет начало философии Киевского Свято-Владимирского университета. Другой выпускник той же академии, П.Д. Юр-

кевич, возобновляет философские штудии в Московском университете (после «перерыва» в 1830-е-1850-е годы), среди его учеников — Владимир Соловьев. Философская школа Петербургского университета обязана своим существованием двум философам, закончившим, соответственно, Петербургскую семинарию и Московскую академию — М.И. Владиславлеву, первому исследователю неоплатонизма и автору научного перевода «Критики чистого разума» И. Канта, и М.И. Каринскому — гениальному русскому логик, выдвинувшему против многих положений «Критики чистого разума» фундаментальные теоретические возражения. Каринский же, в свою очередь, учился философии у В.Д. Кудрявцева-Платонова, строившего систему трансцендентального монизма и бывшего самым значительным представителем той философской плеяды, которая получила именование «школа верующего разума».

2. Эта школа как философское направление сложилась, однако, в Московской духовной академии не сразу. Говоря точно, лишь на четвертой стадии введения философии в систему московского духовно-академического образования.

Эллино-греческая школа братьев Лихудов (1685-1700) предложила своим ученикам два философских курса — на греческом и латыни, которые можно рассматривать как итог философского обучения основателей школы в академиях Венеции и Падуи. «Логика» Софрония Лихуда (курс 1690/1691 гг.) вводила студентов в классификации понятий, суждений и умозаключений, а также в начатки теории аргументации и систему категорий Аристотеля по комментарию Порфирия (III-IV вв.). «Физика» Иоанникия Лихуда (после 1691 г.) была призвана представить содержание первых двух книг «физики» Аристотеля, различение начал «вещей естественных» — материя и форма, их причин — материальная, формальная, движущая и целевая, и атрибутов — движение, действие и способность испытывать действие. Однако «Лихудова философия» прервалась, и потому школа на этом этапе сложиться в Москве не смогла.¹

На стадии Славяно-латинской академии (1700-1775) философию в Москве преподают профессора из Киево-Могилянской академии, проходившие, в свою очередь, перипатетическую (аристотелевскую) систему по методу, заимствованной из польских коллегий. Первый из них, Феофилакт Лопатинский (позднее архиепископ Тверской), читал стандартный киевский курс (1704-1706) диалектики, логики, физики и метафизики, как и его преемники — С. Прибылович, Г. Вишневецкий и другие. Эти курсы, составленные по «киевским запискам», демонстрировали значительную эрудицию своих составителей в различных областях знания, прежде всего в «натурфилософии», и были призваны, в свою очередь, формировать эрудитов. Однако сама избыточность материала и соположение «авторитетных мнений», порой противоречивших друг другу, самостоятельные философские изыскания студентов сковывали. Более экономная подача материала обнаруживается в курсе по этике И. Козловича (1743) и курсе логики, физики, метафизики и этики В. Каллиграфа (1756/1757), но здесь уже намечается отход от польского схоластицизма в сторону усвоения новейшей для того времени вольфианской методы.²

Эта метода становится определяющей для преподавания философии в Славяно-греко-латинской академии под «протекторатом» митрополита Платона (1775-1812). Профессора уже не выписываются из Киева, так как есть кому преподавать науки и в Москве. Реформу в преподавании философии осуществляет префект и вскоре ректор академии архимандрит Дамаскин (Семенов-Руднев), распространяющий в «философском классе» сочинения Х. Вольфа (1679-1754), чья «математическая» система преподавания философии становится преобладающей в Европе, а также И. Винклера и его учеников. Для академии издается (на латинском оригинале и с дополнениями) курс известного популяризатора лейбнице-вольфовской философии Ф. Баумейстера (1709-1785). Существенно важно, что архимандрит Дамаскин начал читать и курс истории философии — по «Критической истории философии» И. Бруккера, также вводимой в то время в

европейские университеты и академии. С 1786 г. из Синода присылаются в академию новые пособия: знаменитый в то время трактат О. Пуффендорфа «О должностях человека и гражданина» (философия естественного права), а также «Краткое руководство к физике», восполняемое «опытными физиками» Мушенброка и Эйлера (позднее пользуются также «физикой» Гессенди и обширным сочинением Бриссона). К 1798 г. синодальным указом окончательно формулируется куррикулум двухлетнего «философского класса» академии: в него включаются краткая история философии, логика, метафизика, «нравовучение», «натуральная история», а также физика, напечатанная для обычных училищ, «доколе не будет напечатана пространнейшая».

Значение «реформы философии» в платоновский период Московской академии было, бесспорно, велико. Вольфианская философская выучка обеспечивала оптимальные возможности для развития научно-системной философской рациональности, не во всем исчерпанные, на наш взгляд, и до настоящего времени. Новые пособия вводили в новейшую философскую литературу, выводя из круга понятий эпохи аристотелевской «Физики». Изучение истории философии для занимающихся философией, вероятно, трудно переоценить. Нельзя не отметить и того, что новый круг пособий вызвал активнейшую переводческую деятельность, на русском языке стали появляться последние по времени философские трактаты.³ Однако «философская реформа» не реформировала способов самого преподавания философии, унаследованных от предыдущего периода. Чтение философии по-латыни по-прежнему превращало занятия философией в изучение латинского языка, дополнительное к его обычному курсу. «Обвальный» поток новых пособий требовал по-прежнему преимущественных усилий памяти в сравнении с усилиями мысли. Мгновенный же скачок от Аристотеля к Баумейстеру, при незначительной информированности о том, что было до Аристотеля, обеспечивал в философском мышлении очень значительные «перерывы».

3. Устав 1814 г., с которого началась новая реформа академий и семинарий, наметил ориентиры для многих дисциплин академического образования, при этом для философских наук — более обстоятельные, чем для всех остальных. Уже первые параграфы Проекта устава духовных академий, посвященные философии, дифференцируют задачи семинарского и академического философского образования и их последовательность вполне ясно и отчетливо. «§ 158. Философские науки могут быть преподаваемы так же, как и исторические, в двух разных отношениях: первое (здесь и далее курсив оригинала — В.Ш.), чтоб дать понятие воспитанникам о разных выражениях, определениях и словах, в Философии употребляемых. Сие можно назвать философскою терминологиею; и сие составляет первый степень философского учения. Сей степень собственно принадлежит к Семинариям. Второе отношение, в коем философские науки могут быть преподаваемы, состоит в том, чтоб изложением о каждом предмете мнений славнейших Философов, сравнением их между собою, разрешением и приведением к общему какому-либо началу, дать воспитанникам понятие о истинном духе Философии, приучить их самих к философским исследованиям и ознакомить их с лучшими методами таковых изысканий. Сей образ преподавания собственно принадлежит к Академиям. § 159. А посему Профессор философских наук, пройдя кратко, для возобновления в памяти Студентов, философскую терминологию, должен вести их к самим источникам философских мнений, и в них показывать им как первоначальные их основания, так и связь разных теорий между собою». ⁴ Далее, Устав предлагает некоторые ориентиры и в связи с самим типом философствования, которому следует отдать предпочтение в изучении мнений «славнейших философов» и который следует учесть «академистам» в собственных философских изысканиях: «Между древними Платон есть первый столп истинной философии. В писаниях его и в писаниях лучших его последователей Профессор должен искать основательного философского учения; но при сем долж-

но приметить, что никогда не найдет он сего учения в отрывках и кратких извлечениях, на разные его мысли изданных; в них, странным образом, невежеством толкователей все обезображено. Истинной его системы должно искать прилежным и долговременным испытанием и упражнением в подлинных его сочинениях. Из новейших философов тех должно предпочтительно держаться, кои ближе его держались». ⁵ Однако каким бы ориентирам философствования ни следовать, преподавание философии должно показать неоправданность «раскола веры от разума». Этот «раскол» и невозможен потому, что последние истины — истины веры, а потому аутентичная философия (к истине стремящаяся) с верой в противоречии быть не должна. «Вообще да не будет никогда в духовных училищах слышимо то различие, которое к соблазну веры и к укоризне простого доброго смысла столь часто в школах было допускаемо, что одно и то же предложение может быть справедливо в понятиях философских и ложно в понятиях христианских». ⁶

Если суммировать ориентиры Устава 1814 г. по академической философии, то они сводятся к нескольким «предположениям». Первое. Конечная, она же исходная, «аксиоматика» мировоззренческих основоположений (которые именно как «аксиомы» не предназначены для, выражаясь современно, верификации) академического философа задается христианским вероучением. Второе. Поскольку ни одна философская система не может претендовать на обладание этой «аксиоматикой», все они находятся примерно в одинаковом положении по отношению к Откровению, но некоторые из них ближе к духу истины — такова традиция платонизма в широком значении термина. Третье. Задача академического изучения философии двуединая: она состоит и в изучении прошлой истории философии с целью составить понятие «о истинном духе философии», и в том, чтобы приобщить студентов к собственным, самостоятельным «философским исследованиям». Четвертое. Основным методом «истинного духа философии» является компаративистский — изучение генетических связей и типологических

сопоставлений между различными философскими системами — отнюдь не простая «летопись философии» по образцу философских доксографий нового времени. Пятое. Основным подходом к исследованию этих систем является источниковедческий — изучение «самих источников философских мнений», оригинальных текстов, подлинников, не компендиев и компиляций.

Не трудно видеть, что эти краткие «предположения», составленные в начале XIX столетия, могли бы дать, по уровню своего методологического дизайна, превосходные ориентиры для университетского изучения философии и конца XX века (с той лишь поправкой, что современные «методологи» столь емко и одновременно экономно выразить свои идеи не могут). Но, конечно, они решали в первую очередь задачи философского образования своего времени. Назвав Платона в качестве философского ориентира для «академистов», составитель «предположений» оказался первым из тех, кто догадался о том, что в первую очередь следует учиться философии у тех, у кого учились сами изучаемые в академиях философы. Акцент на развитие самостоятельного философского дискурса у студентов был совершенно «революционным» в эпоху вызубривания уроков по философии по вольфианским учебникам. Наконец, был поставлен вопрос о преодолении разрыва между «понятиями философскими» и «понятиями христианскими» (разрыва вполне в духе теории «двойственной истины» времен Сигера Брабантского). Преодоление этого разрыва могло быть осуществлено только через свободный союз «понятий философских» с «понятиями христианскими», что, в свою очередь, требовало, чтобы и те и другие «участники» этого союза сами были свободными.

Таким образом «предположения» видели задачу реформы философского образования в переосмыслении самих основ преподавания «философских наук» и освобождения как разума, так и веры от некоторых балластов. По существу, это была одна триединая перспектива, выдвинутая автором «предположений». О том, каким образом этот автор участвовал в практической реализации

своей «программы», свидетельствуют некоторые факты его биографии и некоторые положения его гомилетического и эпистолярного наследия. Начнем с переосмысления преподавания «философских наук» и последствий этого переосмысления.

4. То обстоятельство, что составителем этих исключительно зрелых и методологически безупречных «предположений» по философии было лицо, еще не достигшее тридцати двух лет и специально философии себя никогда не посвящавшее, может вызвать немалое удивление. Но удивление мгновенно рассеется, если мы скажем, что этим лицом оказался тогдашний ректор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Филарет (Дроздов) [1782–1867], прозванный народом на своем будуще первосвятительском поприще Филаретом Мудрым и признанный светилом церковного разума всеми своими современниками, начиная с обер-прокуроров Синода и кончая семьями сельских причетников.

Ко времени составления «предположений» по философии свт. Филарет, — в звании доктора богословия и в качестве одного из энергичнейших деятелей Комиссии духовных училищ по реформированию духовного образования — имел уже очень значительный педагогический опыт. После восьми лет обучения в Коломенской семинарии (1791–1799) и шести в Троицкой Лаврской семинарии (1800–1806), он в течение двух с половиной лет преподает в Лавре греческий и еврейский языки (1803–1806), полтора года поэтику (1806–1808), затем в течение года риторику (1808). В 1809 г. иеродиакон Филарет определен по указу Св. Синода (вопреки желанию очень высоко ценившего его митрополита Платона) инспектором Санкт-Петербургской (только что открытой) семинарии «с занятием в одной кафедре философических наук, в звании академического бакалавра». После посвящения в том же году в иеромонаха свт. Филарет принимает одновременно должность ректора в учрежденном при той же семинарии Александро-Невском уездном училище, а в 1810 г. переводится бакалавром богословских наук в Санкт-Петербургскую духовную академию,

где преподает сначала догматическое богословие и церковную историю, а затем историю и древности церковные. В 1811 г., уже в сане архимандрита, он получает поручение от Комиссии духовных училищ «производить обозрение» петербургских уездных и приходских училищ. В 1812 г. его определяют ректором Санкт-Петербургской духовной академии и, соответственно, основным преподавателем богословских дисциплин (профессор богословских наук). В 1813 г. он «производит обозрение» Санкт-Петербургской семинарии. Наконец, в августе 1814 г. он по именному высочайшему указу назначается членом Комиссии духовных училищ после предварительного участия в ее работе.⁷

Реформаторским идеям свт. Филарета в связи с преподаванием философии в духовной школе способствовали его впечатления от этого преподавания, о которых можно судить и по его мемуарам, и по первым его сочинениям. В Коломенской семинарии наставником по философии был, по его словам, «такой человек, которого скудость мог постигнуть и ученик даровитый».⁸ В этой области знаний он должен был положиться только на самообразование, прежде всего на собственное изучение нормативного учебника вольфианской системы лейпцигского профессора И. Винклера «Установления Вольфовой философии» (1745), принятого в качестве руководства в «платоновской» духовной академии. Познания из этого учебника и позволили ему поступить в «философский класс» Троицкой семинарии после экзамена из «логики дефиниций» и экспромтного сочинения на тему о врожденных идеях (одно из основоположений лейбнизианской философии).⁹ Не удовлетворило его и преподавание философии в Троицкой семинарии под началом префекта ее иеромонаха Евграфа (Мудзалевского-Платонова). Чтение философии «по запискам» наставников, апеллировавших в первую очередь к мнемоническим способностям учеников и лишь во вторую — к их «способности суждения», способствовало переосмыслению самого материала преподавания философии у иеродиакона Филарета к моменту заступления на философскую кафедру Санкт-

Петербургской семинарии в 1809 г. Двадцатилетний бакалавр отказывается от конспектов вольфианских учебников и начинает работать с семинаристами по четырехтомному латинскому изданию сочинений Канта его последователя Ф. Борна (1797–1798). Несмотря на значительные недостатки этого издания (которые признавал и сам Филарет), сам факт обращения к великому кенигсбергскому философу был очень значительным явлением для духовной школы того времени: Канта уже признавали в высшей светской школе,¹⁰ но семинарии и академии его еще практически не знали.¹¹ Краткий курс нового учителя философии имел значительный успех, но в Санкт-Петербургской духовной академии он, уже в должности ректора, столкнулся с еще одним феноменом — возможностью сильных мира сего (которые по своим «должностям» должны быть вроде бы «не от сего мира») выбирать и то, какая студентам нужна философия. Очень влиятельный в Петербургской академии, но совсем не компетентный в философии, архиепископ Рязанский Феофилакт (Русанов) навязывал академистам сочинения знаменитого шведского оккультиста Э. Сведенборга, а в 1813 г. заставил переводить их «Эстетические рассуждения» прусского министра иностранных дел и дилетанта от философии Ф. Ансильона. В том же году ректор Филарет написал комментарии к Ансильоновым рассуждениям, в которых превосходно демонстрировался их глубокий конфликт с «логикой дефиниций», неизбежно ведущий их автора к бессознательному пантеизму.¹² Сочетание в духовной школе иррациональных философских увлечений с прежней установкой на мнемонические способности учащихся за счет дискурсивных и позволяет понять основные акценты Филаретовых «предположений» по философии 1814 года (см. выше).

Борьба за эти дискурсивные способности студентов и определяет всю «стратегию» свт. Филарета в Московской духовной академии. Посетив ее сразу после образования в 1814 г., он обнаружил, что преподавание философии осталось «непреобразованным». В своем отчете о ревизии академии в 1815 г. он замечал, что, судя

по ответам на экзамене у бакалавра И.К. Носова, студенты «иных источников познания для философской истории кроме записок учащего» не имели, и настоятельно рекомендовал на будущее «менее привязывать их память к учебным листам и более возбуждать их рассудок к собственной деятельности».¹³ Рекомендации его возымели действие, и Носов философию более не преподавал. Совсем другое впечатление произвел на него «философский класс» при вторичной ревизии академии в 1818 г., когда философию преподавал уже В.И. Кутневич. Почитатель Платона и Плотина, он знакомил студентов также с достижениями новейшей философии, прежде всего с Кантом, Фихте, Шеллингом и Якоби, привлекая для изучения философской истории, помимо «обязательно-го» Бруккера, материалы Теннемана, Тидемана и «компаративиста» Дежерандо.¹⁴ Свт. Филарет сразу заметил, что Кутневич смог пробудить не «учебный», но самый живой интерес к философии в академии. Именно при Кутневиче образовалась свободная, самостоятельная студенческая корпорация «Ученые беседы», участники которой совместно изучали Канта и последующих классиков немецкой философии. Свт. Филарет всячески поощрял «самодеятельность» академистов, которые, по воспоминаниям одного из участников этой «корпорации», «в свободные часы сходились на беседу, философствовали, спорили, помогали друг другу в понимании Кантова учения, трудились над переводом технических слов его языка и разбирали системы его учеников».¹⁵

Секретарем «Ученых бесед» был преемник Кутневича Ф.А. Голубинский, который возглавлял философскую кафедру академии, уже в период полного «протектората» над ней митрополита Филарета, в течение полных тридцати лет (1824–1854). Митрополита и профессора философии связывала сердечная дружба, которая не страдала от того, что первый нередко делал второму строгие замечания, а второй иногда критиковал начального «протектора». Однако свт. Филарет отличался полным беспристрастием во всем, что касалось учебного процесса, и не личными симпатиями объясняется «устой-

чивое» положение Голубинского на философской кафедре в течение трех десятилетий. Митрополит ценил в нем открытое мышление и живой интерес к самым разнообразным проявлениям духовной мысли. Если Кутневич знакомил студентов с новейшей немецкой философией, то Голубинский, также стоявший на уровне современного знания (критик Гегеля и почитатель Якоби, ставший едва ли не первым русским философом, о котором заговорили в Германии), впервые открыл для студентов восточную философию, которую он серьезно изучал (разумеется, в меру тогдашних возможностей),¹⁶ посвящая их также в философию неоплатонизма и близких ему по времени богословов П. Пуаре, Ф. Баадера, Г. Зайлера, наряду с множеством других авторов.

После кончины Голубинского кафедру метафизики занимает в течение 37 лет его лучший ученик В.Д. Кудрявцев-Платонов (1854–1891), который преподает введение в философию, гносеологию, рациональную теологию, космологию, психологию, элементы нравственной философии, а позднее и логику. В Кудрявцеве митрополит ценил уже другие качества — прежде всего особую способность к системному философскому дискуссии и очень редкое сочетание укорененности в святоотеческом предании со свободным владением современным научным знанием и тонкой контрвертивной диалектикой. Митрополит чутко заботился о его всяческом «продвижении» и даже о том, чтобы это «светило Московской академии» стало известно при дворе, и в то же время предпринял все от него зависящее, чтобы Кудрявцев остался в академии, несмотря на неоднократные приглашения его в университеты обеих столиц.

Таким образом, свт. Филарету удалось достичь главной цели своих прежних «предположений» — обеспечить преподавание таких профессоров, которые хотели и могли содействовать самостоятельному философскому мышлению академических студентов и сами были бы одновременно не только профессорами философии, но и философами в реальном смысле слова. Но он достиг и большего: впервые за историю российских духовных

училищ сформировалась преемственная линия философов (впоследствии эта ниточка преемственности дотянулась до о. Павла Флоренского), философская школа в полном смысле слова.

5. Митрополит Филарет, как полный «протектор» академии, который был способен, по словам ее ректора и историка С.К. Смирнова, «направлять» не только ее образование, но и дух, сделал очень многое и для создания той духовной среды, вне которой существование «школы верующего разума» невозможно — для освобождения этого разума от сковывающих ограничений, которые, под предлогом интересов веры, налагались разными влиятельными лицами. «Богословие рассуждает», — постоянно повторял он, испытывая ожесточенное сопротивление современных ему последователей аполлинаризма — древнего лжеучения, согласно которому разум составляет безблагодатную «часть» человеческого естества.¹⁷

«Аполлинаристы» времен митрополита Филарета с наибольшим подозрением относились к «благочестию» самого русского языка. И по своей логике они были, безусловно, правы. Если разрешить преподавание богословия на родном для учащихся языке, это может открыть возможности для их самостоятельного богословствования, тогда как продолжение латинского преподавания надежно «запечатывает» их ум и вынуждает вместо богословия изучать все ту же латынь. Митрополит всю жизнь боролся за русское преподавание богословских наук, пытаясь апеллировать к разуму своих оппонентов. Хорошо известна его оценка постановления Комиссии духовных училищ от 1825 г., точно совпадающая с пиком шишковско-аракчеевской реакции, запретить учащим учить «не по книге»: «Сей обратный ход от внятного учения на природном языке к латинскому схоластицизму не может способствовать усовершенствованию образования готовящихся ко священству, и удивительно, что во время, особенно хвоящее ревностью по Православию, возвращается пристрастие к латинскому языку...»¹⁸ Аргументация митрополита не достигала цели: при всей неприязни к «латинству», неприязнь ревнителей «обратного хода»

к творческому православному богословию, которое представлял и сам свт. Филарет, была гораздо большей, принцип конфессиональности отступал перед «принципом партийности». С этим принципом свт. Филарету пришлось ознакомиться и лично, при гонениях на его катехизис, из которого его вынудили убрать цитаты из Св. Писания на русском языке. Вся его полувекковая борьба за русский перевод Библии была борьбой за право его соотечественников общаться со словом Откровения на родном языке и, следовательно, «богословствовать, рассуждая», подобно тому, как свв. Кирилл и Мефодий отстаивали то же право для их далеких предков, преодолевая ожесточенное сопротивление деятелей «трехязычной ереси».¹⁹

Другой рубеж обороны против самой возможности православной философии составлял давний и милый сердцу всех «ревнителей не по рассуждению» (Рим. 10. 2) «догмат», согласно которому самостоятельное рассуждение — удел нечестивого «папистского» и «лютерского» мудрования, тогда как православные православны именно потому, что только «следуют» учениям отцов церкви, «не рассуждая». Свт. Филарет сделал для изучения в духовной школе святых отцов больше, чем кто-либо еще: в 1842 г. по его благословию стали выходить переводы их сочинений и был создан журнал Московской академии «Прибавления к творениям святых отцов». Но он видел перспективу в том, чтобы идти не назад к святым отцам, но вперед, к ним же. В самом деле, если истинное благочестие в том, чтобы «только следовать» им, то они сами должны оказаться неблагочестивыми, ибо они не только следовали своим предшественникам, но и полемизировали с ними, развивали не раскрытые у них возможности истолкования Св. Писания и уж никак не боялись богословской рациональности, используя и логику-философскую аргументацию. Свт. Филарет был одного духа с ними, а потому соглашался с некоторыми из их мнений при истолковании Св. Писания и не соглашался с другими²⁰ и дошел даже до такой «дерзости», что отважился отстаивать однажды целесообразность

новых комментариев на Павловы послания несмотря на то, что их толковал уже Иоанн Златоуст. По причине той же «дерзости» он отказался от предложений обер-прокурора Синода гр. Н.А. Протасова сделать свой катехизис «цитатником» патристических мнений:²¹ каждый богословствующий должен не только «фиксировать» готовые мнения, но и идти на «риск» собственного рассуждения, как тому учил свою паству и сам Иоанн Златоуст.²²

Третье мнение, согласие с которым делало бы даже разговор о возможности православной философии невозможным, вытекало из предыдущего и заключалось в отождествлении таких совсем не тождественных понятий, как частное мнение и ересь. В самом деле, православный философ — ведь тоже философ, а философ не может выражать, по причине самой своей «специальности», только «соборное» мнение по любому вопросу и обязательно должен отстаивать и свои личные. Свт. Филарет прекрасно понимал, что активная нелюбовь к частным мнениям неизбежно должна обернуться тем, что некоторые другие частные мнения будут возводиться в догматы, и проводил очень точную границу между тем, что многим его современникам казалось «нераздельным»: «Довольно необходимости сражаться с врагами, — писал он, — с учениями, противными догматам, какая нужда воевать против мнений, не враждебных никакому истинному догмату?»²³

6. Однако «школа верующего разума» могла формироваться лишь при освобождении от требований «школы веры без разума» — богословствующий разум не может мириться с «неразумной верой». И здесь несомненно духовное влияние на нее Святителя Филарета, который, как премудрейший в истории русской церкви архипастырь, обнаружил дарование уникального духовного диалектика, способного следовать «царскому пути» среди «крайних» способов решений ответственных духовно-практических вопросов. Этот «царский путь» митрополита был особенно труден потому, что экстремизм во многих из этих вопросов считался необходимым признаком православия как такового, хотя на деле был

тем, что один духовный автор назвал не столько грехами самой церкви, сколько грехами против нее.²⁴

Митрополит Московский не сомневался в том, что монархическое правление есть «власть от Бога» (Рим. 13. 1) в его значении для русской истории и государственности и неоднократно в своих проповедях выражал самые верноподданнические чувства по отношению ко всем представителям августейшего дома. Но он же был одним из тех, очень немногих, архипастырей, которые имели мужество сопротивляться очень характерным в русских условиях тенденциям снижения православия до «цареславия». Так, в отличие от многих архиереев, благодушно принимавших из чувства сервиллизма попытку Николая I ввести наследника в члены Синода, он справедливо видел в ней проявление цезарепапизма (явления, вполне «симметричного» римскому папоцезаризму, который на Руси всегда очень энергично осуждался),²⁵ в «применениях» не в меру усердных церковных витий к земному царю атрибутов Царя Небесного — опаснейшую деформацию религиозного сознания в целом,²⁶ а в таких явлениях как обхождение с крестным ходом императорских статуй — прямое возвращение к язычеству.²⁷

Свт. Филарет, при всей своей обращенности к миру духовному, тайнам божественного домостроительства и таинству слова Св. Писания, не забывал о земном мире, считал недостойным уклонение в «безмолвие» тех, кто призван к «общественному деланию», живо интересовался политическими событиями и сам активно участвовал в некоторых из них. Однако он же считал пародией на проповедь ту проповедь, в которой слово Св. Писания или событие церковного календаря использовалось в политических целях.²⁸ Еще большему его осуждению подвергалась характерная для русского «благочестия» практика облекать чисто «партийные» интересы в эсхатологическое суесловие, с которым ему и лично пришлось столкнуться при пламенных обличениях архимандритом Фотием (Спасским) князя А.Н. Голицына как «пришедшего антихриста».²⁹

Православный архипастырь ни на йоту не сомневался в том, что полнота истины и благодати Церкви в наибольшей степени хранится церковью «греко-восточной», уже в одном из первых своих богословских сочинений дал серьезные, убедительные обоснования рискованности догматических нововведений западной церкви (прежде всего в вопросе об исхождении Св. Духа и вселенских приоритетах власти папы) и очень критически относился к униатству.³⁰ Однако он же весьма четко отделял инославные конфессии от «нелегитимных» раскольнических и сектантских общин, объективно оценивая тех римских первосвященников и протестантских пасторов, которые оказывались «достойными звания, к которому призваны» (Еф. 4. 1),³¹ не спешил, подобно очень многим «ревнителям», до конца отлучать от Вселенской Церкви тех, кто верит в Св. Троицу и Боговоплощение, приводя слово апостола о том, что «всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога» (1 Ин. 4. 2). Особенное его удивление вызывали те священнослужители, которые, объявляя инославные конфессии еретическими, брали на себя прерогативы Вселенского Собора, а ставя под сомнение возможность для западных христиан вечного спасения — «восхищали Суд Божий».³²

Из сказанного следует, что духовный авторитет митрополита в Московской духовной академии не может быть не учтен как один из важных факторов, объясняющих «разумность веры» в ее философской школе.³³

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Философские курсы Лихудов описаны в издании: Смирнов С. История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1855, с. 44-68. В связи с их жизнеописанием и «школьной» деятельностью см.: Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899. С новейшими изысканиями знакомит статья: Белобородова О. А. Лихуды // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVIII в., ч. 2. СПб., 1993, с. 301-305.

² О курсах названных профессоров философии см.: Смирнов С. История Московской славяно-греко-латинской академии,

с. 158-170. Из последних публикаций можно сослаться на: Goerd W. Russische Philosophie. Grundlagen. Freiburg/München, 1995, s. 164-165.

³ Достаточно отметить хотя бы переводы: Вольф Хр. Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании природы. СПб., 1765; Баумейстер Фр. Логика. М., 1760; Баумейстер Фр. Метафизика. М., 1764; Баумейстер Фр. Правдоучительная философия. М., 1788. С биографией главного «реформатора» преподавания философии «платоновской» академии знакомит специальный труд: Горожанский Я. Дамаскин Семенов-Руднев, епископ Нижегородский (1737-1795). Его жизнь и труды. Киев, 1894.

⁴ Цит. по изданию: Проект устава духовных академий, ч. 1. СПб., 1823, с. 53-54.

⁵ Там же, с. 54-55.

⁶ Там же, с. 55. Специальное внимание в проекте Устава акцентируется на самостоятельном изучении студентами истории философии: «§ 163. Из вышесказанного явствует, что в науках философских История Философская должна занимать важное место. Чтение ее, так как и вообще чтение философских теорий, должно быть сопровождаемо аналитическим разбором самих Студентов и упражнениями собственного их разума (разрядка наша - В.Ш.) в разных философских сочинениях, всегда здравою критикою Профессора управляемых» (там же, с. 56).

⁷ Ранние этапы биографии свт. Филарета обстоятельно изложены в: Пономарев С. Высокопросвященнейший Филарет, Митрополит Московский и Коломенский. Киев, 1868; Смирнов А. Детство, отрочество, юность, годы ученья и учительства в Троицкой лаврской семинарии митрополита Филарета (1782-1808). М., 1893; Смирнов А. Петербургский период жизни Митрополита Филарета (1808-1819). М., 1900.

⁸ Цит по: Из воспоминаний покойного Филарета, митрополита Московского. // Православное обозрение, 1868, т. 26, с. 507.

⁹ Там же, с. 507-508.

¹⁰ В Московском университете с Кантом впервые ознакомил студентов приглашенный из Геттингена А. Мельман (семестр 1792/3-1793/4). В 1795/7 годы университетские студенты могли ознакомиться с Кантом и по лекциям профессора М. Шадена. В «Правилах для Педагогического института» (1804), утвержденных Министерством народного просвещения, профессорам уже вменяли в обязанность преподавать логику по руководству Кизеветтера,

«по методу Канта написанному». См.: Каменский З.А. И. Кант в русской философии начала XIX века. // Вестник истории мировой культуры, 1960, № 1, с. 52-54.

¹¹ Единственный прецедент, возможно, составлял курс М.М. Сперанского, префекта Александро-Невской семинарии (1795-1796), — одного из первых энтузиастов Кантовой философии в России, который особенно заинтересовался идеями «субъективности» пространства и времени, антисенсуализмом, различием феноменального и ноуменального бытия и т.д. См. там же, с. 54.

¹² Так, уже в исходном тезисе Ансильона — «Совокупность представлений, или лучше, все бытия и существа, вне меня находящиеся и от меня не зависящие, словом, вселенная, заключающая все, есть бесконечное» — свт. Филарет обнаруживает неразличение идеального и реального бытия, а в положении о том, что «вселенная и Бог составляют такое целое, к которому не можно ничего прибавить», — предположение, что Бог может быть частью некоего целого, вследствие чего Он должен быть без всецелой чем-то неполным и недостаточным, «и нельзя исчислить нелепостей, которые за сим последуют». См.: Из воспоминаний покойного Филарета, митрополита Московского, с. 530-540.

¹³ Цит. по: прот. В. Иванов. Становление богословской мысли в Московской Духовной Академии (1814-1870). // Московская Духовная Академия. 300 лет (1685-1985). Богословские труды. Юбилейный сборник. М., 1986, с. 124.

¹⁴ Обращение к Ж.-М. Дежерандо (1772-1842) особенно важно, поскольку его основной труд (*Dégérando J.-M. L'histoire comparée des systèmes de philosophie relativement aux principes des connaissances humaines*. 3 т., Н., 1804) можно рассматривать в некотором отношении как первый опыт создания концептуальной историко-философской схемы. Если до Дежерандо философские системы рассматривались их историками преимущественно «внешне», то именно ему принадлежит заслуга постановки вопроса о приоритетной философской проблеме, в контексте решения которой отдельные системы могут быть описаны и классифицированы. Эту приоритетную проблему он видел в решении вопроса о происхождении и образовании знаний, т.е. в исходном вопросе эпистемологии. Начав свой философский путь последователем сенсуализма Локка и Кондильяка, Дежерандо пересмотрел свои начальные установки и выступил с критикой сенсуализма, с позиций признания априорности (внеопытности) общих понятий и категорий. Труд Дежерандо был построен весьма основательно: первая его часть была посвящена историческому описанию философских систем, вторая — их критике. Хотя абсолютизация любого философского вопроса

чревата субъективизмом, Дежерандо был совершенно прав, полагая, что без рефлексии над источниками знания философии быть не может. Это подтверждает сама история древнегреческой философии, которая реально начинается не ранее критики чувственного опыта у элеатов.

¹⁵ Цит. по: Смирнов С. История Московской Академии до ее преобразования (1810-1870). М., 1879, с. 177.

¹⁶ Об обращении Голубинского к брахманистским учениям и к собственно школам индийской философии в курсах по истории философии свидетельствует археографический материал. См.: Голубинский Ф.А. Конспекты по философии 1825-1844, б.д. Автограф чернилами и карандаш. и рукой неуст. лица. [Нам сохранена пунктуация архива — В.Ш.] Русский и латин. яз. — РГБ ф. 76/1, к.1, ед. 17, л. 29об-л. 30. С синологическими изысканиями Голубинского знакомят предложенные им вопросы на экзамене по древней философии /от 7 июня 1850 г./: «Жизнь и характер Лао-цзы. Учение Лао-цзы о вечном Уме — а/ в его сокровенной сущности [Под Умом понимается Дао — В.Ш.] и б/ в его проявлении, или действовании в мире физическом и в обществе человеческом. См.: Голубинский Ф.А. Материалы к истории древней философии. Китайская философия /1840-е-1850-е/. Автограф. Разрозненная рукопись. — РГБ ф. 76/1, к. 1, ед. 1, л. 45 (ср. л. 40-42об).

¹⁷ Согласно учению Аполлинария Лаодикийского (ок. 310-ок. 380-х гг.), Богочеловек «воспринял» человеческую плоть, но не человеческий ум, который остался «невоипостазированной».

¹⁸ Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, т. 2. СПб., 1885-1888, с. 160.

¹⁹ В связи с историей русского перевода Св. Писания см.: Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык. Ч. 1-2, СПб., 1873. Интересно, что и в настоящее время отнюдь не все наши духовные писатели, даже весьма почитающие свт. Филарета, с сочувствием относятся к факту перевода Библии на русский язык. Так, священник Козлов, которому принадлежит бесспорная заслуга издания избранных сочинений московского первосвященителя, больше сочувствует митрополиту Киевскому Филарету (Амфиатрову), одному из самых решительных противников перевода, который руководствовался тем, что русский перевод может (теоретически) повлечь за собой перевод и богослужения на русский язык. См.: Филарета митрополита Московского и Коломенского творения. М., 1994, с. 27. За этими соображениями скрывается убежденность в том, что Библия для домашнего чтения вообще

как-то не предназначена, и забывается, что противники славянско-го перевода Библии в IX в. также руководствовались «ревностью ко древнему благочестию», считая, что им гораздо лучше знать, что нужно их «словесному стаду» (которое они предпочитали иметь «бессловесным»).

²⁰ См.: Записки, руководствующие к основательному разумению Книги Бытия, заключающие в себе и перевод сея книги на русское наречие. Ч. 1-3. М., 1867. Отнюдь не случайно, что этот экзегетический труд, выражающий надежду автора на допустимость руководствоваться и самостоятельным рассуждением, стал фактически первым опытом русской научной библеистики, не имевшим реальных precedентов в прошлом.

²¹ Протасов проходил воспитание у иезуитов, которые отдавали решительное предпочтение «преданиям» перед Св. Писанием. Однако он гораздо больше уважал великого святителя, чем те из его оппонентов, которых «рассуждающее богословие» свт. Филарета приводило в такое негодование, что один из них, архиепископ Ярославский Симеон (Крылов-Платонов), называл «Катехизис» «дерзкой книжонкой», в чем он был вполне солидарен с теми чиновниками синодальной канцелярии, которые считали его «лютеранским».

²² Так, свт. Иоанн Златоуст, объясняя своей пастве значение отдельных зачал Св. Писания, нередко призывал слушающих и к собственным «изысканиям», повторяя слова того же Писания «даждь премудрому вино и премудрший будет» (Притч. 9. 9). См.: Иже во Святых Отца нашего Иоанна архиепископа Константина града Златоустаго избранныя творения. Толкование на святаго Матфея евангелиста, т. 1. М., 1993, с. 65 и др. Святитель же Филарет неоднократно обращал внимание слушающих его проповеди на значение слов: «Исследуйте Писания» (Ин. 5. 39).

²³ Цит. по: Прот. Г. Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1988, с. 172.

²⁴ Прот. В. Свенцицкий. Диалоги. М., 1993.

²⁵ В связи с резкой, но справедливой критикой «теоретиков» сервиллистского цезарепапизма вроде архиепископа Феофана (Прокоповича), автора «Правды о воле монаршей» и «Розыска о понтифексе», согласно которому царь — представитель (викарий) Бога на земле, а любые попытки духовенства отстоять хотя бы относительную автономию Церкви в делах духовных — «шипы папизма», а также в связи с реакцией свт. Филарета на упоминания императора в качестве законодателя и в собственно церковной сфере см.: Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита

Московского, т. 3, с. 311, т. 4, с. 28-29. Традиции цезарепапизма, не имеющие ничего общего со святоотеческой концепцией гармонии светской и духовной власти, гораздо старше синодального периода. Наиболее прямолинейное выражение они нашли в хорошо известной и несложной «концепции» старца Филофея «Москва — третий Рим», суть которой в представлении о том, что русский царь есть «единственный царь над христианами, правящий священным божественным престолом святой, соборной и апостольской церкви», которая после Рима и Константинополя переместилась в град Москву. Подробнее см.: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901; также специальную монографию: Schäder H. Moskau, das Dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorien in der slawischen Welt. Darmstadt, 1957. Эта же несложная идея воспроизводится в «экклезиологических» построениях старообрядцев (которые поэтому имели гораздо больше претензий к Петру I, чем к патриарху Никону). В настоящее время представление о монархе как «видимой» главе Церкви развивается идеологами карловацкой юрисдикции, которых сам институт патриаршества не устраивает в принципе и которые синодальную форму церковного правления считают канонической. См., к примеру: Тальберг Н. История русской церкви, т. 1-2, М., 1994.

²⁶ См.: Там же, т. 4, с. 75; ср.: Письма митрополита Филарета к наместнику Свято-Троицкия Сергиевы Лавры архимандриту Антонию. М., 1877-1879, т. 3, с. 392, ср. т. 4, с. 339-340. Позицию свт. Филарета можно оценить на фоне многочисленных явлений откровенного сервиллизма даже достаточного почтенных лиц. Так, митрополит Платон при вступлении Александра I в Успенский собор в 1801 г. не постеснялся применить к этому событию слова псалма «Возьмите врата князи ваша и возмится врата вечная, и внидет Царь Славы» и Евангелия: «Благословен грядый во имя Господне». Его современник, очень известный проповедник о. Иоанн Леванда, прямо сказал царю, что видит в нем ангела, Христа — и Бога. Позднее же одному известному архиепископу «померещилось», во время беседы с Николаем I в Севастополе, что тот напоминает ему Христа, беседовавшего с Моисеем и Ильей на Фаворе. См.: Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России. // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987, с. 92, 137 и др. Свт. Филарет настаивал на сокращении «возношений высочайших имен августейшей фамилии при богослужениях», о чем подал в 1857 г. записку обер-прокурору Синода, что получило, кстати, одобрение и разумного государя Александра II, гораздо меньше склонного к «цареславию», чем «ревнители» в духовном сане. Выступал он и

против того, чтобы императорский герб изображался поддерживаемым архангелами Михаилом и Гавриилом, видя здесь «подчинение идеи святого идее гражданского». См.: Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, т. 4, с. 339–340, 75.

²⁷ См.: Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, т. 4, с. 332–333.

²⁸ Так, свт. Филарета удивляла способность архиепископа Рязанского Феофилакта использовать Слово Божие для чего-то «более важного», например, для обличения митрополита Петербургского Амвросия (Подобедова), оценки политических событий и вообще приспособления его к «намекам на современность». (Из воспоминаний покойного Филарета, митрополита Московского, с. 516). «Прагматическое» отношение к проповеди очень популярно и в настоящее время. Например, один из весьма известных современных проповедников считает едва ли не каждое воскресное или праздничное зачало хорошим поводом для раскрытия одной из основных своих тем — необходимости скорейшей канонизации царской семьи — и полемике с оппонентами этой идеи, которые выдвигают и такой, с его точки зрения, «незаконный» аргумент, как целесообразность рассмотрения личности последнего русского царя не только в качестве жертвы большевистского террора — в таком случае не совсем понятно, что же заставляет выделять его из очень многих миллионов как самого ближайшего «кандидата» на канонизацию, если, конечно, не считать его главой Церкви, — но и в качестве правившего монарха, а также реальных результатов его правления. До того, как Русская Православная Церковь не канонизирует царя, она останется, по его мнению, «непокаявшейся» (видимо, ему дана власть «вязать» и «решать» всю церковь). Начиная же с октября 1993 г. его проповедь почти на любое событие церковного календаря становится поводом для призыва русского народа к покаянию за недостаточно деятельную реакцию на «октябрьские события», и даже одно из празднований Казанской иконы Божией Матери оказалось для него достаточным предлогом для ... обличения А.И. Солженицына за недостаточное внимание к этим событиям. Писатель, который, по мнению проповедника, незаслуженно считается «совестью русского народа», должен был решительно осудить президента и выступить за парламент (если говорить точнее, за те реальные силы «октябрьской революции», что действовали именем парламента), который, как прежде последний русский царь, выполнял, оказывается, в те дни эсхатологическую функцию «удерживающего» развязку действия «тайны беззакония» антихристовая (такова весьма новаторская

«экзегеза» к 2 Сол. 2. 7). Этот «теологумен», однако, вступает в противоречие с другим, согласно коему «политика всегда религиозна, ибо это вопрос о власти, и нет власти не от Бога». Поскольку власти не от Бога нет и власть президента по этой дефиниции нет никакой возможности из числа властей от Бога исключать, то в рамках общей догматической системы проповедника октябрьские события можно вполне трактовать как вооруженный конфликт между... «властью от Бога» и «удерживающим» приход антихриста. По нашему мнению, не мудрено, что даже такой первостатейный писатель, как Солженицын, в столь, мягко говоря, нетривиальной ситуации не смог сразу правильно разобраться. См.: Прот. А. Шаргунов. Проповеди и выступления. М., 1995, с. 408, 410, 56–57, 493 и др. Приведенный пример использования проповеди на «злобу дня» вполне подтверждает идею свт. Филарета относительно плохой совместимости двух жанров — проповеди и агитации. Хотя эти примеры из самых ярких, они отнюдь не единичны в настоящее время, когда амвон нередко утилизируется для политизации церкви, которую проповедники нередко вполне серьезно считают средством воцерковления политики. В этом контексте особую актуальность приобретает опыт другого замечательного русского первосвященника — св. патриарха Тихона, который даже в самое, казалось бы, провокационное для политизации церкви время сохранил тончайшую дистанцию, отделявшую церковность от партийности.

²⁹ Различить в «огненных выступлениях» Фотия одержимость и политику не просто, они чаще всего сливаются в общей экзатичности его натуры, как то нередко в истории бывает. С одной стороны, он, по словам Г. Флоровского, «не был нечестным лицемером, он целен в своих действиях и разоблачениях», восставая на Библейское общество в уверенности, что сражается с самим Велиаром, потому и старания свои он без излишней скромности назвал «архангельским подвизанием». В 1824 г., перед устранением Голицына из «сугубого министерства» просвещения и духовных дел, он писал в своих «хартиях» Александру I о перспективах Библейского общества: «Тайна беззакония великая, страшная дается, я и открываю тебе, о сильный крепостью и духом Божиим», призывая царя победить после «Наполеона видимого» также и «Наполеона духовного», и действительно довел себя до экзатического видения в Голицыне апокалиптического «зверя». Вместе с тем, он вовсе не забывал о «земном», призывая одновременно царя во всем слушаться «раба Божия Алексея» (Аракчеева), коего он за низвержение Голицына также называл орленком, и вводя в действие самый убедительный для Александра аргумент относительно

того, что под прикрытием библейских переводов готовится революция (как он сам писал: «на него такое политическое действие и умысление больше имело влияние, нежели самое благо Церкви всея»). В «прагматизме» Фотия не сомневался и сам свт. Филарет. См.: Флоровский Г. Пути русского богословия, с. 156-161; Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митрополита Московского. М., 1868, с. 105-106; Чистович И.А. История перевода Библии на русский язык, ч. 1, с. 104-105. В своем сочетании мистической взбудораженности и политического прагматизма Фотий является предтечей Григория Распутина (история России — история воспроизведения «парадигмальных фигур»), который также своей «харизматичностью» сумел добиться влияния на государственные дела (Александра Феодоровна почитала его никак не меньше, чем гр. А.А. Орлова-Чесменская новгородского архимандрита, и в полное поприще канонов церкви смещала с кафедры тех архиереев, в их числе первого из святителей новомучеников Санкт-Петербургского Владимира, которые пытались убедить императорскую чету не компрометировать себя «послушанием» одиозному «старцу»).

³⁰ См.: Разговор между испытующим и уверенным о Православии Восточной Кафолической Церкви. СПб., 1815, поводом для которого послужили сомнения в истине православной церкви семнадцатилетнего племянника кн. А.Н. Голицына Александра Михайловича Голицына, воспитанника иезуитской школы, которого дядя, тогдашний министр духовных дел, свел со свт. Филаретом, чтобы последний отвратил его от обращения в латинство. В связи с негативными оценками унии у свт. Филарета см.: Корсунский И.И. Святитель Филарет, митрополит Московский. Харьков, 1894, с. 511-512, 946 и др.

³¹ Этой теме наследия свт. Филарета посвящена специальная монография: Беликов В. Деятельность московского митрополита Филарета по отношению к расколу. Казань, 1896.

³² Так, по свидетельству Н.В. Сушкова, свт. Филарет за пять дней до кончины, принимая его с другими посетителями, похвалил Голландию за «твердость в религиозности» и опыт веротерпимости, рассказав о том, что «два когда-то пастора, реформатский и протестантский, проникнутые чувством евангельской любви, при отсутствии или болезни одного из них, друг друга заменяли среди чужой паствы, преподавали духовные пособия, хранили словесное стадо и не своего двора». Далее, вспоминает Сушков, от протестантства речь святителя склонилась к католичеству, к судьбе папства и к Пию IX. «Замечательно, — заговорил он, — старик, болезненный, дряхлый, преследуемый желающими лишить его

светской власти, изгнать из Рима, не поддается на уступки и остается себе в Ватикане. Отказаться от светской власти значило бы, в настоящую пору, уронить и свое духовное влияние на паству: простые души, видя торжество мира над церковью, поколебались бы в вере». См.: Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, с. 290. При этом свт. Филарет никогда, как прекрасно известно, не одобрял важный для римского папозезаризма тезис о том, что римский первосвященник должен обладать, как «глава» Церкви, также и властью светской.

³³ Уже в «Разговоре между испытующим и уверенным» свт. Филарет от лица «уверенного» отказывается произнести окончательный «приговор» над католиками, несмотря на то, что он последовательно и аргументированно доказывает «испытующему» слова апостола Павла: «Посему не судите никак прежде времени, пока не придет Господь, Который и осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения, и тогда каждому будет похвала от Бога» (1 Кор. 4. 5). /Разговор между испытующим и уверенным о Православии Восточной Кафолической Церкви, с. 124/. Не брал свт. Филарет на себя ответственность и в решении вопроса о «суде» и над протестантами. По воспоминаниям Н.В. Сушкова (который вполне заслуживает доверия и потому, что сам был в числе «охотных обличителей» инославных конфессий, а потому не стал бы приводить не соответствующие его мнению высказывания митрополита всеу), «один из отличаемых им священников как-то назвал при нем протестантство ересью. «Кто сказал тебе, что протестантство ересь?» спросил он. — Так... стало быть — проговорил иерей — протестантство... не ересь!.. «Кто сказал тебе, что протестантство — не ересь? ... — Так... как же, Высокопреосвященнейший... «Я не сказал тебе ни того, ни другого. Чтобы решить вопрос: протестантство ересь, или не ересь? нужен Вселенский Собор». Биограф свт. Филарета приводит и другой эпизод. Когда митрополит похвалил знаменитого английского премьер-министра Р. Пиля как человека религиозного и нашлись те, кто забеспокоился относительно заgrabной участи «столь достойного, но чуждого церкви истинной человека», митрополит ответил, что за него дадут ответ Богу архиепископы Кентерберийский и Йоркский. См.: Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, с. 281-282. «Аскетическая» воздержанность свт. Филарета в суждениях по ответственным вопросам отличалась и сейчас отличается от практики очень многих «пастырей и учителей» высказывать свои частные соображения по ним от лица «соборного разума» Вселенской Церкви. Одно из самых «смелых» суждений свт. Филарета в связи с инославными конфессиями также

было вызвано проблемами англиканской церкви, которая предпринимала в его время попытки сближения с православием. По свт. Филарету, «православному христианину по духу любви свойственно и вне пределов Православной Церкви с радостью находить в некоторых отношениях сохранение благодати, равно как с печалью примечать ее оскудение». См.: Митрополит Филарет. О непрерывности епископских рукоположений в Англиканской Церкви. // Православное обозрение, 1886, № 2, с. 35.

Объективный и обстоятельный анализ оценки позиции свт. Филарета в связи с инославным христианством, при верном сопоставлении «филаретовской» экклезиологии с «осторожностью» экклезиологии отцов церкви (прежде всего Василия Великого) представлен в: Свящ. В. Цыпин. К вопросу о границах Церкви. // Московская Духовная Академия. 300 лет (1685–1985). Богословские труды, с. 209–210.

Никита СТРУВЕ

МИТРОПОЛИТ ЕВЛОГИЙ (1868–1946)

К 50-летию кончины *

Митрополита Евлогия можно смело назвать одним из самых выдающихся православных епископов XX столетия, быть может, даже самым выдающимся, по крайней мере из тех, кто не был удостоен мученической кончины. Выделялся он не богословскими трудами, не аскетическими подвигами, не столько и, во всяком случае, не только организационно-административными способностями, сколько всем своим обликом, своим направлением, своим стоянием за правду и свободу в Церкви. В этом, по духу, да и конкретно, по дружбе, он ближе всего был к святителю Патриарху Тихону. С последним его роднило и скромное происхождение (еще более скромное, чем у патриарха), из захолустной семьи сельского батюшки Тульской губернии. Казалось, ребенок обречен, четверо старших братьев и сестер умерли в младенчестве: измученная, но не отчаявшаяся мать везет маленького Василия за благословением в Оптину Пустынь к великому прозорливцу о. Амвросию; «Ничего, будет жив», — проронит старец, и с того дня начинается бытовая и мистическая связь будущего монаха и епископа с Оптиной...

Бедное, но тем не менее счастливое детство (после него родилось и выжило еще девять детей) заложило основания его личности: стихийную религиозную веру, вокруг него «все ей дышало», народность (социальное положение отца определяло непосредственное общение с народом), наконец, неизъяснимая прелесть природы русской средней полосы наполняла душу чувством красоты и приволья. Зато бурса в Белеве и семинария в

* Запись доклада, прочитанного на русском языке в Библиотеке-фонде русской эмиграции в Москве 4-го декабря 1996 года и 7-го декабря на французском языке в Свято-Сергиевском Богословском Институте в Париже.

Туле, от 9 до 20 лет, «не оставили ни ярких, ни светлых впечатлений». Из 15 начавших курс только трое кончило семинарию, а кто кончал — отрясал ее прах: «вино губило многих, сколько опустилось, спилось...» От отчаяния в этом затхлом миру, с его схоластическим обучением и устаревшей педагогикой, спасло увлечение светской литературой, в первую очередь русской классикой, вкус к которой он сохранил навсегда. Одаренный ученик идет в Духовную академию, где его наставником будет тогда молодой инспектор, впоследствии митрополит и без пяти минут патриарх, Антоний Храповицкий... Но если Антоний сам твердо пошел в монахи и других властно склонял к тому же, то Василий Георгиевский переживает мучительную нерешительность в выборе пути. Обращение к Амвросию Оптинскому, а затем к Иоанну Кронштадтскому его сомнений не решило, они коренились в антиномичности его характера: как сам он пишет в воспоминаниях, «я любил посмеяться, любил друзей, природу, и эта любовь к жизни как-то непонятно сливалась в моей душе с влечением к монашеству. Один студент дал мне свою фотографию с надписью: «стороннику двух миров, посмотрим, что из этого выйдет».* Случай (предложение места инспектора во Владимирской семинарии, при условии стать монахом) разрубил узел, но выбор монашества был определен не желанием уйти от мира, в аскезу или в науку, и не честолюбием, а жадной ревностнее послужить Богу и народу. *Сторонником двух миров* Евлогий остался на всю жизнь, что и определило своеобразие и исключительность его пути.

После двух тяжелых лет во Владимире, «где половина студентов с семинарией ничего общего не имели», Евлогий назначается ректором семинарии в Холме, небольшом пограничном городе между Малороссией и Польшей, на место Тихона, призванного к епископскому служению, а после назначения Тихона в Америку он ему же наследует на Холмской кафедре... Так с будущим

* Все цитаты — из книги воспоминаний: Митр. Евлогий. *Путь моей жизни*. УМСА-Press, 1947. (2-е изд. Москва, 1994).

патриархом у него устанавливается тесная, преемственная связь. В Холмской епархии молодой 35-летний епископ проявляет кипучую деятельность, защищая коренное православное население от гнета польских помещиков и от притязаний униатов. Популярность его такова, что после революции 1905 года Холмское избирательное собрание почти единодушно (38 голосами из 40) избирает его во Вторую, а затем и в Третью Думу. Народный пастырь превращается на целых пять лет в епископа-борца. На скамье Думы он заседает с правыми, защищает интересы не только православного населения Холмщины, но и всего крестьянства, произносит громкую речь об аграрном вопросе, сближается с семьей Столыпина. Но уже тогда епископ-думец (а в епископском сане их было всего двое депутатов) ощущает свою раздвоенность и сомневается в пользе для церковного деятеля и для Церкви вообще участвовать в политической борьбе: «я чувствовал себя каким-то обмирщенным, секуляризированным, на каждом шагу борьба между пастырской совестью и партийной дисциплиной». И уже в Четвертую Думу, несмотря на увещевания Саблера возглавить блок духовенства, Евлогий отказывается баллотироваться... В 1914 году его назначают архиепископом Волынским (на место Антония, ставшего Харьковским), и, в этом качестве, ему поручается управление церквями в оккупированных областях. За поддержку русского населения и в связи с переходом части униатов в православие архиеп. Евлогий подвергается с разных сторон нареканиям (они будут подхвачены его врагами в эмиграции, но сотрудничавший с Евлогием в эти военные годы П.Б. Струве настойчиво и отчетливо заявлял, что это были все злые наветы и что свою пастырскую совесть Евлогий ничем не запятнал).

В Предсоборном присутствии, созданном после Февральской революции, и в самом Всероссийском Соборе архиеп. Евлогий принимал самое деятельное участие и был избран, среди шести других архиереев, в первый Синод при новом Патриархе. Уже будучи за границей, он тщательно следил, чтобы постановления Собора (епар-

хиальные правила и приходской устав), оставшиеся из-за преследований без применения в России, в условиях свободы соблюдались...

В 1918 году архиеп. Евлогий возвращается на свою Волынскую кафедру, но вскоре, в декабре того же года, арестовывается вместе с митр. Антонием Храповицким украинскими сепаратистами-петлюровцами, и проводит девять месяцев в заключении, сначала в тяжелых условиях (и с угрозой расстрела), затем в католическом монастыре. Плен имел решающее значение в жизни Евлогия, он был толчком к внутреннему перерождению, к пересмотру многих прежних установок:

«Оглядываясь назад, вижу, что плен был благодеянием, великой Божьей милостью... В келлии, в тишине и одиночестве, я осмыслил многое, критически отнесся к своему прошлому, нашел недочеты, ошибки, грехи; политические увлечения, земная напряженность, угар политической борьбы, все это удаляло от Бога. Из плена я вернулся другим, чем уехал...» Не будь этого перерождения, вероятно, Евлогий не выполнил бы той миссии, которая ожидала его на Западе...

В 1920 году, 52 лет, он с тысячами русских беженцев вынужден эмигрировать, причем он трижды(!) назначается управляющим всеми западно-русскими церквами, включая приходы в Болгарии и Бухаресте (сначала, в октябре 1920 г., Симферопольским Высшим церковным управлением, затем, в апреле 1921 г., Константинопольским, оба под председательством митроп. Антония, наконец, на запросы местных посольских священников, это назначение подтверждается, по благословению Патриарха Тихона, Петроградским (священномучеником) Вениамином (в свое время, под началом Евлогия — инспектор в Холмской семинарии). С этого момента начинается 25-летний крестный и славный путь Евлогия в эмиграции. Крестный, потому что ему пришлось испить всю горькую чашу разделения и церковной междоусобицы, претерпеть наветы, клевету, запрещения; славный, потому что под его водительством Западно-европейская православная эмигрантская церковь, казалось бы ущербная, смело

вышла на широкий, вселенский путь; потому что, через все конфликты и тонкие искушения, митрополиту Евлогию удалось уберечь независимость Церкви, возвысить ее над политикой и над национализмом. Происходит чудесная перемена: «мужицкий архиерей» становится любимым пастырем интеллигенции; консерватор-монархист превращается в глашатая свободы; патриот, не переставая любить свою отчизну, проникается сознанием универсальности Православия...

Внутрицерковный конфликт возник почти сразу, в ноябре-декабре 1921 года, на первом русском всезаграничном Соборе в Сремских Карловцах, где крайне правые, опираясь на митрополита Антония, решили, от имени Церкви, заявить не только о неизбежности монархического принципа, но и о восстановлении в России Дома Романовых («продолжающего царствовать»). Несмотря на оппозицию значительной части духовенства, резолюция была принята большинством в две трети из-за перевеса мирян, да еще отягчена обращением к Генуэзской конференции. Такую политизацию церкви, хотя он и был монархистом по личным убеждениям, Евлогий допустить не мог. К тому же, резолюция ставила под удар Патриарха Тихона. Реакция Москвы не заставила себя ждать. Указом патриарха и его синода Карловацкий Собор был объявлен неканоничным, Высшее церковное управление распущено, а Евлогий, возведенный тем временем в митрополиты, назначен управляющим всеми заграничными русскими церквами. Митр. Антоний немедленно послал Евлогию телеграмму: «волю Патриарха надо исполнить, приезжайте немедленно». Но тут митрополит Евлогий, из любви к своему бывшему наставнику и старейшему зарубежному иерарху, убоившись, вероятно, ответственности и связанной с ней борьбы, проявил свойственные ему в некоторых сложных обстоятельствах мягкость и нерешительность: сначала, по совету врача, поехал на месяц подлечиться и приехал в Карловцы, когда уже там сформировалась оппозиция, убедившая митр. Антония волю Патриарха обойти. Высшее церковное управление было упразднено, но власть осталась за

митр. Антонием и его синодом. В воспоминаниях митр. Евлогий говорит о своей «великой ошибке», «вине», «большом грехе перед Богом и Церковью», что не настоял на данных ему Патриархом правах, и видит в этом «источник дальнейших нестроений в жизни зарубежной церкви». Но у историка, на расстоянии более полувека, эта нерешительность представляется до некоторой степени, с этической и религиозной точки зрения, оправданной; не проявляя властности, митр. Евлогий давал возможность не усугублять рознь. За наступивший через пять лет раскол вина легла исключительно на политиканствующих «карловцев», пленником которых стал пожелавший было удалиться на Афон митр. Антоний... Архиерейский (карловацкий) Синод согласился в начале на автономность западно-европейского округа, но потом всячески стал его ущемлять и урезывать. И тут митр. Евлогий проявил неколебимую твердость. Князю Григорию Николаевичу Трубецкому, склонявшему его к примирительным действиям, он писал: «Этой канонической позиции я сдать не имею права, — скорее уступлю насилью, уйду (а м.б. умру), чем это сделаю»...* Злоба «карловчан» только увеличилась, когда они увидели, как расцветает, наполняясь творческой жизнью, округ митр. Евлогия. В один и тот же год создается в Париже и Богословский Институт, с его прославленными еще в России профессорами, и Русское Студенческое Христианское Движение с его съездами, напоминавшими первые христианские времена, и православное издательство, в котором объединились и писатели, и богословы, и философы, не говоря об открывающихся повсеместно приходах. Под предлогом, что некоторые начинания субсидирует американская протестантская организация YMCA, Карловацкий Синод выносит резолюцию (вопреки мнению митр. Антония!) о запрещении студенческих кружков и обвиняет церковную общественность не меньше не больше, как в жидо-масонстве, и т.п. В начале 1927 г., видя непреклонность митр. Евлогия выделить

* См. ниже нашу публикацию писем митр. Евлогия к Г.Н. Трубецкому.

из своего ведомства Берлинскую епархию, тот же синод, присваивая себе незаконные права, запрещает его в священнослужении и назначает ему преемника в лице митрополита Серафима Лукьянова (в дальнейшем показавшего себя человеком нравственно распушенным и идеологически непринципиальным). Запрещение внесло раскол в русскую зарубежную Церковь, который так никогда и не будет изжит, но для митр. Евлогия оно не имело отрицательных последствий: наоборот, оно еще больше сплотило его и с духовенством, и с народом, так как его поддержали все, и викарные епископы, и приходы, и все сколько-нибудь видные представители эмигрантской общественности. Отчетливо или смутно, но все понимали, что речь идет не о канонах и не о личностях, а о двух воззрениях на самое бытие Церкви: одно — смотрящее назад, мечтающее о возрождении союза церкви и государства под эгидой монарха, узко консервативное, националистическое, клерикально-авторитарное, боящееся свободы и творчества, другое — понявшее значение исторических событий, повернутое к будущему, стремящееся к соборному строю, основанному на свободе и любви, не замыкающееся на национализме, а сознающее необходимость универсальной перспективы, а потому и творческое... В этом смысле раскол был неизбежен и даже плодотворен, так как позволил округу митр. Евлогия развиваться беспрепятственно...

Но, вероятно, митр. Евлогий не ожидал, что сразу за пятилетним конфликтом с карловчанами, вызванным его верностью покойному Патриарху и его заместителям, последует трехлетний конфликт и такой же неизбежный разрыв с Москвой. Не успел митр. Сергей выйти из тюрьмы, как он обратился к митр. Евлогию с требованием дать подписку от имени каждого члена клира о лояльности по отношению к советской власти. И в этом случае митр. Евлогий поступил с необычайной осмотрительностью и тактом. Он в подписке не отказал, но заявил, что она не может означать гражданской лояльности к чужому государству, а всего лишь обязательство воздерживаться от политики и не превращать амвон в

политическую трибуну. Два-три священника из бывшего посольского духовенства перешли к карловчанам, но такой непримиримый враг всего советского, как Дмитрий Мережковский, прекрасно понял мудрость митр. Евлогия: «На прямой вопрос, — писал он в газете «Возрождение» — того, кто стоит за спиной митр. Сергия: «будешь ли мне повиноваться, да или нет?» митр. Евлогий ответил «нет», пусть робким, чуть слышным, замирающим шепотом, потому что всякое громкое слово могло отозваться кровавым ударом на теле церкви-матери заложницы, но самое тихое нет есть нет, а не да. Это хорошо понимают люди власти: бунт тишайший для них иногда страшнее самого громкого». Митр. Сергей, вернее те, кто стоял за ним, вынуждены были отступить... В 1930 году, в связи с ожесточением гонений в России, митр. Евлогий принял участие в целом ряде молебствий за гонимых христиан и дал недвусмысленное интервью в западной печати. Такой независимости Советская власть не могла потерпеть: митр. Сергей, отрицавший под давлением ГПУ реальность гонений, под тем же давлением потребовал от митр. Евлогия прекратить свои выступления. Но тут «нет» митр. Евлогия прозвучало уже не приглушенно, за что последовало его отстранение, а затем и запрещение. Дважды запрещенный архиерей, справа и слева, не смутился и, при поддержке огромного большинства духовенства и паствы, обратился за временным покровительством к Константинопольскому патриарху, который и принял его под свой омофор с титулом экзарха, и с полной независимостью в управлении по канонам Собора 17-го года (оставшиеся, вопреки ее неправде, верными Москве — образовали третью юрисдикцию, усугубив тем самым эмигрантские разделения). Так был найден правильный канонический выход, позволивший митр. Евлогию продолжить свое служение...

Предпринятые усилия к примирению между «евлогийцами» и «карловцами» не привели к осязательным результатам. В 1935 митр. Евлогий ездил в Белград, произошла трогательная встреча между двумя маститыми

митрополитами, бывшими друзьями и союзниками, простившими друг другу грехи; запрещение было снято, но тут же начались в карловацкой среде злостные нападки на о. Сергия Булгакова, зачисленного в еретики. К этим нападкам присоединился московский митр. Сергей, с целью как-то опорочить митр. Евлогия через его окружение и лишний раз отмежеваться от эмиграции. Тут снова митр. Евлогий проявил недвусмысленную твердость: решительно взял под свою защиту о. Сергия, понимая, что вопрос стоит здесь коренной: быть или не быть свободе в Церкви, в частности, в области богомыслия.

Военные события показали наглядно глубину разделения между «карловацкими» и «евлогийскими» установками: в то время как митр. Серафим открыто стал на сторону Гитлера, митр. Евлогий и все близкие его сотрудники отлично понимали порочность нацистской идеологии. Сначала с трепетом, а затем и с гордостью, следил он за военными действиями на русском фронте... После победы, будучи уже немощным, он поддался, как и многие эмигранты во Франции, иллюзии, что положение в России нормализуется, и стал налаживать возвращение своего удела в лоно Московской патриархии. Впервые, и сотрудники, и большинство паствы в этих иллюзиях за ним не следовали. Митр. Евлогий смиренно признавал, что им овладело предсмертное желание если не телом, то духом вернуться на родину, и что он уже не в силах мыслить Церковь в категориях универсальности. Но незадолго перед кончиной он понял, что совершил ошибку, поторопившись. Перемещение без его ведома его викария, епископа Сергия, из Праги в Вену, и другие административные действия Москвы, показывали, что Церковь в СССР несвободна, а что с ним, Евлогием, уже не считаются...* А ведь именно ради свободы пошел он в свое время на разрыв и с «карловцами», и с Москвой... Ради нее свершил он свой жизненный подвиг: «вне церковной свободы нет ни живой церковной жизни, ни доброго пастырства. Я хотел бы, чтобы мои слова о Христовой

* См. ниже нашу публикацию «За три недели до кончины».

Свободе запали в сердца моих духовных детей и чтобы они блюли и защищали ее от посягательств, с какой бы стороны угроза ни надвигалась, памятуя крепко, что духовная свобода — великая святыня святой Церкви». Завет митр. Евлогия был исполнен его ближайшими последователями... Но обращен он ко всем православным и на все времена, и сегодня он звучит более актуально, чем когда-либо.

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ЕВЛОГИЯ КНЯЗЮ ГРИГОРИЮ НИКОЛАЕВИЧУ ТРУБЕЦКОМУ

(Публикация и примечания Н.А. Струве)

Младший брат философов Сергея и Евгения Трубецких, кн. Григорий Николаевич (1874, Москва – 1930, Париж) служил по дипломатическому ведомству, был с 1914 по 1917 г. посланником в Сербии. Состоял членом Всероссийского церковного собора 1917 г. В эмиграции принимал деятельное участие в церковной жизни на стороне митр. Евлогия.

См.: Кн. Гр. Н. Трубецкой. Годы смут и надежд. 1917-1919. Монреаль, 1981, 264 стр. Сборник памяти Гр. Н. Трубецкого, Париж, 1932.

Письма были нам предоставлены сыном, кн. Сергеем Григорьевичем Трубецким, которому приносим здесь нашу искреннюю благодарность.

I

1921 г.

Глубокоуважаемый князь Григорий Николаевич,

Посланное мною Вам и К.П. Шабельскому¹ официальное извещение по вопросу об о. Дьякове и Барсове² избавляет меня от необходимости подробно отвечать на Ваше грозное письмо, в котором Вы обвиняете меня в «легкомыслии» и выражаете свое «удивление и огорчение моими приемами управления епархией». В ясном письме Вашем слышатся грозные окрики прежних обер-прокуроров, щедро раздававших их русским епископам. Ознакомившись с содержанием вышеупомянутого моего извещения, Вы, хочется думать, будете более снисходительны к моим немощам и, быть может, признаете и за мною некоторое право удивляться той легкости, смелости и безапелляционности, с какими Вы обрушиваетесь

на меня, старого русского епископа (гораздо старшего Вас годами), имеющего за собой и некоторый опыт в делах церковных. Я являюсь горячим сторонником широкого, соборного участия мирян в жизни церкви, но я полагаю, что и иерархия и миряне одинаково заинтересованы в охранении моральных и канонических норм этой жизни. Эти нормы и только их я защищаю в деле Венского причта. И если, действительно, необходимо отозвание одного из двух священников, приехавших в Вену, то, думается, нужно отозвать о. Барсова, а не о. Дьякова. Впрочем, по этому вопросу я желал бы выслушать голос *всего* церковного собрания православных русских людей, живущих в Вене и Бадене. И я очень прошу Вас, глубокоуважаемый князь, забывши причиненное Вам и К.П. Шабельскому огорчение, оказать свое содействие в организации этого собрания.

Призывая на Вас Божье благословение, с глубоким уважением имею честь быть

Ваш покорный слуга

Архиепископ Евлогий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Уполномоченный по Управлению Красного Креста в Вене.

² В своих воспоминаниях митр. Евлогий рассказывает о бедственном положении прихода в Вене. Назначенный им свящ. Авенир Дьяков (из бывших диаконов прихода) оказался не на высоте. Прот. Д. Барсов был назначен в другой пригородный приход, но вскоре умер. *Путь моей жизни*, YMCA-Press, 1947, стр. 431.

II

10/23 янв. 1923.
12, rue Daru, Paris (VIII)

Глубокоуважаемый Князь
Григорий Николаевич,

Сердечно благодарю Вас за добрый новогодний привет. Взаимно от всей души приветствую и Вас и достойную Княгиню Марию Константиновну с детками и

семью Бутеневых — и старых и молодых с новым годом и шлю свои лучшие пожелания. Да облегчит всем нам Господь тяжелый крест беженской жизни нашей.

С Арх. Анастасием¹ я переписываюсь. Он собирался перекочевать в Сербию, но пока остается в Константинополе. Не исключена окончательно возможность, что он и совсем там останется, если будет к тому какая-либо возможность. Теперь все это так неясно, неопределенно. Если бы он уехал из Константинополя, я очень рад бы был пригласить его в Берлин; только житие-то там будет очень трудное и средств мало...

Я же звал туда о. прот. С.Н. Булгакова, но он до сих пор еще не появился за границей. Действительно, в Берлине нужно сильного человека, который мог бы духовно объединять эмиграцию. О. Тихон² хороший человек, но несколько узкий, односторонний. И то, что Вы мне пишете, я давно знаю. Как-нибудь постараюсь пособить горю, если горизонты хоть несколько разъяснятся. И издательство духовное — крайне важная и нужная вещь; но опять так трудны теперь условия для ясного дела. Спасибо Вам, дорогой князь Григорий Николаевич, за Ваши заботы о церкви, — я очень ценю Вашу помощь. Собираюсь в Сербию, чтобы покончить с большими вопросами об организации нашей церковной власти за границей, о Соборе и проч. Но тут так все трудно и неопределенно. М. Антоний собирался уехать на Афон, а теперь Н[овое] Время пишет, что он остается. Все это неустройство так нервирует и так отвлекает от спокойной органической работы церковной...

Да хранит и благословит Вас Господь
Глубоко уважающий Вас и преданный
М. Евлогий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архиеп. Анастасий Грибановский (1873–1969) придерживался умеренных взглядов в назревшем конфликте.

² Тихон Лященко (1875–1945), был возведен митр. Евлогием в 1924 в викарные епископы для Германии. Тяготее к Карловацкому Синоду и стремясь быть полноправным епископом, он

оказался прямым виновником заграничного раскола. В 1938 г. уволен Карловацким Синодом на покой из-за запутанных дел в Германии.

III

8/21 июня 1925

Глубокоуважаемый и дорогой князь Григорий Николаевич,

Я очень беспокоюсь судьбой предположенной росписи иконостаса и других работ в нашем храме. Пр. Вениамин¹ отчасти успокоил меня; но многое осталось неясным. Прежде всего мне хотелось бы, чтобы на этом деле мы не перессорились... Конечно, не нужно тормозить дела, и я очень хотел бы, чтобы *во вторник* приходской Совет *окончательно* решил его, так чтобы можно было уже приступать к работе, но с другой стороны, необходимо, чтобы работы шли правильно и планомерно. Особенно меня беспокоит вопрос о переделке окон. Эту работу я разрешаю под двумя условиями: а) если архитекторы дадут *письменное* удостоверение, что эта переделка не повредит прочности стен и б) если от этого не затемнятся храм. Мне думается, что нужно переделать лишь *верхние* части окон, а нижние не заделывать кирпичами. Светлый храм так же нужен для молящихся, и этим нельзя жертвовать даже ради стиля.

Поднимать солею я тоже не хотел бы. Нужно будет сдвигать престол, делать перерыв богослужения, делать второе освящение. Неужели это так важно? Да и большая потребуется для сего трата денег. Мне думается, — не затевать бы это дело. Лучшее — всегдашний враг хорошего.

Нужно иметь и предметный (художественный) и финансовый *план* работ, чтобы не сталкиваться с неожиданностями, которые всегда очень неприятны. Перед каждой работой, необходимо выяснять, *какая* будет эта работа и *сколько* она стоит. Я думаю, что и со Стеллецким² и с другими мастерами необходимо заключить

предварительные и подробные условия. А главное, чтобы все было мирно. Успокаивайте П.А. Вахрушева,³ который полон нервного беспокойства, а за ним стоят многие прихожане. Не потерять бы нам их. На Вас, дорогой Князь, вся моя надежда. Не ко времени я связался с этой поездкой в Англию. Просто душа томится, как это все будет. Хоть бы скорее приехал о. С. Булгаков. И мне бы скорее домой к Пр. Вениамину.

Храни Вас Господь и помогай Вам в нашем дорогом деле.

Преданный Ваш

митр. Евлогий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Преосвященный Вениамин Федченко (1882–1962) был военным епископом Белой Армии, в эмиграции первым инспектором Богословского Института в Париже. В 1931 остался в Московской юрисдикции, в 1946 вернулся в Россию.

² Известному художнику-декоратору из «Мира Искусств» была поручена роспись бывшей лютеранской кирхи, ставшей храмом св. Сергия. Осуществил он ее с помощью кн. Е. Львовой, которая писала лики.

³ П.А. Вахрушев, староста Свято-Сергиевской церкви.

IV

Дорогой и глубокоуважаемый
Князь Григорий Николаевич,

Спасибо Вам сердечное за мирное проведение дела об устройстве иконостаса и росписи Сергиевской церкви. Это дело Вашей мудрости и любви. Я так волновался здесь; а теперь так благодарю Бога и Вас и всех, кто этому делу помогал. Дай Господи благополучно вести это дело и дальше. Хорошее начало, говорят, уже половина дела...

Трудную задачу задал наш Н.С. Арсеньев.¹ Прямо недоумеваю, что ему ответить. Припоминается Ваше мудрое

слово; можно бороться и отсутствием и присутствием и борьба «присутствием», б.м., более доблестна, но зато она и несравненно более трудна. Хватит ли у него силы, чтобы вести эту борьбу. А без борьбы нам не обойтись: атмосфера церк. жизни в Польше удушливая, нездоровая. Положение обострилось за последнее время еще больше вследствие отделения некоторых церк. общин от автокефальной иерархии, и подчинением их Литовскому (в Ковне) архиеп. Елевферию.² М. Дионисий³ отлучил их от Церкви; правительство, несомненно, воздвигнет против них гонение, б.м., по указаниям того же Дионисия; а мы будем косвенно укреплять его позиции. Что нам скажут эти самоотверженные борцы за канонические начала жизни? Прямо ума не приложу. Н. С. и мне написал. Буду отвечать ему помолившись, что Бог на душу положит. Чувствую большую тяжесть ответственности, сложность обстановки этого крайне трудного дела.

Наше время в Англии пока все проходит в церковных церемониях и балетах. Боюсь, не исчерпалось бы оно этими фестивалями. Постараюсь хоть что-нибудь сделать для нашей Академии, но обстановка шумная, праздничная, неблагоприятная. А многое, казалось бы, можно сделать. Восточная Православная Церковь представлена богато: два Патриарха (Иерусал. и Александр.), много митрополитов и епископов. Но нет инициативы и едва ли существует внутреннее единство настроений. Но еще много времени впереди. Нас отпустят после нашего Петрова дня.

Да благословит Вас Господь. Душевно Ваш преданный

М. Евлогий

16/29 июня 1925 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1978), богослов, был до 1938 профессором в Кенигсберге и на Богословском факультете в Варшаве.

² Архиеп. Елевферий Богоявленский (1870–1940), епископ Ковенский с 1911 г., после разрыва митр. Евлогия с Москвой возглавил все московские приходы в Западной Европе.

³ Дионисий Валединский (1876–1960), сын муромского священника, с 1902 ректор Холмской семинарии (после Евлогия), епископ Кременецкий. В эмиграции был избран в 1923 г. митр. Варшавским, перешел в юрисдикцию Константинопольского Патриарха, утвердившего автокефалию Польской Церкви в 1924 г. В 1948, после воссоединения с Москвой, был уволен на покой.

V

Дорогой Князь Григорий Николаевич,

Сердечное спасибо Вам за все, что Вы делаете для выяснения правды в настоящих запутанных церковных делах. Вы, несомненно, больше делаете, чем я. Я еще не могу оправиться от тяжелого чувства подавленности всем происшедшим; но, с Божьей помощью, постараюсь выпрямиться и до конца стоять на той принципиальной позиции, на которую поставлен не своей волей. Спасибо за справедливый отклик на «Окружное послание». Какое оно неприличное, это памфлет, газетный фельетон или что хотите, только не *пастырское* послание. Поневоле мне приходится отвечать на него своим посланием. Всячески постараюсь быть сдержанным. Посылаю Вам два документа. Мое обращение к М. Антонию о путях к улажению конфликта и протокол Собора с обвинениями по моему адресу. На этой неделе предполагаю созвать викариев своих и б.м. послание пойдет от всех нас.

Вчера был я у В. Кн. Николая Николаевича. Он прямо меня ошеломил своим потрясающим жестом. В то время, когда я рассказывал ему о наших нестроениях, он встал и поклонился мне до земли!! Подумайте! Я так был поражен, что не знал уже что говорить дальше. По существу же сказал, что он уже говорил крайним монархистам, чтобы они не путали в это дело политику, активно же пред иерархами он выступать не может, когда дело касается канонов, но готов умолять на коленях о прекращении раздора.

Ехать лечиться, при таких обстоятельствах, очевидно, пока невозможно. Быть может, после Успения удастся хоть на 2–3 недели отдохнуть.

Да хранит и благословит Вас Господь.

Душевно Вам преданный

М. Евлогий.

25 июля/7 авг. 1926

VI

Дорогой Князь Григорий Николаевич,

Я было несколько успокоился, удалившись от тяжелых дел церковной современной жизни; но сегодняшнее Ваше письмо опять с головой погружает меня в них. Преодолеваемая поднявшееся сильное сердцебиение спешу Вам ответить.

Откровенно говоря, эти все новые и новые усилия склонить к миру именно *меня* (почему — только меня, а не М. Антония или Феофана?!¹) измотали мою душу донельзя. Ведь мир предполагает обоюдные, взаимные действия. А тут выходит, что я все прошу-молю о мире — и посылаю своих епископов, и пишу письма (написал, скрепя сердце, по Вашему настоянию после разговора с Антонием, письмо м. Антонию, показывал его арх. Владимиру²), а мне отвечают не только непримиримостью, но и все новыми и новыми угрозами и оскорблениями. Что же это такое? Я, отстаивающий каноническую правду, оказываюсь в роли подсудимого, просящего снисхождения... Некогда и смиренный Ап. Павел защищал свое достоинство, а я своими мольбами о мире только ослабляю свое положение и привожу в уныние тех, кто твердо хочет идти вместе со мной. Мне уже с разных сторон пишут: правда ли, что Вы уже сдаете позиции; еп. Серафим³ в Софии объявил это журналистам к большому смущению тех, кто являются моими единомышленниками. В Берлине еп. Тихон с амвона громит

меня, как раскольника, а я должен молить о мире. Теперь я снова буду судим пред новым трибуналом, где будут Тальберг, кн. Ширинский-Шихматов. Читали ли Вы все, что пишет обо мне Тальберг в «Отечестве». Ведь там столько неправды, инсинуаций, ведь он похваляется, что спасает церковь от жидомасонства (т.е. от меня), насмешливо сравнивает меня с Родзянко (т.е. тот-де погубил Россию, а я гублю Церковь); ведь это правая рука Маркова,⁴ инициатор и вдохновитель того пагубного, политического засилия в Церкви, против которого я так борюсь; ведь Карловцы являются только исполнителями его предначертаний... А кн. Ширинский-Шихматов — ведь это самая яркая и самая крайняя фигура в лагере крайних правых... Могу ли я думать и надеяться, чтобы при участии названных лиц «правда и мир облобызались». В лучшем случае, из этого ничего не выйдет, а в худшем это даст толчок к организации противных сил. Собор с мирянами я, конечно, приветствую; но это мечта едва ли осуществимая по практически-техническим причинам; если же это осуществится, то это будет сколок Зарубежного Съезда и конечно с политической тенденцией. Замену еп. Тихона Арх. Анастасием я тоже всемерно приветствую, я готов дать ему и широкие полномочия, но все же он будет викарием (согласится ли он? Я ему недавно предлагал, он отказался); на раздвоение своей епархии, на *самостоятельность* Германии в епарх. отношении я ни за что не пойду, без *благословения из Москвы*. Этой канонической позиции я сдать не имею права, — скорее уступлю насилию, уйду (а м.б. умру), чем это сделаю, хотя бы остался одиноким. Судя по известию в «Днях» (от 25 сент. н. ст.) в России уже начинают заниматься нашими делами. И только туда или к главам Правосл. поместных церквей я думаю направлять свою апелляцию, когда Карловцы начнут долбить меня своими запрещениями, увольнениями и пр.

Простите, дорогой Григорий Николаевич, эти мои нервные слова, сразу вырвавшиеся из моей наболевшей души. Конечно ревновать о мире церковном — есть церковный, соборный долг мирян, но едва ли не выше этого

— долг ревновать о правде церковной и всячески ее разьяснять и защищать. За эту Вашу защиту да благословит Вас Бог, а к чему приведут эти попытки «примирять» мне не ясно, хотя бы они вытекали из самых чистых и высоких побуждений. Я же хоть и слабый, немолодой, но, с помощью Божией, хочу твердо стоять до конца за эту правду.

Храни Вас Господь.

Сердечно Вас любящий и уважающий
М. Евлогий.

16/29 сент. 1926

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Феофан Быстров, бывший епископ Полтавский (1872-1940 близ Амбуаз во Франции), библист. Считал себя ответственным за знакомство Распутина с Царской семьей. С 1931 переехал во Францию и жил на покое.

² Архиеп. Владимир Тихоницкий (1873-1959), в 1946 был избран преемником митр. Евлогия (был его викарием на юге Франции, в Ницце).

³ Серафим Соболев (1881-1950), хиротонисан в 1920 г. перед эмиграцией в еп. Лубенского. Управлял русскими приходами в Болгарии. Отличался, с одной стороны, благочестивой и аскетической жизнью, с другой — воинствующей узостью как в своих монархических убеждениях, так и в обличении «софианской ереси» и экуменизма. Член Карловацкого Синода, воссоединился с Москвой в 1946 и выступал против экуменизма на Православном Совещании в Москве в 1948 г.

⁴ Марков Николай Евгеньевич, так называемый Марков-Второй (1866-1945), депутат 3-й и 4-й Думы, лидер крайне-правых как в России, так и в эмиграции.

VII

Дорогой Князь
Григорий Николаевич,

Вчера, сгоряча, я написал Вам, б.м., очень нервное письмо. Сегодня, несколько успокоившись, пишу Вам

снова свои мысли и сомнения по поводу Вашего предложения:

1. У меня нет надежды на успех проектируемого Вами «предсоборного» совещания (не говорю уже о Соборе, это так далеко и так трудно!), но, быть может я стал пессимистом: если у Вас есть надежды на успех, устраивайте его, — только не от моего имени и не по моей инициативе и так, чтобы это не внесло расслабления и уныния у тех, кто со мною, особенно в Берлине (в духовенстве и мирянах); я всего больше беспокоюсь за них, чтобы они не подумали, что мы сдаем позиции и не пали бы духом.

2. Не помешали бы наши предreshения тому, что написано в прилагаемой вырезке из «Дней». Я имею основание думать, что это не газетная утка, даже не слух, а реальный факт.

3. Я *очень буду рад* перемене Еп. Тихона на Арх. Анастасия, если последний согласится. Я готов предоставить последнему самые широкие полномочия, оставив за собой лишь принципиальное, каноническое сохранение Германских Церквей в моем Зап.-Европ. округе. Практически это должно выражаться лишь в трех положениях:

а) мое имя должно произноситься за богослужениями;

б) все официальные сношения должны идти через меня; и

б) о всех важных мероприятиях (назначения и проч.) он должен будет сообщать мне к сведению. Арх. Анастасий столь тактичный человек, что мне с ним было бы легко. Согласится ли он?

Итак, если есть на это воля Божия, устраивайте совещание; но оно будет *только* от мирян, без моего вмешательства. Я же скажу словами Гамалиила: Если это было от человека, оно разрушится; а если от Бога, то никто не может разрушить его (Деян. 5, 38-39).

Да благословит Вас Господь,

Душевно Вам преданный

М. Евлогий.

17/30 сент. 1926

VIII

Дорогой князь Григорий Николаевич,

Ваше последнее письмо доставило мне большую душевную боль, особенно потому, что Вы не хотите или не можете меня понять, — точно мы говорим на разных языках. И прежде всего — о «Последних Новостях». Для меня вовсе не важна физиономия этой газеты. Я послал во все газеты извещение о сущности ответа М. Сергия и если к этому прибавил несколько слов от себя, то потому, что об этом меня просил И.П. Демидов, которого я считаю вполне церковным человеком. Свое отношение к последним актам М. Сергия, я высказал на собрании Христианской молодежи и это напечатано в последнем № их Вестника. Прочтите пожалуйста прежде чем будете печатать свою статью по этому вопросу.

Я часто с великою скорбью задаю себе недоуменный вопрос: за что на меня ополчается и распинает меня некоторая часть эмиграции, — даже из тех, кто был доселе единомышленным со мною? Что я сделал? Я по совести ответил м. Сергию, которого считаю в настоящее время носителем Высшей Церковной власти в Русской Церкви, что как и прежде, так и теперь, не буду вмешивать Церковь в политику. Ведь это я исповедовал всегда. Почему же прежде это воздержание от политики казалось правильным, и церковным по духу, а теперь «худшим видом политики»? Высшая церк. власть хочет знать, что это голос не только мой, но и всего духовенства. Духовенство отвечает, что оно со мною солидарно, присоединяется к моему голосу. Где же тут «контроль» советской власти? И я принял на себя «полицейские функции»? Такого оскорбительного отзыва о моих действиях я еще ни от кого не слыхал. Заявление Высшей Церковной Власти о своем невмешательстве в политику только ради того, чтобы облегчить положение Церкви, дать ей возможность свободно дышать и действовать, квалифицировать это действие как полицейские функции — простите Бога ради, я тут ничего не понимаю. Бог с Вами! Я далек

от какой-либо личной обиды. Пишите, что Вы находите нужным; но пред тем, как написать

1) живо представьте себе образ нашей страдальницы Матери Церкви, простирающей к нам руки с мольбой о помощи, или хотя бы с тем, чтобы мы не мешали ее устроению

2) подумайте, внесет ли Ваше мнение успокоение в умы нашего общества, или вызовет новые волнения.

Сам Господь да укажет Вам путь правый и благословит Вас.

Любящий Вас, скорбящий

М. Евлогий.

8/21 окт. 1927

P.S. Мне не понятно, почему Вы мой ответ М. Сергию приветствовали, а его подтверждение вызывает у Вас чувство возмущения.

IX

Глубокоуважаемый Князь Григорий Николаевич,

Мне пишут из Будапешта, что оттуда к Вам послано приглашение приехать, чтобы Вы своим докладом осветили современные вопросы церковно-общественной жизни. Со своей стороны я усердно присоединяюсь к этой просьбе. Там давно не было никого из видных общественных деятелей русской эмиграции и там в этом отношении глухая провинция. Ваш приезд может иметь огромное значение в смысле проявления сознания у местных людей. Уж возьмите на себя этот труд ради пользы нашего общего дела: пожертвуйте одной неделей Вашего времени!

Сердечно благодарю Вас за жертвование на наш Институт: в Вашем доме он имеет для себя великую и материальную, и моральную опору.

Я завтра утром уезжаю в Брюссель для устроения церковных дел, после кончины о. П. Извольского.

Искренно Вам преданный

М. Евлогий.

1/14 дек. 1928

Х [открытка]

Дорогой Князь Григорий Николаевич,

Сообщите мне пожалуйста точный адрес Вашего племянника — Князя Николая Сергеевича¹ в Вене. Мне нужно ответить на его письмо и я не могу этого сделать, потому что он не сообщил адреса. Там плохо с Архим. Харитоном. Я готов согласиться на созыв заграничного Собора для организации церк. управления, лишь бы этот собор был созван на строго церковных началах. В этом смысле я напишу Арх. Анастасию.

Я даже призываю к тому же и Лондонск. Арх. Серафима. Не знаю, внемлет ли. Это обращение напечатаю в газетах. Храни Господь Вас и всю Вашу семью.

Ваш

М. Евлогий.

29 янв./11 февр. 1927

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Трубецкой Николай Сергеевич (1890-1938), в те годы идеолог евразийцев, впоследствии прославившийся лингвист.

ХІ

Воскр. 4/17 Июня [без года]

Дорогой и глубокоуважаемый князь Григорий Николаевич,

Сердечно приветствую Вас и всю Клармарскую общину с праздниками. Особенно горячо приветствую дорогого графа Константина Аполлинариевича¹ со днем ангела. Шлю свои лучшие пожелания. Чувствую свою вину и прошу прощения. Надеюсь когда-либо искуплю свой грех.

Да хранит и благословит Вас Господь

Ваш М. Евлогий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хрептович-Бутнев (1912-1963).

В Свято-Сергиевском Богословском Институте (1925).

Сидят слева направо: Н.Т. Каштанов, о. Сергей Булгаков, архим. Иоанн, митрополит Евлогий, епископ Венецианец, П. А. Вахрушев, кн. Г. Н. Трубецкий;
Стоят, слева направо: С.С. Безобразов, А.В. Карташев, дьякон Г. Шумкин, И.В. Никаноров, дьякон Л. Липеровский.

За три недели до кончины...

Что митр. Евлогий перед смертью стал жалеть о том, что поспешил вернуться в лоно Матери-Церкви, было известно, но по глухим упоминаниям Т. Манухиной в послесловии к книге воспоминаний Путь моей жизни. Нам удалось разыскать источник этих сведений, письмо С. Протопопова к митр. Владимиру, печатаемое ниже. Митр. Владимир переслал это письмо тогдашнему директору издательства ИМКА-Пресс Дональду Ивановичу Лаури, следившему за печатанием книги митр. Евлогия.

Письмо С.С. Протопопова митрополиту Владимиру

Ваше Высокопреосвященство,
Глубокопочтимый и дорогой Владыко и Отец.

Наша последняя с Вами беседа была прервана лицом, пришедшим к Вам по спешному делу. Ввиду интереса, проявленного Вами, Владыко, к моему рассказу о последнем моем свидании с покойным Митрополитом Евлогием, позволяю себе закончить этот мой рассказ письменно, дабы не отнимать у Вас драгоценного времени своим посещением. 5-го июля ст. ст. 1946 года я получил приглашение посетить больного Митрополита. Застал я больного сидящим в кресле в своей спальне. Владыка как всегда весьма радушно и радостно меня принял, поздравив меня с днем Ангела. На мой вопрос, как себя чувствует Митрополит, Владыка мне ответил «физически — сердце все пошаливает, но нравственно я очень страдаю — с Москвой неладится», — и понизив голос прибавил: «обманули меня, тяжело мне».

На мое замечание, что даст Бог все обойдется, Митрополит с сердцем возразил: «Я тоже надеюсь, но то, чего они хотят, — тому не бывать». При этом Митрополит энергично ударил ладонью по ручке кресла.

Поняв, что этот вопрос очень волнует больного, я переменял тему разговора и вскоре собрался уходить. Перед отходом просил меня благословить.

Митрополит трижды меня перекрестил, коснувшись рукою моего лба, груди и двух плечей, взял мою голову двумя руками и крепко поцеловал лоб и обе щеки, пожелав мне всяких благ.

С тяжелым чувством и грустью покинул я спальню больного. Мне ясно стало, что это последнее мое свидание с любимым моим духовным отцом (и могу даже сказать — заменившим моего покойного отца), всегда с удивительной нежной любовью и доверием ко мне отосившимся.

Ровно через 3 недели 26-го июля ст.ст. Митрополит Евлогий скончался, да упокоит Господь душу его.

Прося Ваших святых молитв и архипастырского благословения, имею честь быть Вашего Высокопреосвященства глубоко почитающим и любящим Вас Ваш покорный слуга

(собственная подпись)

Сергей Протопопов.

Районный Уполномоченный Красного Креста при 9 Императорской Армии во время войны 1914-1918 гг.

Париж, 2-го октября 1947 г.

Пересылая 2 октября 1947 года Д.И. Лаури письмо, митрополит Владимир изложил сначала его содержание, а затем от себя добавил:

В дополнение вышеизложенного, должно отметить следующее: когда Митрополит Евлогий из газет узнал о командировке в Париж, по распоряжению Патриарха Алексия, Архиепископа Фотия, он удивленно вопрошал: «зачем это? Я его не звал, я его не приму, меня никто не спрашивал, не предупреждал». Особенно почивший был огорчен, когда узнал о перемещении Архиепископа Сергия из Праги, где он пользовался всеобщей любовью духовенства и мирян, в Вену, без всякого сношения с Экзархом Митрополитом Евлогием. Огорченный, он во-

прошал: «Разве я уволен на покой? Лишен прав на управление Экзархатом? Что это такое творится?» И скорбя о сем самочинии говорил: «Поторопился, поспешил воссоединиться с Москвой»...

Для справки прилагаю при сем полностью копию письма С.С. Протопопова.

Примите уверение в совершенном моем уважении

богомалец Ваш и искренний доброжелатель
Митрополит Владимир.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Александр КОРОЛЬКОВ

РЕЛИГИОЗНОСТЬ ПУШКИНА КАК ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Когда мы хотя бы вскользь оцениваем собственную религиозность, то порой самодостаточными оказываются факт крещения, случайные забегающие в церковь да упоминание в тяжкий момент Христа или Божьей Матери. Религиозным считает себя человек, совершающий тайну причастия и исповеди, не знающий Символа веры, не укрепляющий свой дух постом и молитвами. Иное дело — Пушкин. В отношении поэта у каждого нашего современника появляется ироничная улыбка: кому де неизвестны похождения и вольный нрав нашего гения! Тут-то никто и вспомнить не хочет хотя бы о соответствии религиозного поведения Пушкина более высоким внешним меркам, чем те, что мы обращаем к себе. Уж во всяком случае Пушкин и крещен был, и обвенчан, и на воскресных службах молился непритворно, и к монахам Святогорского монастыря хаживал по зову души для бесед, и о бесах писал с омерзением, а о божественном — вдохновенно и возвышенно, и перед смертью исповедался и причастился.

Максимализм, сопровождающий юношескую неводержанность, не покинул и самых проницательных мыслителей, как только прикасались они к этой теме — религиозности поэтического гения России. Ассоциативному воображению, проявленному Н.А. Бердяевым в сочинении «Смысл творчества», можно позавидовать, когда он восклицает: «И вот я спрашиваю: для судьбы

России, для судьбы мира, для целей Промысла Божьего лучше ли было бы, если бы в России в начале XIX века жили не великий святой Серафим и великий гений Пушкин, а два Серафима, два святых — святой Серафим в губернии Тамбовской и святой Александр в губернии Псковской?»¹

Сама мысль о двух Серафимах звучит нелепо, ибо невозможны ни два Серафима, ни два Пушкина. Причем заметим, что нелепость обнаружилась бы сразу же, если бы вопрос был поставлен наоборот: мог ли Серафим Саровский стать Пушкиным? Здесь ясно, что и обсуждать нечего, но почему же тогда можно обсуждать противоположное — не мог ли бы Пушкин стать святым Серафимом? Конечно, не мог, как и никто другой. Пушкин имел другой темперамент, другие склонности, дар, личную биографию, чем Серафим. Даже гипотетически невозможно допустить подобное насилие над судьбой, но при всех несовместимостях призваний и предназначений Пушкина и Серафима Саровского — оба были православными, оба искали свой путь к совершенству, оба стали вершинными явлениями духовной жизни России XIX века.

Не будучи сам сильной русской натурой, Бердяев как бы извне смотрел на Россию и русских и, порицая европейский рационализм, превративший философию в подобие науки, сам не улавливал чего-то самого потаенного в русском человеке.

Протоиерей Иоанн (Игорь) Экономцев, размышляя об основных взлетах русской духовности, называет протагонистами одного из духовных подъемов России в XIX столетии Преподобного Серафима Саровского и Александра Пушкина. Имена их рядом называли и Вл. Соловьев, и Бердяев, но если эти философы скорее противопоставляли святого и поэта, то о. Иоанн Экономцев видит в них два полюса нашей духовной жизни. «Творчество Пушкина, — отмечает он, — религиозно не потому, что у него есть глубокие религиозные произведения, но потому,

¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества. М., 1989, с. 391.

что истинное творчество... по своей природе не может не быть религиозным. Что же касается личных слабостей и прегрешений Пушкина, на которые ссылается Вл. Соловьев, то они перестали существовать, они сгорели в очистительном огне творчества так же, как сгорают грехи святых подвижников в их молитвенном подвиге».¹

Поэтому-то, полагает о. Иоанн Экономцев, ошибочно, подобно Вл. Соловьеву, упрекать Пушкина в том, что он променял религиозную святость на нерелигиозное творчество, имеющее «мимолетный цвет» и «обманчивое сияние ада».

В статье 1897 года «Судьба Пушкина» Вл. Соловьев занят размышлениями о смерти поэта, в сущности отвергая фатальное слово «судьба», подразумевающее что-то стихийное, слепое, жестокое, неотвратимое. В смерти Пушкина ему видится не роковая сила судьбы, а Провидение Божие, ибо смерть в той ситуации, в какую оказался втянут поэт, оказалась лучшим выходом, «потому что она вела человека к наилучшей цели — к духовному возрождению», ибо Пушкин-христианин не смог бы жить и писать после «удачной» дуэли так, как это было прежде, убийство не принесло бы ему душевной гармонии, ему бы пришлось в лучшем случае до конца дней спасать себя молитвами, но прежнего Пушкина-поэта уже быть не могло.

Вл. Соловьев не сомневался, что зрелый Пушкин, то есть Пушкин последних лет жизни, избавился от скептицизма, легкомыслия, своенравия ума и поступков, в нем созрело религиозное сознание, душевная вера. Между тем, ему не удалось избавиться от противоречий двух миров, которым принадлежала его жизнь — творческого, идеального, захваченного стремлением к совершенству, то есть к Богу, и бытового мира, который втягивал его непрестанно своими интригами, вовлекая Пушкина в мелочные раздражения, выраженные в том числе в его эпиграммах, удаляющих его от подлинного поэтического

¹ Протоиерей Игорь Экономцев. Православие, Византия, Россия. Париж, ИМКА-Пресс, 1989, с. 240.

го творчества. «Главная беда Пушкина были его эпиграммы, — убежден Вл. Соловьев. — Обличение чьих-нибудь личных недостатков не есть задача поэзии».¹

Эту раздвоенность, не в творчестве, а в бытийном существовании, Вл. Соловьев тем не менее приписывает невольно Пушкину-поэту, попрекая его тем, что, например, между поэтической Керн, гением чистой красоты, и Керн пушкинских писем, где Анна Петровна — вавилонская блудница, — не просто несовпадение, а пропасть, фальшь, «хотя, конечно, не в грубом смысле этого слова». От такой оговорки фальшь не перестает быть фальшью и можно было бы попрекнуть подобного критика Пушкина за его поэтическую бесчувственность, если бы слова эти не принадлежали поэту, определившему развитие символизма и всей поэзии русского серебряного века.

Вл. Соловьев много писал об идеях Платона, о недостижимости Идеала, ибо идеальная платоническая любовь не может материализоваться, любовь — это способность увидеть в женщине высоту неба, но земная женщина вне этой поглощенности поклонением не может, разумеется, стать воплощенным идеалом. Недостойно поступают те из пишущих о самом Вл. Соловьеве-философе, поэте, когда пытаются объяснить его творчество мелочными деталями биографических сплетен, сомнительной достоверности, как всякие сплетни, о протираании, скажем, им тела, а то и простыней скипидаром из опасения заразиться сифилисом. Это, если угодно, скрытое отмщение Соловьеву за его непотические и нерелигиозные объяснения творчества Пушкина, для которого не имеет значения, с кем и как он обедал или парился в бане. Жизнь и житие не совпадают даже у святых отцов Церкви, об этом не в первый раз приходится напоминать.

Есть и еще один поворот проблемы, обращенный не к религиозности самого Пушкина, а к Пушкину как объекту культового поклонения. Слишком убедительно прозвучали страстные доводы отца Сергия, игумена Свя-

тогорского монастыря, они и выписаны более убедительно, чем возражения автора рассказа «Встреча у Синичьей горы», и в этой части рассказ похож более на жанр платоновских диалогов, где один из собеседников, Сократ, рассуждает ярче и показательнее других.¹ Позиция игумена такова: советское время создало множество культов взамен религии, и культ Пушкина — в ряду этих эрзацев подлинной веры в Бога, нельзя поэтому идти в Святогорский монастырь на поклон к двум Богам! Стало быть, если выразить позицию на языке русской религиозной философии — вместо Богочеловека-Христа поклоняются рядом человекобогу-Пушкину. Не вторгаясь в столь обычный и острый для нынешней поры спор священнослужителей, монахов и музейных работников, разгоревшийся всюду, где соседствуют те и другие, будь то Сергиев Посад или Святогорский монастырь, замечу только, что даже атеисты не поклонялись Пушкину как Богу, не наделяли его абсолютами, свойственными божеству. Как раз больше доставалось Пушкину за несовпадение в нем реального и идеального. Хуже, когда самому Пушкину приписывалось отвержение Бога, идущее от его воли творчества. Бердяев, должно быть, всматривался в себя, когда пытался рассуждать о Пушкине: «Гениальность — святость дерзновения, а не святость послушания... В темных недрах жизни навеки остается бунтующая и богоборческая кровь и бьет свободный творческий источник».² Можно перечислять множество имен, приложивших руки к богоборчеству, от Ницше и того же Бердяева до пламенных революционеров и демократов, но только никакого отношения к Пушкину богоборчество не имеет. Его вдохновение и творчество — от Бога, а не от сатанизма — двойника богоборчества, его чувственные всплески — от народной глубины, от полноты русского духа и русской истории, которые нес в себе Пушкин с редкостной полнотой и концентрированностью.

¹ Золотцев Станислав. Встреча у Синичьей горы. Москва, 1996, №6.

² Бердяев Н.А. Смысл творчества, с. 393.

Мы боготворим Пушкина, но не создаем тем самым нового Бога или человекобога, мы боготворим его так, как, в ином смысле, способны боготворить любимую женщину, мы поклоняемся самовыражению нашего народа в слове Пушкина, а самовыражение русского народа не могло состояться в философии, наподобие немецкой философской классики, ибо наш народ соединяет в себе поэтическую чувственность с вечным стремлением к идеалу, а эти качества может наиболее точно выразить только поэт, наделенный полнотой чувствования русской душевности и духовности, а таковым и был наш Пушкин.

Нет человека, у которого не случались бы падения, грехи, но всяк ищет то, что ищет. Низкий, подленький, тщеславный оттого и не имеет ничего святого, что в святом выискивает хоть малое свидетельство слабости, сомнений и радостно верещит: «Все люди такие, как я!».

Стремления, помыслы и деяния человека, подобно стрелке компаса, упрямо нацелены в одну сторону при любых блужданиях и вращениях жизни, но вопрос в том — какая это сторона? Возвышенного идеала, зовущегося святостью, или низины вождлений, бесовства утробного сознания?

Прикасаясь к жизни великого человека, всегда обнаруживаешь великие страсти, тем более, если речь идет не о святом подвижнике духа, а о поэте. Как в науке ценны не открытия прошлого, ставшие уже не наукой, а ее историей, так и в жизни великих людей ценны не столько бесспорные факты, свидетельства их святости, безупречности, сколько их великие пологи, страсти, горения, важна, как подметил архимандрит Киприан, та внутренняя борьба, которая велась в сокровенном сердце человека, которая чаще всего и ускользает от оценки людей. «В духовной жизни страшны не падения и грех, ибо после них возможны плач и покаяние, но страшно стоячее болото, спячка, равнодушие. В них покаяние невозможно».¹

¹ Архимандрит Киприан (Керн). Антропология св. Григория Паламы. М., «Паломник», 1996, с. 17.

Безрелигиозный человек не может быть духовно одаренным, а тем более гениальным, ибо помыслы его заземлены на практически рациональных целях, предметах. Если же человек обращен к сверхчувственным предметам, к совершенному в мире, к идеалам, к духовным основаниям жизни, то он и идет к Богу, он не удовлетворяется чувственными, сиюминутными соображениями пользы, а в конечном счете — всего земного. Никакими соображениями материальных устремлений никому еще не удалось объяснить муки совести, чувства сострадания, милосердия, высокой любви во всех ее измерениях — от любви к женщине, до любви к Отечеству и к Богу.

Поэтический гений Пушкина пронизан божественным светом, но свет этот отозвался в русском гении по-иному, чем у святых подвижников в ските или в монастырской келье, которым являлся в их молитвенном подвиге фаворский свет. Подлинный поэт, по точному слову И.А. Ильина, обретает тот Божий луч, который наделяет мятущуюся бездну человеческой души и в столкновении бездн обнажает силу и упорность светлого духа перед соблазнами темного инстинкта.¹

Один из теоретиков евразийства, П.П. Сувчинский, подметил, что русский народ вообще не стремился к догматическому теоретизированию, русские святые прославили себя не в богословских трудах, они просияли в быту, как духовные делатели добра, как подвижники, и «религиозный гений России в этом отношении достиг великих и еще не оцененных образов и форм».² Пушкин, безусловно, плоть от плоти русский человек, и погруженность его в русскую жизнь делала его религиозным человеком, ибо «Россия жила бытовым исповедничеством своей веры: быт являлся формой русской религиозности, “испытанным смотрением Божиим”, и церковь на него опиралась».³

¹ Ильин И.А. О тьме и просветлении. М., 1991, с. 16.

² Сувчинский П.П. Инобытие русской религиозности//Евразийский временник. Берлин, Евразийское книгоиздательство. 1923, с. 82.

³ Там же.

Пушкин, как и русские крестьяне, был суеверен: верил в предсказания, ходил к гадалкам и всерьез относился к их словам, но сами суеверия у Пушкина «оборачивались живым проявлением веры. Так, он был убежден, что все важное в его жизни связано с днем Вознесения, и мечтал построить в Михайловском церковь во имя Вознесения Господа».¹

До сих пор звучат ироничные высказывания о религиозности русского народа, не только Пушкина, ссылаются при этом на незнание русскими религиозной догматики и даже Символа веры, основной заповеди всякого православного.

Между тем, немного найдется критиканов, способных попрекнуть русский народ в отсутствии духовного здоровья, причем теперь — то исторически вполне очевидно, что главной скрепой духовного здоровья была внутренняя, не показная религиозность с ее следованием высшим меркам жизни, совестью, милосердием, братством.

Пушкина не увлекала и не могла увлечь формальная поэтическая игра, ему чужды были всякие искусства поэтического своеволия, которые в избытке впоследствии продемонстрировала поэзия декаданса и авангарда. Известно, что классика — это целостность и глубина, а они способны проявиться только из недр духовного здоровья создателя классики. «Что такое духовное здоровье?» — спрашивает архимандрит Константин (Зайцев) и отвечает: «Это не святость, не праведность, даже не нравственная дисциплина... Это органическая целостность сознания, некое целомудрие духа, это дар легкой и радостной духовной поступи — той поступи, которая позволяет пройти по морю греха и безнадежно не погрузиться в него, это неутраченное сознание Божией близости...»²

Пушкин, как всякий человек глубокой внутренней духовности и творческой непрерывной работы, тайлся от

¹ Архимандрит Константин (Зайцев). Религиозная проблема Пушкина // Христианская культура. Пушкинская эпоха. СПб., 1996, с. 13.

² Там же.

стороннего взгляда, редкие друзья могли наблюдать внешние проявления внутреннего Пушкина, озаренного божественным вдохновением, чаще же в свете судили о нем поверхностно, не сознавая бравады и игры в его поступках. В существенном его поступки были по-христиански ответственны и пронизаны светом совести. При обостренном отношении к вопросам чести, он, как известно, ни одну из дуэлей не довел до убийства обидчика, хотя был великолепным стрелком, только в роковой дуэли он попытался воспользоваться правом на прицельный выстрел, но это было уже после злодейского выстрела Дантеса.

Народное православие, то есть воплощенное в действиях, поведении, укладе всего бытия русского человека, проявление тысячелетней жизни христианства в России, это православие нес в себе Пушкин. Сколько бы ни обсновывалось богословами, особенно экуменистских симпатий, безразличие христианства к национальным особенностям народов, но все же явленность веры в храмах, литургии, иконах всегда национальна. Не говоря уже о различиях католичества, протестантизма и православия, в рамках каждого из них есть большая или меньшая степень национального преломления. Византийская икона, войдя в храмы Руси, осталась православной, христианской, но при этом русской иконой, которую все труднее было спутать с византийской, и это не было отступлением от подлинности.

Христианство наднационально, перед ним нет ни эллина, ни иудея. Степень же вчувствования, сердечного проникновения в христианство различна как у отдельных людей, так и народов, подобно тому, как по-разному чувствуют стихи и музыку люди. Верование, религиозность вообще предполагают сердечную предрасположенность и развитую чувственность, которую Иван Александрович Ильин называл просветленной чувственностью.

Христианство принято противопоставлять язычеству, но заметим и другое: некоторые проявления язычества создавали плодородный слой для цветения христи-

анства. Греки и русские возвысили факел православия, будучи в недавней своей истории народами многобожия, поэтической фантазии и жизнелюбивых страстей. Рассудочность многих европейских народов породила древо католицизма, протестантизма, где есть догматы и каноны, теологические энциклопедии и гигантские каменные костелы, в которых можно и посидеть, и удобно ткнуться коленями в мягкие подколенники, где все же витает нечто национально немецкое, чешское, польское, к чему недостойно отнестись высокомерно, но что не притягивает русского человека, не воспламеняет его к сердечной молитве.

Лица народов, неповторимые, своеобразные, не могли не запечатлеть себя в отношении к Лику, в коем есть духовная наша всеобщность, но душевность у каждого человека и народа своя, путь к духовности свой. Если нельзя заменить любовь знаниями о любви, то тем более без душевного собственного огня не возгореться пламенем божественной духовности. По слову Максима Исповедника, «твари причащаются Божественного блаженства соответственно своей восприимчивости».

Пушкина и Петербург любят, а нынче особенно, называть европейцами, будто это некие заброшенные в Россию из Европы метеориты нездешней природы. Пушкин — европеец — поэт, а Петербург — европейский город. Москву, Псков, Новгород оставляют России; Державина, Есенина тоже забирайте де в свои, в русские поэты, а Петербург и Пушкин — европейские! Поразительно, с каким постоянством Западная Европа отталкивает от себя все русское, как варварское, но настойчиво присваивает себе Пушкина и Петербург.

Иностранные участники псковской конференции 1996 года «Пушкин и мировая культура» настаивали: «Пушкин — европеец». В этой формуле похвала поэту и констатация некоей большей высоты, чем русская.

Пушкин великолепно знал европейскую культуру, в нем была всечеловечность и умение перевоплощаться, подмеченные Достоевским, всемирная отзывчивость, столь развитая прежде в русском народе и не иссякающая

по сию пору, идущая подчас во вред благополучию самих русских. Не стоит лишь забывать, что Достоевскому в его юбилейной речи о Пушкине хотелось сказать о том, о чем до него столь подчеркнуто и ярко не говорил никто, но это совсем не означает, что Достоевский не читал сказки Пушкина или его повести, в которых русский дух и Русью пахнет в каждом звуке, как раз любой европеец, как и русский, впрочем, может уверенно войти в мир русской народной культуры через ворота, сооруженные из «Сказки о рыбаке и рыбке», «Руслана и Людмилы», «Сказки о царе Салтане», а еще и о мертвой царевне, и о золотом петушке. Скорее можно утверждать бесспорное: нельзя стать русским, не впитав в детстве вместе с речью сказки Пушкина, ибо они и есть русская речь, русский мифологический мир, русское чувствование... К тому же, всечеловечность, о которой толковал Достоевский, совсем не равна европоцентризму. Наши евразийцы еще в 20–30-е годы разьяснили ложность этой подмены, когда за призывами к общечеловечности скрывается экспансия романо-германского образа мыслей и жизни, распространяющаяся на все прочее человечество, когда прочие культуры видятся европейцам недоразвитыми, ибо не соответствуют их европейской шкале.

Впрочем, почему южным славянам, молдаванам, цыганам, черкесам не заявить свои права на Пушкина? Стоит ли напоминать циклы южных стихов Пушкина?

Как и многое другое, нынешние блуждания между национализмом и общечеловечностью настойчиво и прозорливо прояснял Иван Александрович Ильин, в том числе и в статье-речи о Пушкине, написанной в 1937 году. Приходится поражаться его постоянному участию в наших сегодняшних дискуссиях. Разве не сегодня могли быть написаны хотя бы вот такие его строки: «Национально безликий “всечеловек” и “всенарод” не может ничего сказать другим людям и народам. Да и никто из наших великих: — ни Ломоносов, ни Державин, ни Пушкин, ни сам Достоевский — практически никогда не жили иностранными, инородными отображениями, тенями чужих сознаний, никогда сами не ходили и нас

не водили побираться под европейскими окнами».¹ Ильин выделил здесь Достоевского только по той причине, что в этой статье он, как в свое время К.Н. Леонтьев в статье «О всемирной любви», спорит с Пушкинской речью Достоевского, опубликованной, как известно, в «Дневнике писателя» за 1880 год. Ильин сумел неизмеримо шире, чем предполагал Достоевский, истолковать мысль о всемирной отзывчивости поэта. Эта отзывчивость связывает Пушкина со всей вселенной, со всей природой, со звездами, снегом, ангаром пустыни, «ибо “мир” — не есть только человеческий мир других народов... Тот, кто хочет быть “братом” других народов, должен сначала стать и быть, — творчески, самобытно, самостоятельно; созерцать Бога и дела Его, растить свой дух... Не будем же наивны и скажем себе зорко и определенно: заимствование и подражание есть дело не «гениального перевоплощения», а беспочвенности и бессилия... Ибо гений творит из глубины национального духовного опыта».²

Мне приходилось слышать от музейных работников Сергиева Посада, возбужденных конфликтами со священнослужителями, что подлинная русскость — это народная старина с ее рублеными избами, резными наличниками, хороводами, свадьбами на тройках с бубенцами, лаптой, общинным братством и вечевым многоголосием, а христианство де — это привнесенный извне византизм, в коем исчезли первозданность и естество Руси, монашеские и церковные одеяния, само по себе литургическое действие лишены русскости, и еще множество подобных обоснований.

Такие попытки изобрести не исторически сложившуюся Россию, а абстрактный образ, живут в сознании многих русских людей, далеких от теоретизирования, поэтому избегать разговора на эту тему — значит постраусиному упрятать голову в песок. Есть в России, в

¹ Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Одинокий художник. Статьи, речи, лекции. М., «Искусство», 1993, с. 47.

² Там же, с. 46-47.

русских, и, конечно, к счастью, что не исчезли, и удаль, и масленица, и образы водяного, лешего, домового, есть все, о чем толкуют музейные работники, озабоченные сохранением русского фольклора, русской старины. И все же, если хотя бы вообразить Россию без православия, без монастырей и монашества, без Сергия Радонежского, неменьшего объединителя Руси, чем благословленный им на Куликовскую битву Дмитрий Донской, без того нравственного хотя бы просветления, которое дало русским христианство, — без всего, стержнем чего стали храмы, весь дух православия, нет и самой России, нет русскости.

Итак, Александр Пушкин полнее и подлиннее, чем кто бы то ни было другой, выразил глубины русского духа, русского сознания, русского мироощущения. И.А. Ильин сказал об этом с предельной категоричностью: «Пушкин есть чудеснейшее, целостное и победное цветение русскости. Это первое, что должно быть утверждено навсегда».¹

Для того, чтобы всмотреться в полноту русскости — не следует придумывать искусственно идеализированный образ русскости, вернее будет поступить иначе: попытаться рассмотреть не воображаемое, а самое яркое, цельное, в том числе в своих противоречиях, действительное явление русскости. Как же в этом случае не обратиться к самой вершинной персонификации русскости — к Пушкину?

Русский народ молод чувствами, мировосприятием, и, как неглупый юноша, он стремится почитать мудрость и святость старцев, но сам жить судьбой старца не умеет, хотя то и дело терзается неспособностью жить спокойнее, рассудительнее, молитвеннее, сожалеет о своем буйстве и неумеренности чувств. Таков и Пушкин. Он — зеркало и вершина нашей русской молодости, входящей в зрелость.

¹ Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Одинокий художник. Статьи, речи, лекции. М., 1993, с. 48.

Протоиерей Георгий Флоровский, будучи безусловным ревнителем церковности, смотрел на русскость без шор идеологической ущербности. Он писал о дневной и ночной русской культуре. Одна культура просветляла душу и ум, вторая, идущая от язычества, развивала эмоции и мировоззрение. Сочетание поэтической мечтательности и христианской духовности присуще всей русской истории, оттого-то подлинное выражение русского духа, характера и даже тайн подсознания не мог бы дать никакой философ, мыслящий понятиями, такое доступно оказалось только русской художественной литературе, и прежде всего — Александру Сергеевичу Пушкину.

В. Г. БЕЛОУС (СПб)

ИЗГНАНИЕ СКИФА

9 июня 1996 года исполняется 50 лет со дня кончины в Мюнхене выдающегося историка русской общественной мысли, критика и публициста Иванова-Разумника (псевдоним Разумника Васильевича Иванова: 1878–1946). Его судьба — интереснейшая, но, к сожалению, малоизвестная страница в истории русской культуры. Он называл себя *Скифом* и в 1917-м проповедовал духовный максимализм; при большевиках, пройдя испытания советскими «тюрьмами и ссылками», он ни разу не дал современникам усомниться в твердости собственных мировоззренческих позиций; вторая мировая война спасла его от уничтожения в советских застенках и привела в Европу. Последнему пятилетию жизненного пути Р.В. Иванова и посвящен наш рассказ.

«Юбилей», или символические совпадения в датах, случались в жизни этого человека с удивительной закономерностью. Летом 1912 года Иванов-Разумник впервые посетил Европу, и среди других стран — Германию. Ухоженный, сонный, равнодушный мир оставил после себя двойственное впечатление: европейская цивилизация, насыщенная всевозможными механическими удобствами, представилась вполне приемлемой для человеческого существования, но культура, творчество, искания — так называемая «органика развития» — связывались только с Россией. Оттого «Берлин» почудился *Скифу* «стрихнином»: в России была жизнь, в Европе — самоотравление и умирание.¹ Ровно тридцать лет спустя, когда машинный «интеграл» европейской цивилизации двинулся на Восток, Иванову-Разумнику, попавшему в самый центр этого страшного вихревого потока, вновь

* Благодарю за поддержку Российский гуманитарный научный фонд.

суждено было оказаться в Германии — на сей раз в «прусском изгнании», как он сам называл собственные скитания. Именно здесь, в самом центре военного пожара, по воле судьбы, Скиф нашел приют и пристанище, здесь — на пепелище — обрел он и вечный покой.

В конце лета 1941 г. «внештатный сотрудник» Литературного музея Иванов-Разумник тщетно ожидал эвакуации из Пушкина, к которому неумолимо приближались немецкие войска.² Вместо этого, Левиафан потребовал, чтобы он переселился, как «неблагонадежное лицо», вглубь «страны Советов» — в места, достаточно отдаленные не только от цивилизации, но и от культуры. 27 августа 1941 года Управление НКВД по Ленинграду и области, «рассмотрев материалы в отношении Иванова Р.В.», нашло,

«что Иванов Р.В. в прошлом являлся одним из идеологов и теоретиков партии соц<иалисто>в-рев<олюционеро>в, принимал участие в редактировании целого ряда эсеровских печатных органов. Имел близкие связи с членами ЦК ПСР. На протяжении всего периода существования Советской власти занимался активной контрреволюционной работой, принимал участие во всевозможных нелегальных организациях и группах эсеровского направления. Так, например, в период 1930-1933 г. Иванов Р.В. создал в Ленинграде [сильную — зачеркнуто красным карандашом — В.Б.] нелегальную эсеровскую организацию, которая имела свои филиалы в ряде районов Ленинградской области. Упомянутая организация имела подпольную типографию и готовила массовый выпуск к/р листовок».

В «постановляющей части» говорилось:

«Иванова Разумника Васильевича на основании приказа №. 0055/00262 от 26 августа 1941 г. выслать в административном порядке».³

Ранним утром 30 августа Иванов-Разумник был разбужен участковым уполномоченным. Повесткой № 304140 он приглашался к 10 часам на пл. Урицкого, 6, к сотруд-

нику Ленинградского областного управления милиции Николаеву. В 9 утра Иванов-Разумник с женой были уже в Ленинграде. К следователю он не пошел, а отправился к вдове своего друга, А.Н. Римского-Корсакова, — Ю.Л. Вейсберг.⁴ Решено было схитрить: голову в «пасть удава» не совать, а выждать — посмотреть на реакцию властей. Как оказалось впоследствии, эта маленькая хитрость спасла Ивановым жизнь. Вместо востребуемого лица к следователю отправилась записка, в которой Иванов-Разумник сообщал:

«Вызванный повесткой к Вам на утро субботы 30/VIII и опоздав на утренний поезд из Пушкина, я мог прибыть в Ленинград только к вечеру — из-за нарушенного движения по железной дороге и переполненных поездов. Вчера, в воскресенье 31/VIII, был выходной день, а сегодня, 1/IX, я собирался быть утром по Вашему вызову. Ночью у меня произошло кровоизлияние из легких — и я лежу теперь в квартире Римской-Корсаковой — по адресу: Советский проспект, д. 48, кв. 47. Если кровоизлияние не повторится, то смогу быть у Вас завтра, во вторник 2/IX, утром. Если повторится, буду лежать по указанному выше адресу. 1/IX 1941. Р. Иванов».

Чтобы у властей не оставалось сомнений в тяжести болезни, текст был исполнен прерывистым, дрожащим почерком, абсолютно не характерным для почти каллиграфического письма (кстати, сохранившегося до последнего дня жизни) Иванова-Разумника.

К радостному удивлению отправителей, реакция официальных лиц на эту записку оказалась весьма положительной: Р.В. Иванову было разрешено возвратиться в Пушкин до особого распоряжения. Вечер 1 сентября, судя по дневниковой записи Ю.Л. Вейсберг, они провели за игрой в карточного дурака.⁵ Казалось, что опасность миновала и «удав» решил милостиво отпустить свою жертву на волю — «до особого распоряжения». Но утром 2 сентября последовало вторичное приглашение к «товарищу Николаеву». Позже, в воспоминаниях, Иванов-Ра-

зумник назовет этот день «самым опасным днем в своей жизни: решался вопрос — *уцелеть* или *погибнуть*». ⁶ Он не знал тогда, не узнал и позже, что вопрос о высылке уже был к тому времени разрешен — и разрешен, как ни странно, отрицательно — в его пользу. До последнего дня считал, что милиция, не справляясь к тому времени с потоком выслаемых, переложила соответствующее деяние на власти города Пушкина. А у тех, в свою очередь, в условиях предблокадного цейтнота до «неблагонадежных» просто руки не дошли. Назначенная на 19 сентября высылка четырехсот граждан Пушкина не состоялась: 17 сентября в город вошли немецкие войска.

В действительности обстоятельства складывались следующим образом. 2 сентября, во время последнего допроса, на столе у начальника паспортно-регистрационного отдела, старшего лейтенанта милиции И. Николаева, уже лежала бумага — «заключение по делу №» (номер отсутствовал), где было записано:

«1941 г. сентября м<есяца> 2 дня. Я, оперуполномоченный Пасп<ортного> Рег<истрационного> отдела ЛОУМ Парфенов, рассмотрев материал об адм<инистративной> высылке гражданина Иванова Р.В., прож<ивающего> г. Пушкин, Пролетарская улица, дом 46, НАШЕЛ: что у Иванова Разумника Васильевича, дочь Иванова Ирина Разумниковна рож<дения> 1908 г. служит в РККА в воинской части п/я 529, а поэтому полагал бы материал в отношении Иванова поставить на пересмотр».

«Судьбе, — написал Иванов-Разумник в конце своих мемуаров, — на этот раз было угодно избавить меня от новых тюрем и ссылок, а нас обоих (с женой, В.Н. Ивановой — В.Б.) — от верной гибели». ⁷ Как правило, провидение безлично. Но на сей раз у судьбы оказалось имя: дочь, сама того не ведая, своей недолгой, трехмесячной (оборвавшейся как раз по причине «неблагонадежности» родителей) службой в Красной Армии спасла жизнь отцу и матери. 17 сентября 1941 года «советская» страница в жизни *Скифа* оказалась перевернутой.

О жизни Иванова-Разумника в оккупированном немцами городе почти ничего не известно. ⁸ Позже, в 1943 году, он напишет книгу воспоминаний «Холодные наблюдения и горестные заметы», но та, посвященная гибели огромной библиотеки и бесценного архива, сама в свою очередь погибнет под бомбами союзной авиации. Пророческие слова Иванова-Разумника, сказанные им еще 27 августа 1941 года, воистину подтверждались: «огненная смерть — удел многого в наши дни». ⁹ Его деревянный домик, расположенный на самой границе города у Египетских ворот, был передовой: сначала по нему стреляли, как с одной, так и с другой стороны, а после оккупации Пушкина германскими войсками — только со стороны осажденного Ленинграда. Первые две недели сентября оставшиеся в городе царскоселы прятались в подвалах санатория, в «щели» — канаве в человеческий рост, заложенной сверху бревнами и засыпанной землей. Снова, как и в первые послереволюционные годы, никакого «убегания от смертного страха» не было. Была «покорность судьбе», о которой писал Е. Лунберг, — сопровождавшая всю его жизнь и удивлявшая многих его современников. Здесь, в «щели», Иванов-Разумник, быть может, впервые за многие годы не таясь, не скрывая и не скрываясь — не столько слушатель, сколько рассказчик, — делился со случайными собеседниками, совершенно далекими от традиционных интеллигентских занятий, своими уникальными сведениями о литературе и политике, читал стихи и вспоминал: помогал не бояться.

Психологически было совсем непросто. Оккупационные войска многим казались освободителями от большевизма, приносящими с собой если не культуру, то уж по крайней мере цивилизацию. Но Россия лежала под ногами оккупантов растоптанная и почти побежденная. Неужели русскому человеку могло быть безразлично, кто и как приносит ему свободу? Иванов-Разумник всегда — и в 1914 году, и в 1918-м, и в 1941-м — был «пораженцем»: пусть погибнет то, чему суждено погибнуть, пусть исчезнет внешнее, наносное, преходящее (а большевики виделись именно таким временным явлением)

и проявится внутреннее, сокровенное, имманентное самой жизни. Одновременно *Скиф* был патриотом, ибо всегда знал и твердо веровал: Россия внутренняя в конце концов победит и большевизм, и «сумрачный германский гений», сколь бы долго ни длились эти сумерки.

В начале 1940 года, когда Иванов-Разумник разбирал архив своего «старого литературного друга» М.М. Пришвина, между ними вспыхнул спор о «пораженчестве», старый и по-своему показательный. Разумник Васильевич высказался сочувственно по поводу английской дипломатии. «А японцев в 1904-м помните? — адресовал ему встречный вопрос Пришвин. — Я тогда не японцам сочувствовал, а ненавидел царизм. — А в 1914 году, помните, как вы сочувствовали немцам? — Тоже из ненависти. — В таком случае, как же не подумать, что теперь англичанам вы сочувствуете тоже из ненависти? — А разве вам это нравится? — Нет, но я физическое место человека люблю — растительность, ландшафт, особенно язык и народ, его творящий. Я за это стою, а не из любви к Сталину».¹⁰ В дневнике Пришвина последнее слово остается за автором; в реальной жизни на эту реплику Иванов-Разумник скорее всего ответил своим: я не менее вас люблю родину физическую, но еще выше ставлю родину духовную, ибо род мой и я сам тождественны; мое личное дело и есть последняя реальность всеобщей свободы.

Еще в 1934 году Иванов-Разумник установил для себя максимум поведения в условиях борьбы двух диктатур — коммунистической и фашистской:

«Надо не лакействовать, не приспособляться, не чегоугодничать, а делать в своей области ту работу, которая переживет и диктатуру, и коммунизм, ибо оба они — лишь переходные формы...»¹¹

Тогда же, находясь в саратовской ссылке, он писал своему старому литературному знакомому — критику А.Г. Горнфельду:

«Дорогой Аркадий Георгиевич, грустно, что Вы грустите, но все же умирать по-вассермановски нечего. Это — смерть от безверия. Германия Гит-

лера — есть от чего болеть, но ведь весь вопрос в том — кто сильнее: Гитлер или Гете? Гитлеру дан час жизни (хотя бы и на всю нашу жизнь), а Гете века. Вот почему я, имея причин грустить много больше, чем Вы, пребываю в нераскаянном оптимизме».¹²

Спустя семь лет, когда война была уже в самом разгаре, в письме ленинградской писательнице Л.Л. Слонимской от 14 июля 1941 года *Скиф* (одно из писем адресату, от 18 июня 1941 года, подписано именно этим литературным псевдонимом!) выскажется на сей счет еще более определенно:

«Хоть я и не политик, но ясно предвижу, «чем все это кончится»: с самого начала второй мировой войны я не ставил и ломаного гроша на лошадку, именуемую «Гитлер», — и тем меньше ставил, чем он больше побеждал. Его песенка спета, — вот только не знаю, в котором году. Мистер Черчилль говорит, что в 1943-1944. Так вот — желаю Вашей семье благополучно дожить до этого времени и вспомнить меня при этом».¹³

Две мировые диктатуры столкнулись друг с другом, две *неправды*; не следует рассуждать, какая из них лучше, но почему бы при этом не надеяться, что с помощью одной можно победить другую? И уже потом вторая надорвется сама, подавившись собственной победой... Если это и утешение, то утешение, рассчитанное на века. Жить надобно сегодня — между ночью и днем, когда сумерки длятся почти бесконечно. Вновь сама судьба ставила *Скифа* перед выбором: сущность или существование? Элементарное — «надо на что-то жить» — предполагало работу «на немцев»: в комендатуре, в столовой, на любом месте, за которое можно было получить либо «немецкий паек», либо «рейхсмарки». Казалось бы, образованному, неплохо знающему немецкий Иванову-Разумнику сотрудничество, скажем, в городской управе не составило бы особого труда. Но никогда «не служивший» ни на какие власти, *Скиф* не стал работать и на «новый порядок». Это был принципиальный отказ от сотрудни-

чества: принимать свободу из рук «освободителей»? — Лучше помереть с голоду! Да, «пораженчество», но отнюдь не коллаборационизм. Принципы не выше жизни, они результат самой жизни. Оккупанты есть оккупанты; нельзя отождествлять себя с ними, ибо не свободу они принесли на своих штыках, а новое рабство — и здесь не стоит терять себя иллюзиями.

Рождество 1942 года Иванов-Разумник встречал с женой и друзьями по-праздничному: ночь, рождественская елка, свечи, ужин, состоявший из капустного супа, лепешек и чая с сахаром. Были рассказы, стихи, колядки. Разумник Васильевич вспомнил, что на квартире его родителей в Петербурге, у Пяти Углов, хранится бутылка коньяка, подаренная ему при крещении. Посчитал и возраст коньяка: тому оказалось целых 113 лет. Друзья были приглашены к распитию этой реликтовой бутылки в первое Рождество после падения большевиков. «Более достойного дня для такой выпивки он не может себе представить», — записала в свой дневник участница рождественского ужина О.Г. Полякова.

Душа его болела по библиотеке и архиву, представлявшим огромную культурную ценность. Четыре десятилетия литературной деятельности, обширные литературные и личные связи превратились к лету 1941 г. в одиннадцать больших шкафов с десятью тысячами томов и в два шкафа с драгоценными рукописными материалами, тысячами писем, десятками папок.

Несколько раз он обращался к «цивилизованным» немцам с просьбой вывезти все эти бесценные сокровища в Германию. Даже отказывался от своих прав на них, лишь бы книги и бумаги не погибли. Новые власти многократно обещали содействие и — ничего не делали: им было не до российских культурных ценностей. Последний раз Иванов-Разумник сумел выбраться в свой деревянный домик на краю Царского глубокой осенью 1941-го: библиотека и архив представляли страшное зрелище — бумажное месиво, истоптанное солдатскими сапогами, превратило драгоценный литературный материал в горькое воспоминание. Из погибающего дома

удалось захватить с собой лишь рукописи — мемуары «Юбилей», составившие позже книгу «Тюрьмы и ссылки», и итог многолетних философских размышлений — «Оправдание человека». Взял и «Яблоки» — картину Петрова-Водкина, подаренную ему когда-то художником во время послереволюционного наступления немцев на Петроград.

Оставляя при себе самое драгоценное, Иванов-Разумник искренне считал, что архив обречен на уничтожение. Но, по счастью, ему суждено было ошибаться. Что было бы с бумагами и книгами в случае их транспортировки в Германию — не хочется и представлять. Оставшийся в России, наполовину уничтоженный и все-таки спасенный в 1944 году Д.Е. Максимовым и другими сотрудниками Пушкинского Дома, архив Иванова-Разумника и по сей день работает на благо российской культуры. Парадоксально, но судьба по-прежнему хранила Иванова-Разумника, *выталкивая* его с женой из замерзающего и голодающего Пушкина, судьба же, по-своему, оберегала и архив, оставляя его в разрушенном и загаженном доме на окраине города — для будущей России.

В начале февраля была объявлена эвакуация всех «фольксдойчей» — лиц немецкого происхождения. Правдами и неправдами в «фольксдойчи» записалось подавляющее число жителей города — Ивановы, Петровы, Сидоровы: жизнь к тому времени стала совсем невыносимой. Варвара Николаевна Иванова, урожденная Оттенберг, дочь лесничего-немца, проживавшего некогда во Владимирской губернии, могла воспользоваться единственным шансом на спасение и воспользовалась им. Разумник Васильевич к тому времени стал совсем плох. Когда 6 февраля их грузили на машину, чтобы отправить в Гатчину, а затем и в Германию, Иванова-Разумника вели на машину под руки — у него был голодный понос. Ивановы надеялись выбраться к своему племяннику в Литву, но «одиссея» еще только начиналась: впереди их ожидал лагерь для перемещенных лиц.

Эмиграция всегда представлялась Иванову-Разумнику серьезной нравственной проблемой. «Бегства», как

потом некоторые назовут его поведение, — не было: не в характере *Скифа* — убежать от судьбы. Еще в августе 1917 года, во время корниловского наступления на Петроград, он писал А. Белому:

«Когда буду пешком уходить из Питера — возьму с собою в котомку, свернув в трубку, две вещи: «Яблоки» Петрова-Водкина (висят у меня в кабинете, радуюсь ими) и окончание «Котика Летаева», в рукописи. Не бойтесь за него, не потеряю — очень им дорожу».¹⁴

И в октябре 1919 года, во время наступления на Петроград генерала Юденича, он не покинул Царское Село, хотя отношение «белых» к «скифскому» максимализму было бесконечно далеким от приятия. То же самое случилось и позже, во время победной вакханалии большевиков. Вспоминая давние годы, А.З. Штейнберг писал:

«Несмотря на то, что в большевистской России происходили такие моральные неистовства, Разумник Васильевич смотрел на эмиграцию как на грех. В нем сидел какой-то странный национализм, заставлявший его смотреть на иностранцев как на людей второго сорта в нравственном отношении. Он считал, что если эмигрирует человек с полу-немецкой, грузинской или шведской фамилией, так это еще куда ни шло. Настоящий же русский человек НЕ ДОЛЖЕН эмигрировать! Его не должны пугать никакие трудности и противоречия. Он должен оставаться и пройти через все испытания в России».¹⁵

Путешествие длилось десять дней. Маршрут пролегал через Гатчину, где к пушкинцам присоединились жители других окрестных городов, затем Ригу и в конце концов завершился в Западной Пруссии, в маленьком городке Конице (в настоящее время — Хойнице, Польша). Территория, на которой им предстояло прожить целый год, находилась за пределами города. С левой стороны лагеря, почти вплотную к нему, примыкало городское кладбище, по правую сторону тянулись бескрайние поля. Открытое место, несколько деревьев и — тишина, совсем непривычная после гула боевых действий на Ленинградском фронте.¹⁶ В лагере было пятнадцать

барачков (Иванова-Разумника с женой поселили в барачке «Essen»), две столовые, канцелярия и лазарет. Все это было обнесено колючей проволокой. «Вместо советских концентрационных лагерей, — горько иронизировал Иванов-Разумник, — война занесла нас с женой за проволочные заграждения немецких «беобхтунгслагер» в городках Конице и прусском Штатгарте — на полтора года».¹⁷ Впрочем, до прямого сравнения советских и немецких лагерей судьба, слава Богу, его не довела, иначе ирония вряд ли оказалась бы здесь уместной. Условия существования после пушкинского голодания и вымерзания были вполне сносными: теплый туалет, умывальники с горячей и холодной водой, душевые и прачечная с сушильной комнатой. Кормили также сносно: трехразовое питание позволяло если и не откормиться, то по крайней мере отойти от непрекращавшегося чувства голода.

Первое время после появления в Конице Иванов-Разумник приходил в себя в лазарете. Сохранился его портрет, исполненный художником О.Клевером (датированный 2 марта). За столиком — изможденный человек, полностью поглощенный своим литературным трудом: лицо, обращенное к бумаге, характерная разумниковская тубетейка и круглые очки. Так для *Скифа* начиналась работа над циклом мемуарных статей; судьба готовила ему новый виток событий: из многолетнего безвестия ему сужено было сойтись пусть и в опосредованной (эпистолярной) форме со своими старыми знакомыми — эмигрантами первой волны; безмолвие сменялось словами, обращенными — уже не к будущему, но к современности.

Здесь, в самом начале марта, Иванов-Разумник впервые познакомился с литературными изданиями русской эмиграции: «Современными Записками», «Волей России», «Числами», где печатались его старые литературные знакомые. Надо было как-то сообщить о себе. Под руку попала и газета «Новое слово», выходившая в Берлине под редакцией В.М. Деспотули. Решение пришло незамедлительно: поскольку на последней странице газеты

был раздел объявлений, где беженцы и перемещенные лица сообщали о своем появлении в «Европе», Иванов-Разумник дал о себе знать и заодно запросил главного редактора, не заинтересует ли газета его воспоминаниями? Ответ пришел скорый: редакция приглашала Иванова-Разумника к сотрудничеству. На его объявление в газете откликнулись друзья и знакомые: А.М. Ремизов, Б.К. Зайцев, Н.Н. Берберова, Е.А. Ляцкий, Ф.А. Степун и другие.

Первая публикация воспоминаний появилась в «Новом слове» 17 мая 1942 года. Затем последовали другие, объединенные общим заголовком «Писательские судьбы». Завершающей оказалась статья, посвященная советской прозе и опубликованная 19 мая 1943 года. Ровно год длилось «сотрудничество» Иванова-Разумника в газете, спустя три года ставшее основным предметом для обвинений в его адрес. Главное, что определило этот поступок, — это стремление прорвать завесу многолетнего молчания. Тогда, в 1939-м, отпуская *Скифа на волю*, «учреждение, ведающее перемещением граждан по разным областям СССР»,¹⁸ поставило условием «освобождения» — «никогда, никому, даже самым близким людям, не рассказывать о том, что он видел и слышал в тюрьме или сам пережил в ней».¹⁹ Если тюрьмой оказывалась вся страна, то условием залога становилось молчание на всю оставшуюся жизнь. Теперь, когда «удав» со своей мертвой хваткой оказался вне непосредственной близости, можно было говорить, не таясь и не оборачиваясь: без оглядки. Это — «без оглядки» — и определило место публикаций.

В одном из своих писем в Прагу 28 апреля 1942 года (вероятно, старому товарищу по дореволюционным, левонародническим «Заветам» — С.П. Постникову) Иванов-Разумник делился следующими соображениями:

«...Вполне правилен и совет Ваш — скорее ознакомиться с условиями местной жизни, а потом уже начать действовать. Этого совета я не выполнил еще до получения Вашего письма, и очень боюсь, что совершил ложный шаг... Судите сами: прибыв

за проволочную ограду «баракенлагеря» города Конниц, и желая «связаться» с заграничной Россией, я случайно узнал адрес «Нового Слова» и написал туда письмо. Ответом было... «любезное предложение» писать в газете. Скука здесь дикая, писать есть о чем, так что я, лежа в лазарете, написал целых четыре статьи, целую серию под общим заглавием «Две жизни султана Махмуда», с подзаголовком «Листки из воспоминаний», и послал их в газету. Вы сами увидите, что это такое: полагаю, что стыдиться этих писаний мне не придется. Но вот вопрос: не придется ли стыдиться соседей? По крайней мере в одном из номеров этой газеты, только что мною полученной, я прочел статью... и серию статей..., от которых разит. Когда-то Белинский писал Герцену, что не любит «ни встречаться с друзьями в неприличных местах, ни назначать им там свиданий». «Не сделали ли мы ошибку, что не попросились в Берлин? — писал Иванов-Разумник тому же адресату 11 февраля 1943 года. — В Берлин попасть мы могли, но, к счастью не попали. К счастью, потому что могли попасть только через газету, для чего надо было стать в близкие к ней отношения, от чего упаси бог. Достаточно того, что я сунулся в нее прошлой весной, не зная, куда я суюсь... Уж лучше сидеть в тюрьме и в лагере».²⁰

Впрочем, такая категоричность по отношению к «Новому слову» (возможно, связанная с обращением к бывшему *партийному* товарищу) выдерживалась им не всегда. Видимо, других источников литературного бытования у него тогда не было,²¹ а цикл воспоминаний требовал завершения, и в апреле 1943 года, после почти четырехмесячного перерыва, Иванов-Разумник возобновил свои публикации в «Новом слове».

«Спасибо за добрый отзыв о моих газетных очерках, которые пишу через силу, чем и объясняется почти четырехмесячный перерыв в их появлении, — отмечал Иванов-Разумник 24 апреля в письме

Н.Н. Берберовой. — Но недавно пересилил себя и послал сразу 4 статейки, три из которых связаны между собой одной темой: «Советская Литература». Я — человек не газетный, своими газетными очерками совсем недоволен, вот почему, вероятно, и пишу их с такой неохотой».²²

Была ли здесь, как и в оккупированном Пушкине, проблема «работы на немцев»? Газета издавалась русскими и делалась для русской европейской диаспоры, а для изгнанника это к тому же была единственная возможность (кто знает, что предстояло вынести впереди и сколько было отпущено времени) поведать миру и о своих собственных мытарствах, и о писательских судьбах в советской России. Кляп советской цензуры был вынут изо рта, и уста — заговорили. Очерки Иванова-Разумника были исполнены в жанре «нравственных писем» — своеобразных «поучений», обращенных к старым друзьям и к будущим читателям. Здесь не было осанны «новому порядку»; не было и конъюнктурного «злорадства по поводу распростертой Родины» или же «платы» за освобождение из лагеря (как полагают авторы некоторых современных критических комментариев).

Как бы там ни было, а друзья — при всем своем разномыслии не симпатизировавшие ни фашизму, ни оккупантам. — не только не отвергли Иванова-Разумника в качестве автора, публиковавшегося в берлинском «Новом слове», но и всячески поддерживали его все трагические годы его «прусского изгнания», что свидетельствует отнюдь не в пользу домыслов о «связях» Иванова-Разумника с германским режимом. Хотя подобные разговоры и ходили в эмигрантской среде, это было в большей степени стремление выдать желаемое за действительное.²³

В середине июля 1943 года Ивановым удалось получить «вид на жительство» в Германии, и они покинули лагерь в Штатгарте (неподалеку от Коница), куда переселились в конце зимы 1943 года. По свидетельству О. Клевера, получившего такое разрешение несколько раньше, последняя встреча «перемещенных лиц» состоялась

29 июня: «...Перед самым поездом пришли Разумники. Umsiedler'ы все поправились и сожалеют, что скоро, вероятно, им придется разъехаться в разные стороны Германии, т.к. они уже получили Ausweis, одни на Osten другие в Altreich».²⁴

Итак, только летом 1943-го Иванов-Разумник с женой смог выбраться в Литву к своему племяннику по материнской линии — Георгию Янковскому (Янкаускасу), будущему хранителю его литературного архива военных лет и автору предисловия к посмертно изданным мемуарам «Тюрьмы и ссылки» (Нью-Йорк, 1953). Здесь, в имении Данилишки, Паневежского уезда Ковенской губернии, сорок с лишним лет назад проходили летние каникулы Разумника Иванова, здесь он провел свою первую ссылку в 1901 году. Фронт отстоял столь далеко от этой деревенской глуши, что можно было спокойно приступать к долгожданной работе, не связывая себя больше обязательствами с малопристойной газетой и еще менее пристойным режимом. За восемь месяцев, проведенных Ивановым-Разумником на литовском «курорте» (сам он называл это «деревенским Urlaub'ом»), им были написаны, дописаны и обработаны четыре книги: «Писательские судьбы», «Холодные наблюдения и горестные заметы», «Юбилей» (будущие «Тюрьмы и ссылки») и «Оправдание человека». Но уже через восемь месяцев приближающийся пожар войны снова погнал Ивановых на запад.

Во второй половине марта 1944 года они вновь оказались в Конице, теперь уже не за колючей проволокой, а в доме судебного советника Олафа Велдинга (Amstgerichtsrat Olaf Welding).

«Долго ли мы пробудем в этом городе — неизвестно, — писал Иванов-Разумник Н.Н. Берберовой 20 февраля, перед самым отъездом из Данилишек в Кониц; — вероятно нам суждены еще многие скитания; к корме какого большого корабля удастся нам привязать свой челнок — неизвестно, но вероятно лишь с концом войны придет конец и нашим скитаниям. Очень завидуем всем

вам, оседло живущим, и пожалуй предпочли бы жить под бомбами, но в своем углу, чем жить без бомб, не имея своего пристанища».²⁵

Не было не только своего угла, но и средств к существованию. Только этим можно объяснить такой крайний для Иванова-Разумника шаг, как предложение, обращенное к Н.Н. Берберовой, найти в Париже покупателя для Петрово-Водкинских «Яблок»:

«Нет ли у Вас возможности навести об этом справки, как в музее, так быть может и у частных коллекционеров? Приятнее было бы все же, чтобы картина такого большого художника нашла бы себе пристанище именно в Париже, где К.С. Петров-Водкин учился и жил многие годы».²⁶

Еще в 1943 году один из пражских коллекционеров предлагал хозяину 1000 ДМ, но, видимо, ситуация тогда не была еще столь безнадежной. Удалось ли совершить эту сделку, не известно, по крайней мере этот натюрморт не значится сегодня ни в одном из музейных каталогов мира.

Иванову-Разумнику, конечно же, самому хотелось попасть в Париж — центр русской эмиграции, но судьба упорно вела его по разрушающейся Германии. В Конице он нашел на какое-то время убежище: уютную комнату, большую библиотеку, рояль и даже — возможность работы в тишине. В начале ноября 1944 года удалось заключить договор с германским издательством R. Neffos'a об издании «Тюрем и ссылок». Но и эта «идиллия» не была долгой. Вскоре в типографии погибли его рукописи: «Писательские судьбы» (опубликованный посмертно сборник статей из «Нового слова» под таким же названием оказался только частью погибшей книги), «Холодные наблюдения и горестные заметы» (по словам Г. Янковского, «о большевистских и немецких зверствах») и «Письма без адресатов» (одно из этих «Писем» было посвящено ответу З.Н. Гиппиус в связи с ее нападками на «скифов»).²⁷

Все это не могло не привести Иванова-Разумника к размышлениям над смыслом происходящей войны и

смыслом своего пути внутри дрящущегося четвертый год противоестественного потока. В письме Ф. Степуну от 10 ноября 1944 года есть такие строки:

«Война эта, «вторая семилетняя», движется так, что напоминает теорию Льва Толстого в «Войне и мире» о фатальном движении народов Европы сперва с Запада на Восток, а потом обратно с Востока на Запад. Но нынешняя вторая семилетняя война — более широкого размаха: тут обратное движение идет и с Востока, и с Запада, и с Юга, и даже с Севера. А мы оказались спрессованными в центре всех этих приложений сил — положение довольно жуткое и заставляющее вспомнить псалом царя Давида: «Камо бегу от лица Твоего?»».²⁸

Изгнанники становились жертвами: беженцам, «перемещенным лицам», военнопленным — всем суждено было оказаться раздавленными безжалостным молохом войны. «Удав», на какое-то время переключивший внимание от «внутренних врагов» на своего более сильного противника, теперь торжествовал на поле брани: после победы над фашизмом коммунизм мог приниматься и за преследование противостоящих ему одиночных персон. В этих страшных условиях *Скиф* отвечал на вопрос о цели индивидуального существования так:

«...Если даже единицы и уцелеют, то когда еще удастся наладить русскую культурную жизнь за границей в том размере, в каком она была до войны, — многие издательства, газеты, «Современные Записки» и т.д. Боюсь, что вся эта линия культуры невосстановима. А между тем нельзя пассивно складывать руки, и уцелевшим придется снова начать свою кропотливую работу — в безмерно более трудных условиях, чем это было после Первой мировой войны и революции, если действительно свершится та «большевизация Европы», о которой теперь пишут все газеты. Придется ждать решения от Третьей мировой войны, которая, надо полагать, неизбежна во второй половине XX века».²⁹

В связи с движением войны с Востока на Запад, пришлось покинуть и Кониц. В начале 1945 года, находясь, по собственному выражению, «в состоянии *Fluchtling*'а», Иванов-Разумник «бросил якорь на берегу Кильского канала» в городе Рендсбурге. Спустя четыре месяца здесь была уже английская оккупационная зона. 18 марта 1946 года, после продолжительной болезни, скончалась Варвара Николаевна Иванова, «вместе с которой, — как написал сам Иванов-Разумник в посвящении к «Тюрьмам и ссылкам», — мы сорок лет переживали содержание этой книги» и за которой, по словам Г. Янковского, Разумник Васильевич «самоотверженно ухаживал, поддерживая ее физические и моральные силы». Спустя месяц он, уже с сильно пошатнувшимся здоровьем, перебрался к племяннику в Мюнхен. Путь *Скифа* приближался к своему завершению.

Еще в 1924 году Иванов-Разумник признавался А. Белому:

«Здесь трудно, за границей я, вероятно, и совсем не выдержал бы, знаю, что тут трудно, там торречеллево-пусто, дышать нечем; но право же — оба хуже. Чтобы отдохнуть — теперь надо ехать не в Берлин или Париж (хорош отдых! в гости к обеззубевшей от старости Зинаиде Гиппиус или к измлада больному собачьей старостью Эренбургу!), а куда-нибудь на Фиджи или в Новую Зеландию. Но ведь и там, и везде — мы можем только проживать, а не жить. Жить можно только у себя дома, — а вот поди, поживи-ка!»³⁰

Подлинная ирония истории состояла в том, что умирать *Скифу* пришлось не у себя дома. Гимназическое сочинение 1895 года шестнадцатилетнего Разумника Иванова на заданную тему — «Никто не может быть счастлив вне своего отечества (Любовь к Родине)» — заканчивалось такими словами:

«Из всего вышеприведенного можно заключить, что может ли кто-нибудь быть счастлив вне своего отечества — вопрос спорный, и не нам, конечно, решать этот вопрос».³¹

Судьба распорядилась иначе: оказалось, что решать этот последний — в прямом и переносном смысле — вопрос пришлось ему — Разумнику Васильевичу Иванову. Вероятно, итоговые строки были написаны им в письме к Ф. Степуну от 3 июня 1946 года:

«Если будете писать мне — пишите на имя моего племянника, не упоминая моего имени. Мы здесь все еще живем под дамокловым мечом «репатриации», но очень надеемся на защиту и UNRRA и UNO. А впрочем — надо быть готовым ко всяческому дальнейшему неожиданностям, и не только в нашей личной судьбе, но и в судьбах мировых. Впереди еще много всего будет».³²

О том, что именно будет впереди, ему уже не суждено было узнать: 4 июня 1946 года он был сражен инсультом (по версии П.А. Берлина, «от радости, увидя в руках пришедшего к нему члена ОРТа американскую визу»). — Из письма Н. Берберовой Б. Николаевскому от 17 сентября 1946 года,³³ а через пять дней скончался, так и не приходя в сознание. Его похоронили на мюнхенском кладбище *Waldfriedhof*.³⁴ Два года спустя Янковские перебрались в Соединенные Штаты. Могильная плита, за которую следовало платить, оставалась неухоженной. Прошел положенный срок, и последнее пристанище Р.В. Иванова раскопали, его останки перезахоронили в общей могиле, а надгробие уничтожили. Более «скифский» конец для Иванова-Разумника цивилизованная Германия вряд ли могла придумать...

Когда в начале 1960-х гг. «Тюрьмы и ссылки» добрались до России, их прочитали лишь немногие, (но среди этих немногих был А.И. Солженицын — позднее высоко отозвавшийся о мемуарах Иванова-Разумника в «Архипелаге ГУЛАГ»). Сохранился и отклик К.И. Чуковского (запись в дневнике от 16 июня 1962 г.), словами которого я хочу завершить это повествование:

«Откуда-то появилась у меня на столе ужасная книга: Иванов-Разумник «Тюрьмы и ссылки» — страшный обвинительный акт против Сталина, Ежова и их подручных: поход против интелли-

генции. Вся эта мразь хотела искоренить интеллигенцию, ненавидела всех *самостоятельно думающих*, не понимая, что интеллигенция сильнее их всех, ибо если из миллионов ими замученных из их лап ускользнет один, этот один проклянет их навеки веков, и его приговор будет признан всем человечеством».³⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср.: «Помню, с какой особенной ясностью я ощутил эту сущность (речь идет о «духовном мещанстве» — В.Б.) немного лет тому назад в Берлине, — от одного лишь соприкосновения с внешней стороной «культуры», с ее подземными и надземными дорогами, Sitzplatz'ами, квадратами огороженной земли, жратвенными храмами и клозетами из черного мрамора. И с тех пор для меня «Берлин» — это особый символ, название самого сильного яда мещанства в крови человечества (и звучит с тех пор он для меня точно какой-то «стрихнин»...»). — Иванов-Разумник. Мир сошел с ума! [1915-1916] // ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 74.

² Ср.: «Я сижу в[?], — Музей до сих пор не прислал мне просежденного удостоверения, и не знаю, прилетит ли. (...) Увидимся ли — кто знает? Во всяком случае мы не собираемся двигаться куда бы то ни было». — Из письма Иванова-Разумника Л.Л. Слонимской от 14 июля 1941 года. — См.: Белоус В.Г. Духовное завещание Скифа // Звезда. 1996, № 3. Об отношении Иванова-Разумника с Гослитмузеем в конце 30-х — начале 40-х гг. см.: Лавров А.В. О Блоке и Пушкине (Царском Селе). Письмо Иванова-Разумника к В.Д. Бонч-Бруевичу // Новое литературное обозрение. 1993, № 4, с. 143-150.

³ Здесь и далее цитируются материалы из «следственного дела Разумника-Иванова Разумника Васильевича». № П-53416 в 2-х т. (Архив ФСБ СПб).

⁴ Римские-Корсаковы: Андрей Николаевич Римский-Корсаков (1878-1940) — музыковед и библиограф, сын композитора Н.А. Римского-Корсакова; с Ивановым-Разумником его связывала многолетняя дружба; Юлия Лазаревна Вейсберг (1879-1942) — композитор, музыковед, жена А.И. Римского-Корсакова.

⁵ Ср.: «1 сент<ября> (...) Раз<умник> Вас<ильевич>. Стрельба. Сидели за дурачками до 1 ч<асу> ночи. 2-го ночью разбуд<или> пов<есткой> Р<азумника> В<асильевича>». — РИБ. Ф. 639. Оп. 1. № 241.

⁶ Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки. («По тюрьмам на родине») / Публ. В.Г. Белоуса // Мера. 1995, № 1, с. 286.

⁷ Там же, с. 287.

⁸ Единственно возможный источник реконструкции этих дней Иванова-Разумника — «документальная проза» Л. Осиповой «Дневник коллаборантки». Царское Село. (Город Пушкин) // Грани. 1954, № 21, с. 92-131. Лидия Тимофеевна Осипова — псевдоним Олимпиады Георгиевны Поляковой. (Сообщено А. Артемовой).

⁹ См.: Белоус В.Г. Духовное завещание Скифа // Звезда. 1996, № 3.

¹⁰ Пришвин М.М. Мы с тобой. По дневнику 1940 года (Сост. и сопр. текст В.Д. Пришвиной // Дружба народов. 1990, № 6, с. 247.

¹¹ См.: Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки // Мера. 1994, № 2, с. 177.

¹² РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1, № 321.

¹³ РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. № 409.

¹⁴ РГБ. Ф. 25. Карт. 16. Ед. хр. ба.

¹⁵ Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. (1911-1928). Париж, 1991, с. 110.

¹⁶ Маршрут и условия пребывания «перемещенных лиц» в Конице реконструируются здесь на основе неопубликованных воспоминаний С.А. Беляевой «Возвращаясь к прошлому», любезно предоставленных автором. Летом 1995 года мне довелось побывать в Хойницах — красивейшем туристическом городке на северо-западе Польши, благодаря помощи Кассы им. Миановского и содействию польских друзей. На месте бывшего лагеря оказался пустырь, и только бетонные плиты да по-прежнему чахлая деревца безмолвно свидетельствовали о прошлом.

¹⁷ См.: Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки // Мера. 1994, № 1, с. 149.

¹⁸ Ироническое название НКВД из письма Иванова-Разумника А.Г. Горнфельду от 9 января 1934 года. — РГАЛИ. Ф. 155. Оп. 1. № 321.

¹⁹ См.: Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки // Мера. 1995, № 1, с. 280.

²⁰ От редакции // Социалистический вестник. 1949, № 8, с. 159. Отточия в тексте принадлежат публикаторам.

²¹ В дневнике соседа Иванова-Разумника по «barackenlager'ю» — художника О. Клевера — есть запись от 29 ноября 1942 года: «Был

Разумник. Предлагает написать статью о советской живописи для какого-то журнала в Прагу. — Сам он будет писать о советской литературе». — ЦГАЛИ СПб. Ф. 154. Оп. 1, Д. 67. Начинание не осуществилось.

²² Cheron G. The Wartime Years of Ivanov-Razumnik: Correspondence with N. Berberova // Literature, Culture and Society in the Modern Age: In honor of Joseph Frank. Part II. Stanford Slavic Studies. Vol. 4:2. Stanford, 1992, p. 401.

²³ См. напр.: Два документа о жизни Р.В. Иванова-Разумника (к выходу в свет полного текста его книги «Тюрьмы и ссылки») / Публ. А.К. Клементьева // Вестник РХД. 1995, № 171, с. 187–188. Версия о «сотрудничестве» Иванова-Разумника с власовским движением не подтверждается таким авторитетным исследователем, как Е. Андреева (Англия).

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 154. Оп. 1. Д. 67.

²⁵ Cheron G. The Wartime Years of Ivanov-Razumnik: Correspondence with N. Berberova, p. 403.

²⁶ Idem.

²⁷ Ср.: «Вы пишете, что Зин. Ник. Гиппиус «вспоминала» меня. Воображаю, как вспоминала! Я прочел здесь ее два тома «Живые лица» (очень мне понравилась) и в статье о Блоке нашел себя, как «темную личность», «переметчика» и еще что-то в этом роде. Здесь я написал ответную статью — не о себе, а о Блоке; занятно было бы, если бы Зин. Ник. могла ее прочитать! Да вряд ли придется. А о ней там много». — Lowe D. Unpublished letters from Pilniak and Ivanov-Razumnik to Remizov // Russian Literature Triquarterly. 1971, № 8, p. 499.

²⁸ Шерон Ж. Неопубликованные письма Р.В. Иванова-Разумника // Новый Журнал. 1989, № 174, с. 313.

²⁹ Idem.

³⁰ РГБ. Ф. 25. Карт. 16. Ед. хр. 6.

³¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 13.

³² Шерон Ж. Неопубликованные письма Р.В. Иванова-Разумника. с. 315.

³³ Цит. по: Cheron G. The Wartime Years of Ivanov-Razumnik: Correspondence with N. Berberova. p. 396.

³⁴ Сообщено Ж. Шероном. См. также: Dobringer E. Der Literaturkritiker R.V. Ivanov-Razumnik und Seine Konzeption des Sskythentums. München, 1991, s. 21.

³⁵ Чуковский К. Дневник. 1930–1969. М., 1994, с. 318.

ПИСЬМА Т.И. МАНУХИНОЙ К ВЕРЕ НИКОЛАЕВНЕ БУНИНОЙ *

(Публикация Т. Пахмусе)

Вторник
[Без даты]

Милая Верочка!

Написала Вам письмецо, заклеила его и оставила на столе до вечера (под рукой не оказалось марки), хотела отослать его после обеда. Вернувшись домой, узнала, что Вы заходили и т.д.

Спасибо сердечное за книгу и милую, весьма меня тронувшую надпись...

Из моего письмеца Вы увидите, что все эти дни, зная, что Вы больны, не раз думала, как бы мне узнать, что с Вами. Если Вы зашли, значит, — Вам лучше, и слава Богу...

Благодарю за билет. Мы им не воспользуемся, — и вот почему. Молодежь «Фотиевского братства»,¹ принимая свою (до некоторой степени!) «натасканность» в вопросах богословия — за мистико-религиозные «высоты», хочет справиться с отцом Булгаковым и обличить его в ереси. Но «истина» учения о Софии будет либо утверждена, или отвергнута соборным религиозным опытом Церкви. Полемикой ее ни утвердить, ни свергнуть нельзя. Фотиевские мальчики, — народ молодой, самонадеянный, — полагают по молодости, что, начитавшись отцов Церкви, можно обо всем судить, подпираясь их авторитетом. Но тут совсем иной план, а потому другие пути познания истины.

* Окончание. Начало см.: «Вестник РХД», № 173, 174 за 1996 год.

Целую Вас, милая, и еще раз благодарю за Ваше ласковое отношение ко мне. Чем старше я становлюсь, тем чувствительнее ко всем проявлениям доброты.

Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Братство св. Фотия образовалось из молодежи, отпочковавшейся от РСХД. В него входили Евграф Ковалевский (ставший потом основателем французской независимой православной церкви, ныне вырождающейся в секту), его брат, Максим Ковалевский, автор церковной музыки, А. Ставровский (перешедший затем в католичество), В.Н. Лосский, иконописцы Л. Успенский и Г. Круг. В.Н. Лосский написал разнос богословию о Сергия Булгакова митр. Сергию в Москву, на основании которого митр. Сергий, не читав сам книг о Сергия, осудил его учение.

[август-сентябрь 1936]
Hôtel du Dôme Ronda (Valais)

Милая Верочка! Пишу Вам из швейцарской деревушки. Живем в лугах (на высоте 1400 м). Кроме нашего hôtel'я, несколько крестьянских chalets, церковь, кооперативная лавка, булочная и ничего больше. Тишина. Козы, коровы. Куча деревенских ребятишек. В hôtel'e нас сейчас только 7 человек, все после 15 августа разъехались. Как жаль, что Вы не едете в горы! Какую они приносят пользу! Мы совсем другие через 7-10 дней пребывания на высоте: бодры, словно освеженные. Ronda в 20 минутах езды от Zermath'a. Иногда мы туда ездим — к Волковым (из *Последних Новостей*).¹ Но Zermath не то: много hôtel'ей, толпы туристов, магазины, confiserie с оркестром... И мы, деревенские, с удовольствием возвращаемся домой в наше зеленое захолустье... Погода стоит ясная, ровная, очень приятная. Пробудем здесь до 26-го, потом — Локарно. Дальше будет видно, где доживать сентябрь. Локарно я люблю, мы там жили лет 5 тому назад.

В прошлом письме Вы мне рассказали о трагической смерти Вашего доброго знакомого. Могу себе предста-

вить, как тяжело Вам было пережить эту смерть. Самоубийство оставляет всегда в окружающих людях чувство какой-то неопределенной вины перед погибшим. Невольно возникает мысль: может быть, можно было предотвратить. Не доглядели, не угадали его состояния, не сумели преодолеть условностей и т.д. И ничего иногда и нельзя было предпринять, а все-таки... душа беспокоится, точно все виноваты, если такая катастрофа случается. Разумом понимаешь, что за индивидуальную свободу не ответствен, а сердце что-то свое в таких случаях лепечет... Это по опыту я знаю.

Как здоровье Вашего брата? Вы о нем мне ничего не написали. И о Вашем физическом состоянии тоже я ничего из письма не вычитала. Напишите мне, милая, если найдете досуг. Адрес несложный: Locarno. Poste restante. Suisse. Мы еще не знаем, где там устроимся.

Из Парижа вести все грустные. Тяжко болен А.И. Коновалов, очень боятся за его жизнь.²

Мережковские проводят лето в Париже, и это тоже меня тревожит. Зина этой зимой не выходила из гриппа и ангин.

Вообще, когда думаешь о Париже, как-то неловко за то «благоденствие», в котором Бог приводит жить. Здесь нам очень хорошо. Как жаль, что Вы никогда не ездите в Швейцарию. Увиделись бы, пожили вместе.

Целую Вас, дорогая.

Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.К. Волков (1875-194?), агроном, депутат 3 и 4-й Думы от Сибири; товарищ министра земледелия при Временном Правительстве. В эмиграции, с 1923 г., руководил хозяйственной частью «Последних Новостей».

² Коновалов Александр Иванович (1875-1948). Крупный предприниматель, депутат 4-й Думы от Костромской губернии. С марта по 19 мая 1917 был министром торговли и промышленности. В октябре 1917 г. заключен в Петропавловскую крепость. В эмиграции — председатель Земгора и председатель правления «Последних Новостей».

Милая Верочка! Сердечно поздравляю Вас со Светлым Праздником и шлю привет душевный.

Очень я сожалела, что не удалось мне встретить Праздник, как хотела, — как встречали в прошлом году... И на rue Daug ni вчера, ни сегодня Вас не видела. Наверно, Вы были в какой-нибудь маленькой церкви?

Обнимаю Вас. Жду в субботу!

Татьяна

Рождественский привет Вашим.

14. IX. 38

Милая Верочка!

Писала Вам из Лихтенштейна, но ответа не получила. По приезде узнала, что несколько писем наших не дошло. Вероятно, причина — красивые лихтенштейнские почтовые марки, их редкость во Франции и филателистические увлечения почтальонов. Мне было грустно, что от Вас никаких вестей! Кто-то мне сказал, что Вы в Грассе. Это все, что до меня дошло. Адреса не знаю. Пишу вновь на Offenbach.

О себе ничего не рассказываю: в двух словах невозможно. Вчера были в Ватиканском павильоне: это все, что осталось от выставки. В павильоне выставка, посвященная культу Богородицы. В Париже все спокойно, хотя в газетах столько пишут о войне. В войну не верится...

Привет душевный.

Татьяна

Милая Верочка!

«Ближайший вечер» оказался отдаленным «après-midi»... Причина — суэта праздничного времени: оно растянулось на целый месяц. Все вечера не то что я была занята какими-нибудь выездами или встречами, а просто сумятица была, святочная, и письма не писались, если бы и приняты за них.

Вот и «одна из суббот...» Они после Вас остались незанятые никем. И в галлиполийскую церковь без Вас не хожу.

Рада, что Вы вдали от парижской шумной жизни. Как хорошо, как отрадно, когда можно уйти в себя... В сущности, это «уйти в себя» необходимое условие духовной жизни, всякой: созерцательной или активной. В этом убеждаюсь, наблюдая мать Любовь.

Судьба меня свела с матерью Любовью вскоре после Вашего отъезда. Она уже 6 лет в великом постриге, а ей сейчас 26 лет. Монашество в миру, но строгое, уставное. Она не может покинуть мать и бабушку. Зарботок ее — уроки физики и математики. Монашеские одеяния не носит (только носит в церкви). «Подвизаться» начала 15 лет, еще будучи в лицее. На Ивана Ивановича и на меня производит глубокое впечатление — изумляет ее радостная, сияющая духовность в сочетании с суровым, «валаамского» духа, подвижничеством и религиозной культурой, которая оберегает ее от фанатизма и дисгармонии безуставности. Много мы беседовали с нею об этом «уходе в себя» (потому и пишу о ней) на людях и при всякой активности. Опыт у матери Любви уже большой и делится она «своим духовным именем» щедро и радостно. Только теперь со всею ясностью вижу, что значит идти к Богу с тою чистотою и свежестью души, когда человек начал свою сознательную жизнь уже обладателем жемчужины, о которой говорится в Евангелии. Какой пламень веры! Какая сила Любви! И добродетели почти

невольные, как инстинкт, когда они еще не успели потускнеть от множества прегрешений. Если бы Вы были в Париже, быть может, Вас бы тоже привлекла судьба к матери Любви.¹ Я вижу, что встреча с нею «предназначенная» (как все духовные встречи). Дни бегут стремительно. За последнее время усидчиво работать не удавалось. И жалею, и досажую, потому что плодов зимнего полугодия не вижу.

Много кругом всяких бед, скорбей и болезней. О Б. Григорьеве² узнаю стороною (через Л.Н. Замятину). Он у себя в Cagnes-sur-mer. Безнадежно. Последние вести: уже дают морфий...

Но есть и бодро-радостные вести.

В эту среду, 25.I. вернисаж выставки О.М. Бернацкой³ в Гааге. (Я знаю, Вы к ее успехам относитесь с благожелательностью).

Процвел и маленький изограф Соня⁴ (я показывала Вам ее иконы). Много заказов, много похвал. «Икона» поручила ей роспись Царских врат для новой церкви в Sainte-Geneviève-des-Bois (на кладбище). Словом, путь открылся далекий и увлекательный, теперь только трудиться, не покладая рук. Кончаю письмо. Сейчас около 7 часов, когда мы расставались (и я иногда Вас провожала). Целую Вас, милая Верочка, и очень хочу, чтобы на сердце у Вас было тихо, светло и радостно.

Ваша Татьяна

Не забывайте. Всегда рада весточке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Насколько известно, мать Любовь впоследствии вернулась в мир.

² Григорьев Борис Дмитриевич (1886-1939). Живописец, в эмиграции с 1919, получил признание как портретист.

³ Бернацкая Ольга Михайловна (1899-1971), художница.

⁴ Соня — София Раевская, жена поэта Георгия Раевского.

Милая Верочка,

Прошу не сетовать на меня за долгое молчание. Мне так хотелось все это время написать Вам, поблагодарить за поздравление, за добрые строки от 24.I. Но я совсем запуталась, осуетилась, но сегодня, получив Ваше письмо, решила написать Вам, несмотря на занятый вечер. Пишу в постели в 1¹/₂ ч. ночи. Тишина гробовая. Писать хорошо.

Ваше состояние души в Ницце — эту боль красоты природы — я поняла, вернее, почувствовала. Так обычно нас окликает Господь, когда призывает к большей близости. Опять касаюсь «ухода в себя», то есть, прилепления всем сердцем к Богу. Если Господь дал (или даст) это чудо веры — чувственное познание Его присутствия (которое постепенно может стать постоянным), тогда все наши дела теряют характер доброго долга и расцветают неизъяснимым утешением. Есть чудная молитва старца Антония Оптинского: «... чтобы все начало в Тебе имело, и всякое дело в Тебе кончилось...» — молитва о благодати творческой любви. Мне кажется, если вера захватила всю душу человека, она требует очень живой молитвенной жизни. Я наблюдаю моих «подвижниц», — потребность Богообщения так настоятельна, что они не могут не жить «по-монашески», то есть вновь и вновь среди труда, занятий, даже светских встреч и собраний возвращаться непрестанно к Радости всей их жизни. И потому, вероятно, в них я всегда чувствую какое-то особое, тихое, светлое ликование... Мне кажется, Верочка (давно уже кажется!), что Вам уготован этот же путь, только надо еще перейти какой-то мостик. И тогда тоски не будет никогда, потому что мгновения одиночества преобразуются в мгновения радости присутствия Божия и молитвенного общения. И все вообще будет как-то совсем по-новому (изнутри). Все остается прежнее, а между тем, как бы и непрехнее. Остаются и дорогие сердцу

привязанности. Но какое преображение! Какая свобода... Жаль, что Вы далеко. Многое имею добавить, но нельзя.

Воспоминания свои Екатерина Михайловна мне читала (некоторые главы). Помню, они мне очень понравились живостью и той взволнованностью, которая была, кажется, своеобразной чертой ее души. (Не нервная раздраженная возбужденность, а именно: взволнованность.) Уверена, что в свое время книга будет напечатана, и хорошо, что она к печати подготовлена.¹

О себе расскажу в другой раз, впрочем, интересного ничего не последует.

Обнимаю Вас. Иван Иванович шлет душевный привет. Маленькой Олечке — пожелания здоровья от нас обоих, а матери ее (имя-отчества не знаю)² поклон.

Ваша Татьяна

Madame V. Bounine
25, av. de Villaine
Beausoleil
(Alpes Maritimes)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Насколько известно, книга Е.М. Лопатиной так и не была напечатана.

² Ольга, Олечка (1933-1964) Жирова, тогда прелестная девочка, стала вроде приемной дочери для В.И. Мать ее, Елена Николаевна Жирова (рожд. Лишина), была одним из последних увлечений И.А. Бунина.

Суббота 22.IV.39
Париж

Дорогая Вера Николаевна, Христос Воскресе!

Простите, что мой пасхальный привет так запоздал. Причина этому мое нездоровье: я очень усердно посещала службы на страстной и кончилось переутомлением: расширение сердца и ноющая боль в спине и руке —

обычная беда у меня, когда я полагаюсь на свои физические силы. Всю святую чувствовала себя плохо — и на письмо (такое, как люблю Вам писать) не хватало энергии, открытку же посылать не хотела — хотелось написать Вам письмо. Теперь я отлежалась, отдохнула, и опять ничего. Пожалуйста, передайте поздравление со светлым Праздником Ивану Алексеевичу. Иван Иванович просит и от него Вам обоим послать «Христос Воскресе»...

В страстную пятницу, на выносе плащаницы, вспоминала Вас: в прошлом году мы в церкви были вместе, была давка, и мы с трудом достигли цели — «приложились». В этом году сестры полицейских обязанностей не несли и было пристойней.

Что Вам рассказать о Париже? Прежде всего — холодно, очень холодно: топим камин и опять в зимнем. Затем — Гитлер: о нем — за всяким эмигрантским «чаем». Наивные надежды, что он вернет нас в «Россию». Чем правее политическое настроение, тем надежды крепче.

Вы пишете про *Новый Граг*. Как и Вам, мне тоже чуждо его строительство... на словах. И не очень-то я верю в смешение двух порядков (или планов): религиозного и политического. Коммунисты и фашисты (и расисты) хоть видят вещи, как они есть: сломать старые формы жизни и заменить новыми можно только насильем государственной власти. При чем тут христианский идеал свободы? И святое безумие Царства Божия? Но как доказать, как уверить, что наисправедливейшее социальное устройство ничего, ровно ничего не изменит? Да, милая Вера Николаевна, «чем мы живем» — далеко *Новому Грагу*. Может быть, оно и не жизненно, обречено на пребывание в уголке. Не знаю, как Вы, — я уголка не боюсь. И если бы и открылся «выход в мир», то куда-то в другую сторону.

Как Ваше чтение? Как самочувствие душевное?

Не надо ли новых книг? У меня есть интересные, только что их приобрела. *Journal d'une mère de famille* и *L'amitié de Jésus-Christ* (Benson'a, перевод с английского). Обе приятные, написанные свежо, правдиво.

Сама же я ушла в пророков. Читаю толстую книгу Robertson'a Smith'a The Prophets of Israel. Это даже не чтение, а труд, потому что приходится работать с Библией, с географической картой. Иначе не понять. Пришлось составить приблизительную хронологию царей израильских и иудейских. Интересна эта книга необычайно. Я пророков плохо знала и совсем не могла разобраться в их роли: значение каждого из них было мне неясно. Сейчас я уже осилила Амоса и Осию. Главное, поняла, что им дано было изъяснять религиозные пути своего народа для каждой эпохи. И сколько конфликтов религии и политики в их служении! И как слиты их слова с их жизнью! Если бы они Вас тоже интересовали, я с удовольствием по окончании Smith'a прислала бы Вам все: и книгу, и карту, и царей.

Вчера виделись с матерью Марией. Долго с ней беседовали. Она задумала устроить летом «стагит» для священства, которое съедется на епархиальный съезд в июне. Мысль хорошая и нужная. Наши священники так всюду одиноки, так не организованы! У католиков «Огатиоге» (конгрегация проповедников) уже давнее объединение. Мать Мария полна новых творческих планов, и это в ней очень ценно. Жаль, что материальная жизнь связывает ее по рукам и, вероятно, доставляет ей много волнений и не меньше огорчений. Многие жилицы не платят или платят туго, а счета не ждут... И все же вера ее не покидает, да и не может этого быть, чтобы ее начинание, в которое вложено столько любви и жертвенности, не устояло. Бурь будет много, и ей же на пользу, но кораблик ее не потонет, хоть он и мал и неустойчив.

Что делается у Клозонских сестер? Давно от них нет вестей. Странно. Переход их к Елевферню¹ отношений к ним не испортил (внутренно), но они точно за кисеи какой-то. Очевидно, каноническое подчинение не только канцелярская подробность, а разные церковно-земные пути.

Сегодня рассказала Зинаиде Николаевне о смерти Вашего отца. Узнав от Вас о Вашем горе, я ей сначала о

нем не сказала, а потом позабыла, что не сказала. Умолчала же я поначалу сознательно: я не знала, может быть, Вы относитесь к тому роду людей, которым тяжело, когда многие знают о Вашем горе, потому что от выражений сочувствия делается еще грустнее. (Потом это проходит.) Поэтому не удивитесь, если Зинаида Николаевна только сейчас отзовется. Это моя, может быть, преувеличенно-строгая охрана Вас. Мне казалось, так лучше, легче Вам...

Уже первый час ночи. Надо пить чай и ложиться спать — и то раньше 2 часов не засыпаю никогда, а сегодня еще надо кое-что почитать.

Целую Вас, милая Вера Николаевна. Жду весточки. Иван Иванович кланяется всем.

Ваша Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Митрополит Елевферий Богоявленский (1870-1940) возглавлял все заграничные приходы, оставшиеся, после запрещения митр. Евлогия в 1931 г., верными Москве.

[Без даты.
Весна 1939 года?]

[Нет начала]

.....
так верили в нового Папу.

Трудное, ужасное время переживают все народы, но велик и христианский идеализм наших дней. В меру досуга и возможностей стараюсь следить, что делается в католической Франции, и убеждаюсь (все более), что религиозное движение развивается и приобретает черты нашего «народничества». Недавно в Париже был съезд так называемого ЖАК'a («Jeunesse Agricole Chrétienne»), попросту говоря, «мужицкий съезд» (сельскохозяй-

ственных рабочих): тысячи молодых людей вместе со своими сельскими кюре... Грандиозный съезд. Большой религиозный подъем. Отчеты печатались в католической прессе. Все это ново и необычайно интересно.

В войну не верится, и Париж спокойный, сдержанный, приятный. И так прекрасен! Цветут каштаны. Дни ясные, но холодно; топим камин и ходим в зимнем.

Жаль, что Вы не приехали, как намеревались. Побеседовали бы с Вами. Письма не то... Слова в отдалении звучат иначе, чем вблизи, а написанные не всегда передают оттенки мыслей (верней, чувств, с мыслью связанных).

Если Вам хотелось бы каких-нибудь книг — с радостью пришлю. Читали ли Вы *Смысл жизни* кн. Е. Трубецкого? Есть у меня и новая биография Ste Marguerite de Cortone (XIII в.): святая в католичестве «большая», к сожалению, автор (авторша) пустился в беллетристику и «романсировал» биографию. Очень это досадительно. Хочется толковой научно обработанной биографии (как, например, написана Ste Thérèse Ecrivain аббата Намет'а), а не вымысла под видом биографии: тем более, что и не разобрать, где кончается одно и начинается другое — все перепутано. Но самый образ святой Маргариты привлекателен, так она пламенна, так неутомима в своих аскетических и религиозных подвигах.

Пора кончать. Целую Вас. Спасибо за милую пасхальную открытку и за приветы.

Татьяна

6/19.VII.39

Дорогая Верочка! Мое письмо — прощальный привет перед Швейцарией. Поедем в необъяснимой уверенности, что войны, Бог даст, не будет, хотя тревог будет еще много, а материально жизнь будет все трудней и трудней. Логические доводы убедительны, факты довольно грозные, а душа верит чему-то «своему» и не уstraшается.

Послала Вам книги. Буду рада, если придутся по душе. Вашему милому письму обрадовалась, особенно тому, что у Вас с хозяйством наладилось; что есть досуг; что книги понадобились.

Я беру в дорогу...

Продолжаю 11-го. ... Приезжала Селина из Granville'а на два дня. Было много тревог. Не нам одним, эмигрантам, трудно, — французам тоже не легко, многим. Вера у нее пылкая, но в испытаниях всегда чувство «бремени и ига»: помощь Божия поддержка и облегчение, но «бремя» и «иго» до времени не снимаются...

Спасибо за Ваши добрые строки, за цветок, за память об именинах Ивана Ивановича. Он Вас сердечно благодарит за хорошие пожелания. Этот день мы провели тихо. Радостью было улучшение здоровья митрополита. Ему было довольно плохо за неделю до Иванова дня: давление 27 и глухота, его очень угнетавшая (что-то в евстахиевой трубе, 19/2-VII он не мог даже служить, не слышал возгласов). И вот, в канун праздника ему стало настолько лучше, что он мог принимать исповедников: давление 19, слух почти как прежде. 24.VI(1939) он уехал отдыхать в Нормандию.

Придется опять прервать писанье: скоро 6 часов, то-роплюсь на Дагу. Завтра «Петра и Павла». Не знаю удастся ли мне дописать это письмо вечером. После обеда повезем сороку к некоей Mlle Paris, старой девице (живет на углу Place Chopin), которая согласилась взять нашу сороку Марго на пансион. Таинственная пичуга — наша Марго. Сегодня она ласкова, как никогда, стоит подойти к клетке, — машет крылышками и весело прыгает. Странная реакция на предстоящую разлуку! Но я наблюдала то же несоответствие у моей маленькой племянницы (ей было тогда 4 года). Она обожала своего годовалого брата (судьба их разлучила), а когда о нем напоминали, она хлопала в ладошки и весело смеялась. Значит, она не ведала еще печали, а с именем брата соединялась в ее сознании только одна радость...

День Петра и Павла... Продолжаю мое послание. Вчера, разбирая книжный шкаф, напала на св. Юлианию¹ и почему-то мне захотелось послать книжку Вам. Я очень давно имею ее, но она завалилась за толстые книги, и я вновь заглянула в нее только теперь. Какой светлый образ! И такой православно-русский по духу и стилю! Напоминает преп. Анну Кашинскую (жену кн. Михаила Тверского, замученного в Орде) — покровительницу родного города Ивана Ивановича. Если Вы Юлианию еще не читали, я думаю, Вы прочтете ее с тем же удовольствием (больше, с чувством отрады!), с которым и я вчера ее перелистала.

Вы спрашиваете меня: «чем Вы живете?» Все тем же, милая Верочка, — стараюсь в меру сил исполнить то, очередное, что сознаю как порученное мне дело (и обычно поручается что-нибудь и мне самой интересное, хотя часто кажется трудным). Мой маленький «Замятин» утешил (хоть немного!) безутешную Людмилу Николаевну,² и это было для меня удовлетворением. Ее печалило, что Евгения Ивановича мало знают как человека и не знают, что в нем таилась смелая, непримиримая со злом душа: что он был идеалист-романтик; что им всегда руководили высокие побуждения...

Любовь Л. Н. к покойному Е. И. прекрасна, и в безутешной скорби вдовьей доли Л. Н. обрела (как это ни странно!) какую-то тонкую красоту — красоту страдания.

По-прежнему вижусь с милыми... Не знаю, как их и назвать. Подруги, приятельницы, собеседницы?.. Ни одно из этих слов не определяет характера нашего общения.

В дорогу взяла Флоровского (*Восточные отцы Церкви*), 2-3 книги о католической мистике (люблю я эти книги). Еще толстую книгу о францисканских святых (нечто вроде францисканских *Четых-Миней*) и еще небольшую книжку *La politesse religieuse*. Премилая книга. Она попала мне под руку случайно — и я зачиталась. Это лекции, читанные клариссам их духовником (монастыря в Марселе). Цель лекции (по-видимому) вывести сестер из плана светскости «мира сего» на простор беспредельной

искренности братских чувств, по слову апостола Павла (Рим. 12:10): «Будьте братолюбивы друг ко другу с нежностью; в почтительности друг друга предупреждайте...» Меня это «с нежностью» у апостола Павла всегда приятно изумляет. Он как бы завещает сочетание добра с красотой, иначе ему не понадобилось бы это указание.

Сердечно рада за Вас, что у Вас маленькая подруга — Олечка. Общение с ребенком, мир детских переживаний и самый строй детской души — отдохновение и отрада (об этом мне постоянно говорит Вера Степановна, которая возится в школе с малышами и сама детски чистая душа).

Пора кончать. Целую Вас, Верочка. Дай Вам Бог здоровья, мира душевного и много радости. Привет всем Вашим.

Татьяна

Относительно рака от кастрюли, — это «недоразумение»: оставлять еду в металлической посуде вообще не рекомендуется (соображений не привожу), но между металлическим привкусом (иногда) или опасением какой-нибудь окиси, которая может повлечь (а может и не повлечь) за собою какое-нибудь расстройство, и раком — дистанция огромная.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о небольшой книжке С. Толстой «Праведная Юлиания Лазаревская», УМСА-Press.

² Статья Т. Манухиной (под псевд. Таманин) о Замятине появилась в 16 книге «Русских Записок».

4.X.39

Дорогая Верочка!

Не думайте, что я забыла о дне Ваших именин. Нет, нет, не забыла. Всех милых моих именинниц вспомнила

в церкви и мысленно поздравила, от души, пожелав всего доброго, святого. ... Уверена, что Вы не посетуете, что я не смогла написать Вам.

Пишу по старому адресу: Зуров сказал, что лучше писать на Belvédère, пока Вы на новой вилле еще не совсем устроились.

Как жаль, что Вас нет в Париже! Такие люди, как Вы, — предприимчивые, энергичные — могли бы сейчас принести такую пользу — помочь мобилизованным эмигрантам. Нужны теплые вещи, нужна помощь семьям. У матери Марии будет собрание родственников и друзей призванных на фронт. Я полагаю, что самообложение эмиграции в пользу призванных встретило бы самый живой отклик. Только бы в комитет вошли люди, в которых привыкли видеть опытных общественно-благотворительных деятелей. Тут Вы прежде всего мне и вспомнились.

Только что узнала от М. Chilini (добрый старый знакомый Ивана Ивановича, французский журналист), что он организует широкую анкету для *Paris-Soir* и обратится к ряду общественных деятелей и писателей нескольких нейтральных стран и некоторым эмигрантам с просьбой ответить на вопрос: «Que pensez-vous à l'heure actuelle de la France et de l'Allemagne?» Потом эти ответы (после напечатания в *Paris-Soir*) составят том, который выйдет с предисловием Giraudoux.

Chilini просит меня (узнав, что я нынче пишу Вам) написать, что на этих днях *Paris-Soir* обратится к Ивану Алексеичу с этой анкетной просьбой и очень хотел бы получить ответ в ближайшее время. Эта анкета будет обращена и к некоторым другим «Prix Nobel». Согласно просьбе Chilini, упоминаю об этой интересной анкете, которая, вероятно, будет иметь большое идеологическое значение.

Не знаю, что написать Вам о себе. Дни проходят в работе, но ею не тягочусь хотя [пропущена страница] его заменяет игумен из Александрии отец Афанасий. По близорукости я приняла его за прежнего «батьюшку» — и напутала.

Женская обитель (о ней я Вам писала) устраивает себе маленькое подворье в Париже.¹ Материально на ферме стало очень трудно, и монахиням предстоят поиски заработка здесь. Руководитель их иеромонах о. Ефимий мобилизован, — и они там оставались бы без священника. Я предложила для начала (и за неимением другого помещения) свободную комнату нашей Жермены. Сперва было решено воспользоваться ею и поселить мать Феодосию (молчальницу),² но потом нашлась комнатка при церкви на Оливье де Серр, и монахини устроились там.

Вот и все «новости» нашего эмигрантского житья-бытья, т.е. те, которые в моем поле зрения. Оно — довольно ограниченное, потому что я почти нигде не бываю и вижу мало людей. Дни проходят тихо, ровно, — в работе. Благодарю Бога за такую жизнь, она мне по душе.

Верочка мне сказала, что она написала Вам относительно учебников все подробно и, по ее мнению, практически, дала наилучший совет.

Вашу просьбу о Тэффи я исполнила: попросила помолиться о ней одну добрую молитвенницу.

В день моего Ангела, в церкви на Daru, встретили Вашу милую подругу В.А. Зайцеву.³ Ее теплое приветствие нас с Иваном Ивановичем душевно тронуло и оставило в памяти моей чувство радости.

Кончаю мое письмо, — пора накрывать на стол. 7 часов.

Обнимаю Вас, милая Верочка. И очень прошу ничего «не думать» о моем молчании. И с Вами и со мною может случаться, что мы замолчим на время (до молчальницы матери Феодосии мы все же не дойдем?), но это не значит, что забыли.

Привет всем Вашим.

Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Речь идет о зародившейся тогда, под началом матери Евдокии, Покровской общине в Rosay-en-Brie. О. Евфимий Вендт —

по образованию инженер, оставил ряд богословско-математических трудов. Выстроил по собственному плану и собственными руками прекрасную церковь при старческом доме в Муазенэ (в 50 км от Парижа).

² Мать Феодосия Соломянц (1903–1992), подвергала себя в молодости разным аскетическим подвигам. С 1977 года стала настоятельницей Покровской общины в Bussy-en-Othe.

³ Вера Алексеевна, жена Б.К. Зайцева.

отв.
24.XI.39

Милая Верочка!

Давно хотела Вам написать — весь ноябрь! — но все что-то мешало. Я помнила, что с ноябрем у Вас связаны скорбные воспоминания о смерти Вашего брата, — и я нет-нет и вспомню Вас... Была недавно в любимой Вашей церкви и как бы вместе с Вами. Служил прежний батюшка, и хор пел стройно, как и прошлой зимой, только молящихся совсем мало, человек пять. Ивану Ивановичу понравились и церковь, и служба, и путь по приятным тихим улицам.

Спасибо за весточку. Книги на днях я получила тоже. Одна из них — не ваша, не моя: *Union à Dieu* Dominique Margéon'a, потому что у меня оказалось теперь два экземпляра. А «Смысл жизни» Е. Трубецкого в пакете не было. Если Вы эту книгу читаете, — держите ее, милая Верочка, сколько хотите, и верните, когда вздумается, — я упоминаю о ней лишь с целью осведомить, что я не получила ее, если Вы ее послали.

Время идет ровно, однообразно. Почти нигде не бываю; мне думается, что иначе в нашем возрасте и невозможно пережить тот долгий-долгий — Великий Пост, в который вступили и который кончится для всего мира лишь вместе с войною. И как в Великом Посту хочется жить в отрешенности от мелочей, болтовни, суеты бесполезной и всякой праздности. Дома у нас все понемногу

наладилось, беспорядка стало меньше, а досуга — для души — больше. На неделе не удастся ни погулять, ни увидаться с друзьями. Лишь в субботу (в тот же час, когда и Вы приходили) навещают меня мои милые сестрички. А в воскресенье мы с Иваном Ивановичем в après-midi идем погулять.

Всегда рада весточке от Вас, но понимаю, что написать письмо сейчас не хватает не то времени, не то настроенности.

Обнимаю Вас, милая Верочка. Храни Вас Господь.

Татьяна

Привет Ивану Алексеевичу.

Пятница
5.I.40
23.XII.39

Милая Верочка!

Сердечно поздравляю Вас со Светлым Праздником Рождества и с наступившим (а для нас, православных, наступающим) Новым Годом. Дай Вам Бог в Новом Году исполнения воли Божией — этой небесной радости, которая открывается сердцу не бесчувственному, но бескорыстному.

Мы тихо встречаем Праздник. Жизнь стала такая простая, скромная — и легкая, с тех пор, как война устроила ее по-своему, то есть, заставила отказаться от старых привычек. Насколько стало меньше суеты и мелких забот! И как много мелких дел не препятствует, а содействует духовной жизни!

Верочка вернулась к себе (у них chauffage наладился), и приходит только раза 4 в неделю после школы. (Вашу просьбу я передала, но перед Рождеством у ней возня с зачетами и, вероятно, она замедлит с ее исполнением.)

Вот видите, как хорошо все устроилось и для Вас: Вы много читаете (и есть интересные книги), занимаетесь.

Вы пишете, что недовольны результатами Вашего общения с людьми («вызываю обиды... раздражение...»). Но ведь угодать надо только Богу и Ему одному служить, а на этом пути «служения» так часто неминуемы столкновения. Один Бог видит тайные мотивы («помышления сердца») нашего поведения, и только за них мы и в ответе. Иногда у людей эти мотивы так духовно-интимны, такая их светлая тайна, что не только они не могут и не хотят обнаружить, но больше — чувствуют, что нет на то и воли Божией: а между тем в реальности буря, непонимание, обида, раздражение... Это и есть «Крест Христов»... Помните, маленькую Терезу монахини заподозрили в лени, когда она, занятая шитьем, уклонилась от какой-то порученной физической работы, а она уклонилась из любви, потому что знала, что одной из монахинь надоело шитье и она с радостью бы исполнила физическую работу? «С тех пор, пишет маленькая Тереза, я не обращала внимание на то, что думают обо мне люди; я узнала цену и осуждений и похвал...» (цитирую не дословно, но смысл точен).

Очень хочу, чтобы это письмо долетело к Вам в Рождество. Опущу его завтра утром на почте. А сейчас уже скоро 12 часов ночи. Надо спать идти. Обнимаю Вас. Поцелуйте от меня Вашу маленькую подружку сомолитвенницу Олечку. Посылаю ей картинку. (Вы писали, что вместе заходите в церковь!). Привет Ивану Алексеичу от нас обоих и Вам от Ивана Ивановича с наилучшими новогодними пожеланиями.

Татьяна

Вторник
22.11.40

Дорогая Верочка!

Сердечно благодарю за память о дне моего Ангела и за добрые пожелания. Мне совестно, что благодарю чуть ли не месяц спустя, но тому виною необычайное время, в котором мы все живем, — и потому прошу снисхождения.

За этот месяц (вернее, после Рождества) пришлось пережить много волнений: болезнь митрополита была серьезная, на волосок от смерти. В день преподобного Серафима (2.1) состояние стало грозным, думали — конец... А к вечеру — и как-то внезапно — сердце окрепло и пришло спасение. За время болезни многие почувствовали (быть может, впервые), что означала бы утрата для всех нас нашего духовного главы. А многие просто сознали свою привязанность более ясно. В настоящее время митрополит уже на пути к первой прогулке, мечтает служить в день своих именин (или хотя бы присутствовать в церкви).

Тут же, в болезни Владыки, — и весть о кончине Веры Павловны Зилоти.¹ Не знаю, встречались ли Вы с нею когда-нибудь или нет. С Верой Павловной навсегда у нас связаны какие-то теплые, милые-милые воспоминания. Как сейчас помню: 1921 год, апрель... Семь часов утра, наш пароход входит в Лондонский док, на берегу (в бинокль видно) дама в зеленом машет нам платком... Первый привет! Всю неделю мы провели с Зилоти. Вера Павловна показывала нам Лондон, а Алексей Ильич много нам играл... Вера Павловна была «музыкальная душа», иначе не знаю, как определить впечатление о ней — сочетание тишины, нежности, доброты и какого-то духовно-душевного изящества. В юности она была ученицей Римского-Корсакова и, говорят, ее первые опыты композиции были очень удачны (о них она сама никогда не говорила). Смерть Веры Павловны очень нас поразила, о болезни мы не знали, что она серьезна. Жаль и бедного Алексея Ильича... Вера Павловна была его верной, любимой подругой жизни.

Жаль, что Вам не удастся приехать в Париж. В мороз, снег, оттепель, гололедицу, и вновь в мороз, и вновь в снег и оттепель... вероятно, лучше было у Вас в Грассе, уже по одному тому, что можно было никуда не ездить и не ходить; парижская жизнь суетливая, приходилось куда-то ездить, ходить, спешить, несмотря на непогоду. Дома от холода мы, слава Богу, не страдаем (есть chauff-

fage), но не все в таком счастливом положении (среди наших знакомых).

Трудно было в холоде Вашей любимой церковке. Отапливали ее маленькой печкой, но было, несмотря на печку, так холодно, что и свечку едва-едва поставишь: растопленный воск мгновенно остывал и свеча не приклеивалась — о. Виктора нет (он около По, с детской колонией),² а физически иногда и устаю. Милая Г.П. Вакар, узнав о моей беспомощной возне с пылью, привезла свой чудесный aspirateur, который ей в данное время не нужен (она уезжает к детям), и самое для меня трудное — полы и ковры — превратились в [легкое] занятие. Ничего сейчас не пишу и очень мало читаю. Изредка заходит кто-нибудь из оставшихся в Париже друзей. Быт упростился, домашний уклад нашей жизни ускромнился, многое ненужное само собою отпало, а кое-что заняло в жизни подходящее место, тогда как раньше было на втором плане. Во всем этом есть своя хорошая сторона, и так ясно чувствуешь, что все эти изменения — воля Божия. А добровольно принятая воля Божия всегда влечет за собою мир душевный.

Если я долго не пишу Вам, милая Верочка, никогда не думайте, что позабыла. Значит, просто я засуетилась, что-нибудь отвлекает от беседы с Вами и не дает сосредоточиться. Целую Вас нежно.

Привет Ивану Алексевичу.

Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В.П. Зилоти (1866–1940), рожд. Третьякова, дочь основателя картинной галереи, жена известного пианиста и дирижера Алексея Ильича Зилоти (1863–1945). Автор воспоминаний. *В доме Третьякова*, П.-И., 1954, 233 стр.

² Отец Виктор Юрьев (1893–1966), настоятель сначала Галлиполийской, а затем Введенской церкви. Один из руководителей РСХД. Летний лагерь РСХД, из-за войны, был переведен на осень и зиму в город По. См. некрологи о нем в «Вестнике РХД» № 81, III–1966.

[После немецкой оккупации переписка между двумя зонами (оккупированной и «свободной») могла вестись только открытками и на французском языке.] — *Прим. Ред.*

Paris

le 25 septembre 1941

Félicitations sincères, meilleurs et nombreux souhaits pour
Votre fête.

Comment allez-vous? Depuis Pâques je n'ai pas eu de vos nouvelles. Serai contente d'en avoir. Nous allons bien. Nos santés se maintiennent. Je Vous embrasse en vous assurant de mon fidèle souvenir. Salutations sincères aux vôtres.

Tatiana.

Expéditeur:
Mme T. Manoukhine
48, rue RAYNOUARD
Paris XVI

Destinataire:
Madame V. Bounine
Villa Jeannette
Route Napoléon
Grasse
Alpes Maritimes

Париж

25 сентября 1941

Сердечно поздравляю Вас со днем Вашего Ангела и желаю всего наилучшего.

Как вы поживаете? С Пасхи не получала от Вас никаких вестей. А хотелось бы. У нас все хорошо. Здоровье благополучно. Крепко обнимаю Вас и всегда помню. Сердечный привет всем вашим.

Татьяна.

Отправитель:
Г-жа Т. Манухина
48, ул. Ренуар
Париж, XVI.

Получатель:
Г-жа В. Бунина
Вилла «Жанет»,
Дорога Наполеона.
Грас.
Приморские Альпы

Samedi
13.XII.41

Chère Vérotchka,

C'est avec profonde tristesse que je vous annonce la mort de N.W. Argoutinsky. Faiblesse subite de cœur, mort douce. La veille il était présent à l'office funèbre pour le repos de l'âme de D.S. Mérejkovsky. (Probablement la mort de D. S. l'a impressionnée.) Il est inhumé au cimetière de Ste Geneviève des Bois. Je vous écrirai d'ici [dans] quelques jours encore quelques lignes. Je vous embrasse.

Tatiana.

Суббота
13.XII.43

Дорогая Верочка,

С глубокой грустью сообщаю Вам о смерти Н.В. Аргутинского. Внезапно отказало сердце, хорошая смерть. Накануне он был на отпевании Д.С. Мережковского. (Может быть смерть Д.С. произвела на него тяжелое впечатление). Он похоронен в Сент-Женевьев-де-Буа. Через несколько дней напишу еще. Обнимаю.

Татьяна.

[7.V.1942]

Chère Vérotchka,

Merci pour les lignes m'apportant de vos nouvelles. Elles m'ont attristée... Que je voudrais vous voir promptement et complètement rétablie! Je «pense» à vous bien souvent.

Vous me demandez ce que je devenais? Je mène une vie toute simple et laborieuse: je n'ai plus de bonne et avec une femme de ménage on a plus ou moins tout le ménage sur les bras. La petite église est devenue notre grande joie. Nous allons, Ivan Ivanovitch et moi, à tous les offices. Le nouveau prêtre (le jeune père Serge Jr)¹

est aimé et très estimé des paroissiens. J'ai peu de loisir, si j'en trouve, je lis volontiers les livres liturgiques. C'est ma nourriture préférée. De temps en temps je vois mes petites sœurs; elles vont bien.

Et maintenant, chère Vérotchka, il est bien temps de finir.

Mon affectueuse pensée à Vous et tous les respectueux souvenirs de mon mari. Salutations sincères à tous les vôtres.

Tatiana.

J'espère un mot assez prochain! Ne m'oubliez pas!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отец Сергей Иртель (после войны переехал в США).

[7.M.1942]

Дорогая Верочка,

Спасибо за весті. Они меня очень огорчили... Как бы мне хотелось, чтобы Вы поскорее и совершенно поправились! Я часто «думаю» о Вас.

Вы спрашиваете, как я живу. Я веду жизнь совсем простую и трудовую: у нас больше нет горничной, так что все хозяйство лежит практически на мне и приходящей прислуге. Маленькая церковь стала для нас большим утешением. Мы, Иван Иванович и я, посещаем все службы. Нового священника (молодого о. Сергия младшего) прихожане очень любят и ценят. У меня мало свободного времени, а если случается, то с удовольствием читаю литургическую литературу. Это моя любимая пища. Время от времени выдаю сестер; у них все благополучно.

Теперь, дорогая Верочка, пора мне заканчивать.

С нежностью думаю о Вас, а мой муж Вам почтительно кланяется. Сердечный привет всем вашим.

Татьяна.

Надеюсь получить от Вас что-нибудь достаточно скоро! Не забывайте!

[29.VI.1942]

Voici quelques lignes, chère Vérotchka, — témoignage de mon souvenir toujours fidèle...

Comment allez-vous? Je ne vois personne qui eût pu me donner de vos nouvelles. J'étais contente d'apprendre que l'état de votre santé s'est amélioré (à Pâques). Mais il y a bien des semaines qui se sont écoulées depuis et je voudrais avoir un petit mot de vous.

Avec mes meilleurs vœux.

Affectueusement à vous

Tatiana.

[29.VI.1942]

Пишу кратко, дорогая Верочка, чтоб Вы знали, что всегда о Вас помню.

Как Вы поживаете? Я никого не вижу, кто бы мог сообщить что-нибудь о Вас. Рада была узнать, что здоровье Ваше поправилось (на Пасху). Но с тех пор прошло уже несколько недель, и мне очень хотелось бы получить весточку.

Наилучшие пожелания.

Преданная Вам

Татьяна.

[5.I.1943]

Chère Vérotchka,

Bien sincèrement merci pour Votre gentille carte m'apportant vos bons vœux de Nouvel An. Moi-même, j'allais vous adresser les miens, mais je me trouve en retard pour toute ma correspondance de Noël. Que la Nouvelle Année vous apporte santé et joie! Que je voudrais que vous puissiez assister à la messe de Noël (ou la veille!)! Nous sommes en préparatifs pour la service solonnel de mercredi soir.

De temps en temps je vois Mme Kour[?] à l'église et nous causons de vous; parfois nous parlons des questions religieuses ou

celles de piété pratique; son âme pure, humble, d'une foi vive m'est très sympathique.

Touchée de vos condoléances: je n'étais pas liée avec mon cousin, mais avec sa femme et ses enfants.

Que le bon Dieu Vous console dans votre deuil du cœur: c'est pénible de se séparer des âmes qu'on a chéries...

Mon affectueuse pensée pour Vous et mes meilleurs souhaits de Nouvel An aux chers vôtres! Tendresse en Notre Seigneur.

Tatiana.

Respectueux souvenirs et meilleurs vœux de mon mari.

[5.I. 1943]

Дорогая Верочка,

Сердечно благодарю за милую открытку с новогодними поздравлениями. Я Вам тоже отправила, но очень задержалась со своей рождественской перепиской. Пусть Новый год принесет Вам здоровье и радость! Как бы мне хотелось, чтобы Вы смогли побывать на рождественской литургии (или на всенощной)! Мы готовимся к торжественному богослужению в среду вечером.

Время от времени я выдаю в церкви мадам Кур[?] и мы беседуем о Вас; иногда обсуждаем религиозные вопросы или вопросы практического благочестия; мне очень симпатична ее чистая и смиренная душа, ее живая вера.

Меня тронуло Ваше соболезнование: я не так была близка с моим кузеном, как с его женой и детьми.

Пусть Господь пошлет Вам утешение в Вашем горе: очень тяжело разлучаться с теми, кого любишь...

С постоянной мыслью о Вас и наилучшими пожеланиями в Новом году всем вашим! Господь с Вами.

Татьяна.

Мой муж Вам кланяется и передает свои наилучшие пожелания.

[январь 1944]

Дорогая Верочка!

Поздравляю Вас со Светлым Праздником Рождества и шлю наилучшие пожелания от нас обоих. Дай Бог Вам провести приятно праздничные дни, главное — побывать в церкви. Без церкви праздник — не праздничный. Давно не писала Вам, очень давно. Причин серьезных (кроме болезни, но о ней потом!) не было, а только мелкие заботы, та путаница, из которой нам, хозяйкам, так трудно выпутываться. Весь ноябрь я пролежала (у меня был флебит). Болезнь моя была довольно приятная: никаких страданий, — а лечение (главное!) неподвижность. Я пролежала 4 недели не без удовольствия и не без пользы: отдохнула и совсем излечилась от бессонницы, которую приобрела до лета в Медоне; много читала, перечитала кое-что Жуковского (моего любимого поэта); впервые прочитала *Фрегат Палладу* (как умен Гончаров!), ну, конечно, почитывала и мои любимые католические книжки и богослужebные. Писать не удалось; даже письма не писались как-то. Вот почему, дорогая Верочка, и Вам не писала этой осенью. В Покров вспоминала Вас, и вообще я вас не забываю ежевечерне (но почему-то на эту тему говорю редко).

Болезнь моя имела одно последствие для меня печальное: мне пришлось оставить чтение в церкви. Подолгу стоять мне запрещено, а на клиросе чтец сидеть не может. К счастью, и надобности во мне сейчас прежней нет: у нас теперь есть псаломщик, а раньше положение было безвыходное, читать было некому. В Церкви у нас перемена. Отца Сергия сменил другой священник. Произошла эта смена не неожиданно (ожидали мы этого уже давно). Новый настоятель скромный «батюшка» без «мистики», но очень приятный «добрый пастырь», обладающий даром всех объединять и умиротворять. Ваша знакомая Екатерина Николаевна по-прежнему часто бывает у нас в церкви и по-прежнему мы, встречаясь, говорим часто о Вас. Очень трогательно ее тихое и всегда

какое-то бодрое благочестие: она всегда очень о чем-то приятном или радостном, что с нею случилось, рассказывает. И хотя это и житейские пустяки, но не в них суть, а в способности души радоваться всему, как радуются дети.

Обо многом еще написала бы, но надо кончать. Надо идти за выигрышем. Совсем неожиданно нам достался лучший выигрыш: чайный и десертный сервизы. Лотерея была в пользу скита о. Алексея (Всех святых). Я совсем о ней забыла, так это было давно, а в Новый Год строительница звонит мне и сообщает о выигрыше.

Обнимаю Вас, дорогая Верочка. Передайте наш привет Ивану Алексеевичу и наши добрые новогодние пожелания тоже.

Ваша Татьяна Манухина.

22.XII.44

Дорогая Верочка!

Рада была узнать добрую весть о Вашей Ляле.¹ Наконец-то! А наша бедная прихожанка до сих пор еще в том же положении.

Вы спрашиваете про Веру Степановну. Она по-прежнему занимается педагогическим делом, много работает в школе, и уроков у нее тоже довольно много. Я спросила ее о приюте Головиных. Она там бывала. По ее словам, по эмигрантским весьма скромным требованиям, там неплохо: семейный дух, присмотр, много стараний, чтобы дать девочкам хорошее воспитание. К сожалению, материальная стесненность дает себя знать: бедновато, темновато... Начальница Мария Евгеньевна Головина всегда бодрая, сердечная, очень симпатичная. (Я тоже ее знаю.) Может быть, Вашей маленькой подруге будет там хорошо. Религиозная сторона не в пренебрежении: Мария Евгеньевна очень верующая и очень благочестивая.

Если бы потребовалось обратиться к Вере Степановне по поводу уроков, то, на всякий случай, я узнала, что

Вере Степановне платят 30 фр. за урок. Вот, кажется, ответы на все Ваши вопросы.

Спасибо за доброе письмо и за строки о самой себе.

Да, жизнь с людьми нелегка, дорогая Верочка! А между тем это лучшая, быть может, единственно хорошая школа духовного воспитания в том случае, когда человек уже стоит на «камне веры», но ему надлежит еще свою веру и верность Богу — испытать. В уединении многое кажется либо легким, либо преодоленным, а сведет судьба с людьми — и неприятная неожиданность: легкое оказывается трудным, а преодоленное — закоренелым недостатком. И любовь к людям развивается в общении с ними, обычно она связана с испытаниями, но по-видимому, они нужны для ее роста и укрепления.

Тяжкая сторона во взаимоотношениях людей — взаимное непонимание. Случается, что духовные побуждения (поступков или слов) люди истолковывают душевно и попадаешь впросак. Надо ли этим смущаться? Ведь смысл поступков должен быть — служение Богу (не своим интересам и страстям), а как отзовется наше поведение вовне — наша духовная свобода может с этим не считаться. (Только если мы даем повод к соблазну, тогда другое дело; об этом так вразумительно у ап. Павла по поводу участия в языческих трапезах.)

Что Вам рассказать о себе? Ничего интересного. Жизнь моя, как у многих, протекает однообразно и хлопотливо, работа по хозяйству, много суеты и рассеивающих мелочей; пишу урывками (и очень мало), читаю мало (художественная литература совсем стала мне далекой), бываю в церкви (старюсь не пропускать церковной службы в нашей церкви), встречаюсь с добрыми друзьями и некоторыми знакомыми; хоть их не так много, но большинство меня сердечно радует, потому что связь с ними духовная и беседы не просто политические и городские новости.

Наша церковь процвела, украсилась и стала одной из лучших церквей (после rue Daug и Сергиевского Подворья). Достигнута какая-то мера благолепия и благо-

чиния: хороший хор, много новых икон, лампад, новые облачения, есть диакон и штатный псаломщик...

Вот уже год, как мы расстались с о. Сергием. С его уходом связано много неприятных воспоминаний. Часть прихожан («поклонники» его, большей частью «поклонницы») покинули нас и устроились с о. Сергием на стороне на rue de la Tour, где открыли свою церковь. Но случилось то, что должно было случиться, потому что отец Сергей при всей духовной одаренности, несомненно, больной человек, неуравновешенный, своевольный до самочиния, руководить приходом не может: не прошло и нескольких месяцев, начались опять неприятности, всякие обиды и раздоры. Поклонницы стали его покидать, наконец вмешалось епархиальное начальство и передало приход другому священнику. (Отец Сергей пока оставлен при церкви без настоятельства.) Теперь у нас в церкви самый обыкновенный «батюшка», и мы довольны его необыкновенной «обыкновенностью». В приходе стало тихо, чинно, мирно, а чина и мира нам и не хватало.

Церковь такая радость... И все, что там читается, и что поют, так безмерно далеко от экономики, техники, политики — интересов нашей современности — и так душе близко и дорого...

Обнимаю Вас, дорогая Верочка. Иван Иванович шлет душевный привет. Не приветствуем Вас с Новым Годом, потому что надеюсь, что это письмо Вы получите дня через 3-4, и я успею до 1-1 написать Вам. Поклон от нас обоим Ивану Алексеичу. Пожелания успеха в литературной работе Леониду Федоровичу.

Татьяна

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Елена Жирова.

[Без даты.
Вероятно,
сентябрь 1945]

Дорогая Верочка,

Поздравляю Вас с днем Ангела, обнимаю и желаю Вам всякого благополучия, здоровья и многих добрых дней.

Прошу извинить мой запоздалый привет (я знаю, что раньше субботы это письмо до Грасса не дойдет, а сегодня среда), но если бы Вы видели, в каком кавардаке живу и в какой суете все эти последние дни, быть может, Вы бы поняли, что я запуталась в числах и в поздравлениях всех моих дорогих многочисленных именинниц.

У нас идет ремонт (все так обветшало и так закоптело, что хоть самое необходимое пришлось сделать) и тут же множество церковных дел и осложнений и еще всякие обычные хозяйственные хлопоты после лета... Ах, как трудно в такой суете заниматься своим любимым делом! Читаю и пишу урывками, подчас и нет и этих минутных досугов.

Дорогая Верочка! К сожалению, о монашеской конгрегации, о которой Вы меня спрашиваете, я ничего не знаю, не слышала и узнать ничего нужного мне не удалось. Нет никого сейчас в Париже из знакомых католиков, кто мог бы мне дать нужные сведения. Конгрегаций так много и так они разнообразны, что надо быть очень церковно-осведомленным, чтобы ответить на Ваш вопрос. Во всяком случае, думаю, это не орден, а конгрегация (католического ордена), соответствует скитам по строгости устава, и все они общеизвестны, быть может, по смыслу, она в линии «восточного обряда». Очень жалею, что ничего толкового сказать не могу. Буду расспрашивать, если представится случай беседовать с католиками. Мы вернулись в город (из Медона) только недавно. Жили там наездами все лето. Довольно жалкое «лоно природы», но были рады и этому: зелень, сад, птицы, немножко бабочек и много комаров... но все же свежий воздух, петухи на заре... Милая там церковь,

крошечная, но внутри вся расписанная талантливой художницей-иконописцем Рейтлингер (монахиня сестра Иоанна).¹ Если бы в Медоне не затруднение с провизией (приходилось привозить почти все из Парижа), было бы совсем хорошо, потому что мы не были лишены церковных служб.

Ну вот, — и зима надвигается. Уже ночи холодные... (6°) И уже заботы о печке, о трубочисте...

Обнимаю Вас, дорогая Верочка. Сердечный привет Ивану Алексеевичу. Иван Иванович от души Вас поздравляет.

Ваша

Татьяна М.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Церковь Воскресения в Медоне, осталась без присмотра, так как находилась то в Константинопольской, то в Московской юрисдикции. Службы в ней прекратились, в ней нашлись обиталище бомжи, которые спалили иконостас. Перед разрушением церкви удалось спасти уникальную роспись на фанере с. Иоанны Рейтлингер (1898–1988). Пашио были перенесены затем в Монжерон, где находятся в процессе реставрации.

26.III.46

Дорогая Верочка!

Вот уже и Крестопоклонная неделя... В последний наш «телефон» о встрече, помнится, не могло быть и речи: Иван Алексеевич все еще был болен, хотя тревожные дни и миновали. От общих знакомых стали доходить до нас добрые вести, что все хорошо, все благополучно, но дошла и весть недобрая, что Вы очень утомлены. Поэтому я и не подавала никаких «признаков жизни», зная по опыту, что [значит] — встать при таком общем сильном утомлении (хочется одного — чтобы пребывать в полном покое). Сейчас пишу эти строки только для того, чтобы послать Вам привет и сказать,

что по-прежнему помню, как помнила и во время Ваших тревожных дней.

С неизменно добрым чувством

Татьяна М.

23 мая 46

Дорогая Верочка!

Телефонировала Вам во вторник днем и вчера, в Николин день, тоже. Мне сказали, что около 8 часов я Вас застану, но вчера вечером я телефонировать не могла.

Мы так хорошо встретили с Вами Праздник — Страстную и Заутреню, но потом Вы исчезли и в церкви я Вас больше не встречала. Правда, мы почти на всех службах бывали на Daug, в моей любимой нижней церкви, пользуясь последними неделями: после Духова дня ее закроют до октября. Вчера в Николин день были в Никольской Биянкурской Церкви, но Вас не было.

Буду телефонировать Вам на этих днях. Хотела сегодня, но не хочу беспокоить Б.С. Нилус:¹ прочитала в газете, что сегодня день смерти ее мужа.

Обнимаю Вас. Надеюсь, мы скоро увидимся.

Ваша Татьяна М.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вдова художника Петра Александровича Нилуса (род. в 1869, умер 23.V.1943 в Париже), жила в том же доме, что и Бунины.

9 февраля 48

Дорогая Верочка!

Сердечно благодарю Вас и Ивана Алексеевича за поздравление с днем Ангела и за добрые пожелания. Давно

Давно хотела написать Вам, поблагодарить, да после именин сразу схватила бронхит и все это время с ним возилась.

Мы провели «Ангела» в Marly-le-Roi (три дня прожили там), Иван Иванович очень отдохнул; я — тоже.

Вы, наверно, сейчас уже в блаженстве весны: цветы-цветы-цветы. А мы были рады и малому: гулять под зонтиками в туманные, дождливые дни по глухим тропинкам голого зимнего леса.

В Париже не холодно и уже на кустах почки, но «природа» (для нас) тонет в заботах, суете и материальных хлопотах — какие уже при этих условиях «впечатления весны»! Долго ли Вы пробудете на юге?

Читаю переписку Горького с Чеховым (во французском переводе, издание Grassel). Интересно. Как дружески относился Чехов к Горькому! С каким тактом, с какой благожелательностью руководил им! И как пылко Горький отзывался на такое отношение! — Еще читаю Лескова — собранные им материалы о раскольниках. Тоже очень интересно. А Вы, дорогая Верочка, что делаете, что читаете? Обнимаю Вас. Привет душевный от нас обоих Ивану Алексеевичу и пожелания здоровья. Вам от Ивана Ивановича — особый душевный привет.

Ваша Татьяна М.

18.V.49

Дорогая Верочка!

Мне совестно, что я так поздно отвечаю на Ваше поздравление... Но Вы такая милая, добрая... Прошу извинить мое молчание. Спасибо сердечное за поздравительный привет и добрые пожелания.

Ваше письмо меня дома не застало: мы уехали на несколько дней в Vesinet, приняли решительную меру, дабы развязаться с гриппом, вернее, с его последствием:

у Ивана Ивановича грипп прошел, но осталась слабость и надо было как-то организовать ему покой и возможность побыть на свежем воздухе. Действительно Vesinet ему принес пользу.

Какая Вы счастливая, что живете на юге, да еще весною! Говорю это без зависти, но радуясь за Вас, что хоть Вам удастся наслаждаться природою (уже какая есть, хоть и не время...). Мы видали в Vesinet парк в мае, розовый туман и серебряное солнце — и уж этому радовались...

Удастся ли Вам, пользуясь досугом и покоем, — писать? Париж так суетен — все что-то надо сделать и всегда это «надо» мешающее, отвлекающее от любимого дела. Но одно отвлечение-развлечение нам с Иваном Ивановичем было очень приятно: мы побывали на спектакле (оперном) Русского Христианского Студенческого Движения! Для нас — событие (за 10-12 лет, кажется, единственный наш «выезд»), пела и танцевала наша эмигрантская студенческая молодежь, и так все это было молодо, талантливо, с таким хорошим художественным вкусом, что не верилось, как удалось А.Д. Александровичу справиться с такой задачей. Честь ему и слава! Он возится с молодежью, не щадя своих сил, невзирая на свои 70 лет. (Мы хорошо помним его по Мариинскому театру, он был замечательный «Ленский».) Теперь он сумел так воодушевить своих учеников и учениц, что они, открытые успехом (действительно зал был в восторге!) мечтают о повторении спектакля в марте, а там, Бог даст, и о постоянной «Молодой опере»; молодые артисты стали увлекаться русской поэзией и русской историей, чтобы поглубже понять «Демона» или «Жизнь за Царя», и предпочитают серьезные театры кинематографу. Отрадное явление в студенческой среде!

Вне этого маленького отступления от наших привычек живем по-старому. Ожидаю в Посту из Лондона А.А. Дорошевскую (Вы ее помните?); она хотела побывать сначала у нас, а потом в обители матери Евдокии (под Дижоном);¹ там, говорят, все налаживается понемногу, но успешно и, хотя новых постригов нет, появляются

примонастырские благочестивые старушки, как это бывало в русских наших монастырях: старушка покупала себе келью (т.е. делала вклад в монастырь) и доживала свой век, не принуждаемая ни к правилу, ни к труду, а «подвизаясь» по собственному желанию и в меру сил, но пользуясь уходом и попечением обители. Так как в эмиграции немало таких одиноких благочестивых старушек, то, вероятно, у матери Евдокии скоро свободные комнаты заполнятся.

Не пишу Вам ни о чем другом, потому что уверена — о «литературном» Париже Вы осведомлены лучше, чем я.

Сердечно желаю Вам, дорогая Верочка, использовать Ваше пребывание на юге как можно плодотворней, а Ивану Алексеевичу вполне оправиться от болезни. Буду рада добрым вестям от Вас.

Целую крепко. Иван Иванович шлет душевный привет Вам и Ивану Алексеевичу.

Ваша

Татьяна Манухина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Покровская обитель нашла себе в 1946 году пристанище в имении, подаренном ей Б.В. Ельяшевичем, на полпути между Парижем и Дижоном (Bussy-en-Othe).

Пятница
2.XII.55

Дорогая Верочка!

Вчера и сегодня тщетно (и сколько раз!) телефонировала Вам. По-видимому Ваш телефон испорчен, потому что никто не подходит, а звук как будто телефон занят.

Я хотела спросить Вас, когда могла бы придти — хотела узнать, как прошла лекция П.К. Иванова¹ и вернуть Вам мой маленький долг за билеты.

Завтра в субботу я с утра возьмусь за телефон, а если ответа не будет, отошлю это письмецо; к сожалению,

забежать к Вам завтра не смогу, потому что всенощная. Не могла ли бы я зайти к Вам во вторник 6.XII в 3 часа? Привет сердечный от нас обоих.

Ваша Татьяна М.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иванов Петр Константинович (1876, Черкассы - 1956, Париж), религиозный писатель, автор двух работ: *Смирение во Христе*, YMCA-Press, 1925 и *Тайна Святых*, Париж, 1949.

[Без даты.
конец 40-х]

Дорогая Верочка,

Не знаю, увижу ли я Вас завтра в церкви: придете ли Вы к обедне и удастся ли мне освободиться от моих хозяйственных дел и пойти помолиться за всех моих милых именинниц (14!), среди них только две «дорогие Верочки». Поздравляю Вас с днем Ангела и сердечно желаю провести Ваш семейный праздник радостно и приятно. Дай Вам Бог поскорей справиться и с вашим недугом. Я знаю по опыту прошлой весны, что болеть нам очень хлопотливо и трудно, потому что сказывается на хозяйственных делах и из-за этого случается неурядица. Крепко Вас обнимаю. Иван Иванович шлет Вам свой искренний, шумный привет! Иван Алексеевича поздравляем «с дорогой именинницей»!

Ваша Татьяна М.

СУДЬБЫ РОССИИ

Мученики и исповедники Русской Церкви

ДЕЛО СМОЛЕНСКИХ ЦЕРКОВНИКОВ

Предлагаемые читателю записки — лишь незначительная часть семейного архива Марии Евгеньевны Мирчинк, урожденной Залесской, родной сестры отца моей матери. Написаны эти воспоминания в конце 50-х - начале 60-х годов, а переданы мне на хранение — в начале 70-х, что совпало с рождением моей дочери — первой из поколения правнуков Марии Евгеньевны. Таким образом, мемуары передавались в будущее. Возможность напечатать их еще при моей жизни даже не рассматривалась. Мое дело было — хранить; дай Бог, правнуки сумеют напечатать. Опасным казалось даже держать их дома...

Автор воспоминаний, М.Е. Мирчинк, окончила Высшие Женские Курсы, специализировалась по палеонтологии; она — автор ряда научных работ, а также опубликованной в 1940 году биографии своей научной руководительницы, известной исследовательницы геологии Белоруссии А.Б. Миссуна. В книге Д.В. Наливкина «Наши первые женщины-геологи»¹ М.Е. Мирчинк посвящена отдельная статья, содержащая, правда, ряд биографических неточностей. Не ставя под сомнение научную компетентность Марии Евгеньевны, убеждена, что в первую очередь она — прирожденный литератор, о чем и свидетельствуют публикуемые воспоминания. Я не знала и не знаю человека, который бы знал наизусть столько стихов, сколько знала их Мария Евгеньевна, и для кого поэзия была бы такой же насущной необходимостью. В 90 лет, за два года до смерти, близкие

¹ Наливкин Д.В. Наши первые женщины-геологи. Л., «Наука», 1979.

записали на магнитофонную пленку голос М.Е., читающей наизусть свои любимые стихи — только перечень названий занимает более трех печатных листов. «Стихи помогли мне вынести мои потери, — говорила она. — Во время бессонницы лежишь и вспоминаешь любимых поэтов». Назову лишь два имени: Лермонтов и Тютчев. Насколько мне известно, сама М.Е. стихов не писала, но была пристрастным, требовательным читателем. А вот прозу писала — записи семейных преданий, рассказы о животных, а также таинственные истории, которые редко, но бывают в жизни почти у каждого.

Но история гибели единственного и любимого брата занимает особое место среди всего, написанного Марней Евгеньевной. Не помню, с каких лет были известны мне эти события в устном изложении. История деда, мученически погибшего «за Храм», была той тайной, которая скрепляла между собой всех членов семьи, она была тем скрытым стержнем, вокруг которого строился внутренний мир — сначала мой, затем — дочери. Трудно выносить на свет то, что прятали тщательно так долго. Ночные звонки в дверь, обыски и аресты, пережитые родителями, вошли в наши гены. Кроме того, необходимо было найти печатное подтверждение описанному в мемуарах процессу. После напрасных поисков в ЦГА РСФСР, а также тщетных запросов в КГБ, мне в руки попала подшивка газеты «Известия» за 1922 г., где подробно, хоть и тенденциозно освещалось «дело смоленских церковников». Корреспондент Д. Фибих не жалел черной краски, но ведь мы привыкли читать «наоборот», за издевательскими словами проступает истинный облик осужденных — мучеников и стоиков. Так же негибаемо держалась до последних лет жизни и сестра инженера Залесского, т.е. сама мемуаристка, пережившая гибель брата и мужа в тюрьме, смерть старшей дочери от болезни. Поистине, могла сказать она и про себя словами поэта: «Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена». У нее прочитала я впервые «Поэму без героя».

Приступая к чтению этих записок, надо помнить, что события, происходившие в 1922 г., в них изложены по

памяти, тридцать лет спустя. Ранее это было невозможно — многочисленные обыски научили осторожности. После 56-го года, поверив в оттепель, М.Е. спешила перенести на бумагу все самое важное, что хранила в памяти. До последних дней она оставалась восторженной поклонницей Хрущева, который занял в ее домашнем пантеоне место рядом с Наполеоном. Записывая давние события, М.Е. невольно расставила акценты с учетом опыта прожитых лет. Об этом надо помнить. Те, кому я решалась показать эти воспоминания до 82 г., находили, что автор недостаточно лоялен к советской власти и явно обеляет брата. Теперь же, когда идеологические постулаты поменяли знаки на противоположные, читающие склонны упрекнуть автора, вернее, героя этих воспоминаний, брата мемуаристки, в подчеркнутой терпимости к власти, в желании проявить свои профессиональные качества на службе обществу. К сожалению, не сохранилось никаких писем моего деда (странно называть так человека, не дожившего до сорока лет!). В конце тридцатых, после ареста старшего брата, младший сын Владимира Евгеньевича Александр, родившийся в роковом 22 году, сжег все хранившиеся дома письма своего отца. И кто осудит его за это? Но моя мама рассказывала, как рыдала ее мать над пеплом этих писем, дав себе волю после стресса, вызванного арестом сына, при котором не проронила ни слезинки...

Но вернемся к трудному вопросу: как относился В.Е. Залесский к революции? Позволю себе такое сопоставление: в год гибели деду было 37 лет, поэту А. Блоку в год смерти, в 1921 г., — 41 год, т.е. это фактически одно поколение и более или менее сходная социальная подоплека. Великий поэт потому и велик, что, выражая свое, личное, выражает всеобщее, то, что называется «дух времени». В прекрасной работе А. Якобсона «Конец трагедии»² через анализ поэмы «Двенадцать», а также с использованием других текстов поэта того же времени, исследуется отношение автора к происходящим собы-

² Якобсон А. Конец трагедии. В-М (ВИМО), 1992.

Мой брат был инженером, окончившим в 1913 г. Московское Техническое училище по специальности — мосты (ныне институт им. Баумана). В 1915 г. он был мобилизован и всю войну (1915–1916 гг.) провел на передовых позициях, на одном из самых ответственных участков фронта.

Так как в полосе его ведения шли непрерывные бои, а местность на большей своей площади состояла из болот, часто непроходимых, то вопрос дорог и мостов был особенно ответственным и требовал исключительно напряженной постоянной работы.

Октябрьская революция застала его на передовых позициях. На собрании своего отряда после Октября он говорил, что теперь, когда власть отдана народу, надо все силы приложить для того, чтобы создать сильное и культурное государство; надо работать самоотверженно, потому что сейчас мы должны работать для всего народа. Все ближайшее его начальство (инж. Паукер и другие, чьих имен я не знаю) перешли в Польшу, мой брат не только остался в России, но поздней осенью 1917 г. привел походным порядком весь подчиненный ему отряд в Смоленск.

После сдачи имущества отряда, не теряя дня, брат мой поступает на работу на Риго-Орловскую ж.д. начальником службы, которая занималась заготовкой топлива для ж.д. Это была в то время насущная задача.

До октября 1917 г. железные дороги работали на привозном топливе: бакинская нефть, донбасский и домбровский каменный уголь. Сейчас, поскольку эти области оказались отрезанными, положение ж.д. было катастрофично. Быстро надо было создавать местные ресурсы топлива. Володя (мой брат) спешно создает ряд торфяных предприятий и возглавляет также лесозаготовку. В результате этого по всей Западной области были восстановлены прежние и возник ряд новых торфяных предприятий. Все это приходит в ведение областного хозяйства, и мой брат становится председателем Торфяного Комитета.

В 1920 г. вспыхивает война с Польшей. Учреждается Зап. Фронтстрой, в котором брата назначают заместителем начальника. Зап. Фронтстрой занимался ремонтом и строительством мостов, дорог и зданий в прифронтовой полосе. По окончании войны 1920 г. Зап. Фронтстрой был реорганизован в Комитет Государственных сооружений Западной области, где мой брат остается заместителем председателя по технической части.

В Смоленске в 1920 г., по инициативе Тухачевского, организуется Смоленский Милитаризованный Политехнический Институт, предназначенный для подготовки инженеров, как для военного ведомства, так и для народного хозяйства. Мой брат сразу привлекается к организации и чтению лекций. Будучи патриотом своего города, своей области, своей родины, горячим поборником расширения технического образования, он с большим увлечением отдает этому делу свои силы и является одним из главных создателей Инженерно-строительного факультета, на котором читает ряд курсов. Вместе с директором, инженером Раздобреевым, он много хлопочет в центре — Москве, — добывая средства для института и отстаивая его существование. Из главных курсов он читает в институте 1) Мосты, 2) Обыкновенные дороги. Несмотря на свой большой практический опыт в этой области, несмотря на высокий уровень своих теоретических знаний, несмотря на свою большую занятость своими основными работами, он уделяет очень много времени подготовке к лекциям. Это создало ему большой авторитет среди студентов, преподавателей и дирекции. Он был выдвинут и единогласно выбран в 1921 г. депутатом Смоленского Областного Совета.

Когда в 1921 г. Комитет Госуд. Сооружений был расформирован, он переходит заведующим Отделом Промышленности Сов. Нар. Хоз-ва области, где в его ведении находятся все промышленные предприятия Западной области. Здесь он проявил всю широту своего технического кругозора, своих глубоких и разносторонних инженерных познаний.

К этому времени относится ряд его докладов и статей, появившихся в местной печати, по развитию промышленности, а также экономики области.

Являясь сторонником развития и улучшения дорожного строительства, он посвятил ряд докладов и этому вопросу.

Из этого мы видим, что брат мой глубоко патристичный человек. Понимая трудное положение, в котором очутилось наше государство в такое переходное время, он всеми своими силами стремился служить своей стране, своему народу. Человек принципиальный, нравственный в высшем смысле этого слова, он был вследствие этого и всегда искренним. Он был убежден, что новый строй, который провозглашает принципы демократии, свободы и равенства, действительно искренне к этому стремится, стремится это все лучшее осуществить. Он думал, что ежели в реальной действительности и происходят грубые нарушения этих великих принципов, то есть лишь проявление отдельных лиц, извращение, но отнюдь не программа, строго обдуманная и последовательно проводимая сверху. Короче, он обладал всеми теми иллюзиями, которые теперь мы все абсолютно утерjali.

Сейчас, конечно, не найдется ни одного человека, который будет настолько наивен, чтобы ссылаться на закон, чтобы базироваться на конституции (И.А. Чердынцев говорил, что когда он ссылался в защите на конституцию, то ему убедительно отвечали в МГБ: «Конституция написана только для дураков».)

Я знаю, что последние годы, с 1930 по 1954, законы не публиковались. Говорили, что закон, если он станет известен за границей, будет использован «нашими врагами» (потому что наши законы были в полном противоречии с конституцией). Если кого-нибудь по долгу службы надо было ознакомить с какой-нибудь статьей закона или с каким-нибудь указом, то ему давали это прочесть, после чего это отбирали.

По своей психологии мой брат был очень далек от узкого профессионализма. Широко образованный, с большими запросами, брат был хорошим инженером. Но помимо профессиональных интересов он интересовался очень многим. Он очень любил нашу родину и в особенности наш родной край. В детстве мы с ним росли в небольшом имении Смоленской губ. Эта область имеет много особенностей. Та ее часть, где мы жили, населена преимущественно белорусами. В период возникновения Руси она лежала на древнем пути из варяг — в греки. Впоследствии, находясь между Россией, Литвой и Польшей, она постоянно была ареной войн между этими государствами и часто переходила из рук в руки, это все наложило на нее своеобразный оттенок.

Белорусы вообще выделяются своей мечтательностью, поэтичностью, и у них, наряду с их грустными красивыми песнями, сохраняются многие легенды, поверия, заклинания, наряду с этнографическими памятниками сохраняются и многие исторические: древние городища, следы укреплений, следы водных путей, где происходила перегрузка судов или где суда двигались «волоком».

Всем этим с детства живо интересовался мой брат: он не только пользовался всеми печатными материалами (правду сказать, довольно скудными), но старался непосредственно, из уст самого народа услышать все, относящееся к истории нашего края. Юношей он жадно отыскивал стариков и старух, которые могли бы ему что-нибудь полезное сообщить.

В самом Смоленске среди старинных зданий особенно славился смоленский собор. Он был построен после восстановления Смоленска (1668) в царствование Алексея Михайловича. В царствование Екатерины II собор был реставрирован и расписан киевскими мастерами. Этот собор — настоящая жемчужина русского искусства.

Известно, что Наполеон, взяв в 1812 году Смоленск, был так восхищен красотой собора, что не допустил в него своих солдат и поставил стражу охранять его. Войдя в собор, он снял шляпу.

С собором, помимо его красоты и величия, у моего брата были связаны и очень дорогие для него воспоминания детства. Помимо этого, мой брат был вообще очень религиозным человеком.

Наш дядя, профессор Василий Герасимович Залеский, который был крупным инженером в Москве и, в частности, специалистом по центральному отоплению, в дореволюционное время устроил в соборе центральное отопление. В первые революционные годы все это было разрушено. Религиозная община, которая возникла совершенно законно после отделения церкви от государства и взяла на себя обязательства сохранения церкви, зная брата как хорошего инженера и религиозного человека, поручила ему все исправить, что конечно он и сделал безвозмездно. Это и сблизило его с теми людьми, с которыми раньше он не имел ничего общего.

Среди церковников он выделялся и образованием, и своим общественным положением. Церковь, религия и религиозные люди подвергались насмешкам, издевательствам, гонению и физическому уничтожению. Мой брат считал своим нравственным долгом защищать гонимых. Кроме того, в деле сближения его с церковной общиной сильно повлияла личность бывшего тогда в Смоленске архиерея Филиппа. Филипп был хорошо образованным человеком, хорошим проповедником и обаятельным в обращении. Мой брат с ним подружился и искал у него поддержки и совета в мучивших его сомнениях и вопросах нравственного содержания.

Строгий к себе, мой брат в жизни старался согласоваться с принципами строгой морали. Свои поступки он проверял, насколько они согласуются с теми нравственными правилами, к которым он стремился. Так, например, когда моему брату предложили место с более высоким окладом, он сомневался, не является ли пороком стараться улучшать свое материальное состояние; он советовался по этому поводу с архиереем и считал, что надо ограничивать свои потребности и довольствоваться тем, что имеешь.

Мне очень мало приходилось видеть моего брата в последние годы его жизни. Он жил в Смоленске, а если ему и приходилось бывать в Москве, то всегда лишь мельком. Последний раз он был у меня там в конце сентября (1921 г.).

Мы сидели с ним на балконе. Ночь осенняя была темная. Мы разговаривали с ним; он был очень грустно настроен. В то время у нас в государстве начинался НЭП. Как будто наступало какое-то облегчение и как будто бы наше правительство пыталось наладить какие-то отношения с западными странами. У меня в душе родились надежды, что кончится этот беспощадный, бессмысленный террор; прекратится травля и удушение интеллигенции, произвол, беззаконие и жестокость. Все это я высказала брату. Он молча вглядывался в темень сада. Вдруг он весь вздрогнул: «Нет, Маня, — сказал он мне, — Сатана смотрит прямо на меня».

Этой же осенью, но уже в ноябре, он был у меня в Москве. Ему хотелось уехать из Смоленска и перевестись в Москву. Он был в хороших отношениях с Рамзиным: они и учились вместе с М.В.Т.У. (ныне Институт им. Баумана), а кроме того, их сблизило и то, что они, будучи студентами, лежали рядом в клинике на операции. Володя и хотел посоветоваться с Рамзиным о своем устройстве в Москве. Но как на зло Рамзина в Москве не было, его ждали со дня на день. Брат собрался уезжать домой. Я его уговаривала остаться и дожидаться Рамзина, но он не соглашался.

«Ты не знаешь, — сказал он, — как я скучаю о детях, каждый день, когда я их не вижу, безвозвратно потерял для меня». Как будто бы он предчувствовал, что всего лишь несколько месяцев он будет их видеть. И он уехал.

Когда он ушел от меня (это был последний раз, когда я его видела), на меня напала такая тоска, такая печаль, что кажется он не успел дойти до трамвая, как я начала писать ему письмо. Потом, еще несколько раз в эту зиму, меня охватывала такая же тоска по нем, но я всегда себя успокаивала, что ему ничто не может угрожать, что я еще и еще его увижу.

Больше я никогда уже его не увидела.

* * *

Наступил роковой 1922 год. Правительство постановило отобрать все церковное имущество. В церкви большинство икон было вделано в золотые или серебряные ризы. Большинство церковных сосудов было также сделано из золота и серебра. Многие были украшены драгоценными камнями. Как оказалось в действительности, ценность этих сокровищ была преувеличена. В большинстве случаев то, что считалось золотым или серебряным, на самом деле было лишь посеребренным и позолоченным. Драгоценные камни были также почти всегда искусственными. Как бы то ни было, но было отдано распоряжение все это конфисковать; для этого, конечно, надо было ободрать иконы, взять все, что было в алтарях.

В данном случае патриарх занял совершенно неправильную позицию. Юридически он был прав: поскольку церковь была отделена от государства, государство не имело права распоряжаться церковным имуществом, но, принимая во внимание отрицание государством им самим изданных законов и его силу, надо было смириться и против этого не протестовать. А между тем патриарх написал послание, которым он запретил отдавать то, что находилось в церквах. Это поставило верующих в безвыходное положение. Нельзя было не подчиняться патриарху, а, с другой стороны, нельзя было не подчиняться властям.

Другую роковую ошибку допустил и председатель Губисполкома (г. Смоленска). Раз пришло распоряжение Правительства, то, конечно, ни о каком обсуждении этого распоряжения не могло быть и речи. А между тем председатель Губисполкома устроил официальное заседание (12 марта 1922 г.) для переговоров правительства с членами религиозной организации. Так как брат мой был самым образованным из среды церковников, то его и уполномочили защищать интересы церкви.

На этом собрании брат мой произнес речь, содержание которой сводилось к следующему: если Правительство спрашивает наше мнение, мнение религиозных людей, то наша совесть говорит: чаша с дарами и крест являются для нас символом, таким же символом, каким является знамя для солдат. Эти вещи нам отдать трудно. Берите у нас все взамен. Лично я готов отдать все свое имущество, отдать безвозмездно весь свой труд, лишь бы сохранить эти две вещи, которые для меня, как для христианина, священны.

Конечно, это собрание и эта речь не имели никакого воздействия. Через несколько дней была объявлена реквизиция церковного имущества. Конечно, мой брат ни в каком протесте против этого не участвовал. Он был как всегда на работе.

Между тем, какие-то бабы, по собственной инициативе, а, возможно, подстрекаемые какими-нибудь провокаторами, собрались накануне на ночь в соборе и устроили скандал, когда явились срывать ризы с икон и вытаскивать из алтаря утварь. Говорят, будто бы эти самые бабы хотели тащить в Днепр какого-то еврея, но не потащили.

На другой день в местной газете появилась статья, где описывались эти беспорядки и в заключение говорилось: «Конечно, мы понимаем, что эти беспорядки производили не безграмотные бабы, не невежественное духовенство, нет, за ними надо видеть их вдохновителей, могучую контрреволюцию, направляемую иностранными державами. Конечно, здесь надо видеть помещиков, дворян, мечтающих задушить наше государство, видна рука иностранной буржуазии».

Через несколько дней был годовым день смерти моей матери. Володя был у заупокойной обедни и на панихиде на кладбище. Когда он вернулся, его арестовали.

С 20 марта по 1 июня Володя был в большой Заднепровской тюрьме. В конце мая я приехала в Смоленск, хотела его видеть, но тогда велось следствие и свидания не разрешались. Я каждый день приходила к воротам тюрьмы, думала хотя бы в окно его увидеть, но так и не увидела.

Совершенно неожиданно и безумно радостно я получила письмо от Володи. 1 июня он был выпущен на свободу. Следствие закончилось, и до 1 августа, т.е. до того дня, когда был назначен суд, он получил полную свободу и занял опять свое служебное место заведующего Отделом Промышленности Сов. Нар. хоз-ва Западной области.

Как я узнала лишь впоследствии (я ждала рождения Феденьки, Феденька родился 1 августа, мне не писали подробностей), брат мой знал, что ему угрожает большое наказание, но он совершенно не понимал — за что. Он был религиозен. Когда на собрании религиозных людей совместно с председателем губисполкома на вопрос: хочет ли религиозная община отдать церковное имущество, он совершенно искренне ответил, что среди этого имущества есть предметы, которые для христианина священны — чаша и крест — и что их отдать тяжело. Он, конечно, ни в каких организациях, враждебных Правительству, не участвовал, в жизни своей он был до предела честен, скромн и демократичен. Все свои силы, все свои знания он вкладывал в работу, желая этим способствовать восстановлению порядка и благосостояния своей родины. В чем же было его преступление? Когда ему предлагали защитника, он отказался, говоря: «Ведь я же ни в чем не виноват». Это было его глубокое убеждение. Потом, мог ли он поверить, да и могло ли уложиться в мозгу каждого нормального человека, чтобы преступника, которого считают заслуживающим высшей меры наказания, — смертной казни — после окончания следствия, когда должны были выявиться все подробности его преступления, оставляли на ответственном посту руководителя строительством целой области? В этом, конечно, сказались вероломство и жестокость власти. Использовать нужного человека до последнего дыхания.

Мне говорили, но за достоверность этого я не ручаюсь, что Ленин говорил, что прежнюю интеллигенцию надо использовать до конца, выжать из нее все, как из лимона.

Весь следственный материал был отправлен в Москву и там подвергся соответствующей обработке. Насколько

это дело было подтасовано, показывает и этот факт. Когда я через одного доброго человека, близко знавшего Менжинского (Менжинский состоял одним из руководителей Чека), [узнала, что] он хлопотал в Москве и сказал Менжинскому, что мой брат его близкий друг, то Менжинский ответил: «Где же ты был раньше? Теперь мы сделали из него главную фигуру процесса. Мы от него отказаться не можем».

Как говорили, следствие в Смоленске велось довольно беспристрастно, что, конечно, не удовлетворило Москву. Когда дело вернулось из Москвы, 80 документов из дела было изъято и защите было запрещено на них ссылаться.

Как мне рассказывала впоследствии нянечка, жившая у Володи, он очень много работал эти два месяца. Он хотел обеспечить семью на то время, когда он будет в заключении. Кроме службы, писал разные статьи. Ночью он очень много молился. Его жена также ждала ребенка, который родился 22 июля, за неделю до начала суда. Это было последнее радостное событие в жизни моего брата.

30 июля Сашеньку крестили, а 1 августа утром явились, взяли брата под стражу и увели на суд.

Суд был гласным, показательным. На суд билеты были розданы преимущественно рабочим. Процесс был ярко инсценирован. Инсценировка этого процесса состояла, главным образом, в том, чтобы показать народу, кто является его врагами, по вине кого происходят те бедствия и лишения, которые он терпит. Для этого в самых мрачных подробностях обрисовывались бедствия народа. (За год до того был голод на Волге, голод, дошедший до массового людоедства). С самого начала революции, благодаря разрухе, непрерывной гражданской войне, войне с Польшей, разорению и ограблению крестьянства — в стране был непрерывный голод. Эти бедствия надо было на кого-нибудь свалить, надо было отвратить от себя народный гнев, выбросить на растерзание очередную жертву. Что же было легче? Помещик-дворянин. Все равно, что бы он собой ни представлял, каковы бы ни были его заслуги — о них, конечно, умалчивали.

Итак, главной темой, которая проходила через весь суд, длившийся больше недели, шел перечень народных бедствий и перечень всех злодеяний, которые искусственно вызывали эти бедствия, злодеяний, совершаемых помещиками, дворянами, которые находятся в непосредственной связи с иностранной агентурой. И в данном случае Советское правительство, желая обогатить народ, избавить его от голода и лишений, проникнутое бесконечной любовью и заботой к народу, решило взять никому не нужные церковные богатства. Но помещики-дворяне, которые, конечно, не верят в Бога — кто же из образованных людей верит в Бога? (это мнение всех большевиков) — только из злобы и желания вернуть себе утраченные привилегии, подкупленные иностранными капиталистами, восстали против этого. Судьи всюду подчеркивали, что, само собой разумеется, они не могут обвинять невежественных фанатичных людей — подобных безграмотным бабам. Не могут обвинять и духовенство, потому что оно действовало по долгу службы.

Но они обвиняют ту силу, которую олицетворяют помещики и дворяне, а в данном случае мой брат, которая в своих личных интересах и интересах мирового капитализма вызывает народные бедствия и единственная мешает созданию светлого царства счастья и изобилия для народа.

Каждый день помещались корреспонденции из Смоленска. Я запомнила особенно циничных корреспондентов: Рыклина и Заславского (они живы донныне). Они издевались над моим братом, писали: «вылощенный инженер Залесский». Мой брат на суде был в своей обычной полотняной блузе, но весь его облик хорошо воспитанного человека, красота его душевного благородства, конечно, вызывала у них ненависть и злобу, те чувства, которые испытывает каждое ничтожество, когда оно сталкивается с тем, что прекраснее и выше него. Своим поведением на суде он возмущал судей. — «Ему грозит смертная казнь, а он не раскаивается и отвечает — «Да, всую» — и дает крестное знамение».

Среди подсудимых были: проф. Успенский — известный археолог, епископ Филипп и несколько духовных лиц, а из светских: 1) мой брат; 2) студент политехникума Вадим Пивоваров 22-х лет; 3) его друг, офицер, который получил золотое оружие в войну 1914 г., Мясоедов Сергей и 4) один мелкий служащий из г. Рославля Вячеслав Демидов.

Последний воспитывал двух малолетних братьев. В Рославле, в семье своей невесты, он сказал, что церковные имущества отнимали не для голодающих, а для уплаты контрибуции Польше, после неудачной войны 1920 г. Собственно, он сказал то, что через год писалось официально. Эти слова были переданы его соперником. У Демидова сделали обыск. При обыске обнаружили, что он одно время был белым офицером. И его присоединили к этому же суду. Я упоминала, что у него было два брата. Один из них, 11-летний мальчик, когда после обыска оставили опечатанной часть бумаг старшего брата, желая его спасти, вынул их и сжег. Этот факт был также поставлен в вину подсудимому, хотя он к этому был абсолютно непричастен — он уже тогда был арестован.

* * *

В конце суда слово было предоставлено подсудимым. Говорил епископ Филипп. Суть его речи сводилась к тому, что он признавал, что верующие поступали неправильно. Он говорил, что большевики идут к христианской цели, путем, который правильнее. Они, как и христиане, стремятся к равенству и общему благу. (Впоследствии архиерей говорил, что он произнес подобную речь под давлением, будто бы его вынудило сказать такую речь обещание, которое ему было дано, что ежели он произнесет подобную речь — не будет ни одной смертной казни. Насколько это правда, остается на его совести. Если это так, то власти и тут сделали очередное предательство — они солгали).

Брат мой просил помилования ради детей.

Четверых приговорили к смертной казни:

1) моего брата;

- 2) студента Пивоварова;
- 3) офицера Мясоедова;
- 4) Демидова (последнему было 23 года).

Брату было предъявлено абсолютно лживое обвинение о якобы связи с границей и организации мятежа в смоленском соборе.

Пивоваров, студент, пострадал потому, что, когда начали отбирать церковные ценности, он написал своему другу Мясоедову, что «тигры из Кремля грабят народное имущество». Это письмо было перехвачено. В квартиру, где жил Пивоваров, под видом уплотнения, была вселена наблюдательница.

Мясоедов пострадал потому, что ему было направлено письмо Пивоварова, и за то, что он приходился племянником полковнику Генерального штаба Мясоедову, который был обвинен вместе с Сухомлиновым в шпионстве и казнен царской властью в 1916 г.

О последнем — Демидове — я уже говорила. Его привезли из Рослава в Смоленск, присоединили к этому процессу и приговорили к смертной казни.

Остальные все: и проф. Успенский, привезший и распространивший послание патриарха Тихона, и духовенство с членами духовного Совета, восставшие против отобрания церковного имущества, и архиерей, и толпа, которая дралась во время отбирания ценностей, — все были совершенно оправданы.

Когда брату произнесли приговор, он быстро провел рукой по лицу и голове.

Целый ряд учреждений послал в Москву просьбу о помиловании, в том числе студенты Политехникума, рабочие подведомственных Володе предприятий. Администрация ставила на телеграммах визу: «Помещик, дворянин». Это и была его единственная смертная вина.

Оказывается, все эти просьбы о помиловании от отдельных лиц и учреждений не только не облегчали участи осужденного, но являлись самым тяжелым обвинением против него. Одна женщина (Е.М. Левыкина), которая сумела путем большой взятки спасти своего мужа, говорила, что то лицо, которое взялось спасти ее

мужа, потребовало, чтобы она скрыла все те просьбы о помиловании, которые были написаны в защиту его. Популярность намеченной жертвы является самым тяжелым обвинением против нее и делает спасение невозможным.

Одна старая большевичка, связанная в первые годы революции со многими видными деятелями того времени (она была большим другом Бухарина), объяснила, что для основателей Советского Государства были особенно опасны люди, выдающиеся своими моральными и интеллектуальными качествами, если они не стояли на платформе большевизма. Такие люди невольно пользовались, в силу своего превосходства, уважением окружающих, следовательно, такие люди представляли собою силу, около которой могли сгруппироваться одинаково мыслящие люди. Чем такие люди были лучше, тем скорее они должны были быть уничтожены.

Порочные и бездарные люди не были опасны, их легко можно было высмеять, дискредитировать и смеяться с грязью.

Этим и объясняется, что в первую очередь и были расстреляны такие выдающиеся педагоги, как Алферовы в Москве, такие передовые члены Управы, как Щепкин, в Смоленске педагог Павловский и т.д.

Смоленские евреи говорили, когда узнали об осуждении брата: «Ему надо было с нами в мире жить». Ведь большинство из них было подрядчиками, а поскольку он стоял во главе всей промышленности Западной области и мешал им красть и не брал никаких взяток, он был им бельмом на глазу.

Когда четверых смертников отделяли от остальных подсудимых, брат подошел проститься к архиерею и принял от него благословение. Это было 16 августа 1922 г.

Приговоренных к смертной казни перевели в тюрьму, так называемую «Американку», которая находилась в южной части Смоленска, за костелом, между Рославльской и Старой Киевской дорогой. В Москве я хлопотала. 1 августа, в день начала суда, у меня в Перхушковской

больнице родился сын Федя. Через несколько дней я получила присланное мне с железнодорожным служащим письмо, в котором мне сообщалось, что из Володи сделали главное обвиняемое лицо процесса и что ему угрожает смертная казнь. На 5-й день после Феदिного рождения я приехала поздно вечером в Москву и начала хлопотать. Первое — я обратилась к Рамзину. Рамзин занимал тогда высокое положение и по работе был близко связан со Смилгою. Я не знаю, какое положение занимал Смилга, но знаю, что по работе он был близко связан и с наркомом Красиным. Рамзин принял очень близкое участие. Смилга был тогда за границей, но со дня на день ждали его приезда. Действительно, он вернулся до окончания процесса. Рамзин, после разговора с ним, обнадежил меня, что Смилга сделает все для него возможное. Красин знал моего брата по работе, и я убедилась впоследствии, что он действительно хлопотал. С другой стороны, брат жены моего брата был знаком с профессором Крамером, известным невропатологом, лечившим Ленина. Ленин тогда уже заболел и его нельзя было беспокоить, но Крамер обратился за помощью к его семье. Кроме того, в Москве жил тогда проф. И. Яковлев (историк). Он был соседом по имению Ленина, приятелем с детства Ленина и всей его семьи и постоянно видался с Лениным, Крупской, сестрами Ленина и его братом Дмитрием. Яковлев хлопотал и сказал, что безусловно брата можно будет спасти. Не знаю, вследствие ли этого, но смертная казнь, исполнение которой должно было быть через 72 часа, была отложена на шесть недель.

Как рассказывали те заключенные «американки», которым удалось спастись, смертники на стене камеры нарисовали большое распятие.

В то время, когда смертники были в тюрьме в ожидании казни, к ним по воскресеньям допускались навещать родственники. К Пивоварову под именем его невесты ходила одна девушка. Эта девушка-работница была на суде, пожалела и полюбила Пивоварова. Пивоваров написал в тюрьме стихи, которые и передал ей при свидании.

Казнь была отложена на шесть недель. Они прошли в непрерывной смене отчаяния и надежды. Пожалуй, нас все-таки как-то усыпил этот срок, казалось, что раз казнь отсрочена на такой большой срок, то она и не будет исполнена. Мы успокоились и перестали хлопотать. Как мы горько ошибались. В течение шести недель к моему брату ходили на свидание жена и дети. В то время, кроме Сашеньки, который родился за 10 дней до суда, у моего брата было двое детей: сын Федя 11 лет и девочка Таня 5 лет. Комендант тюрьмы был человечен. Дети с утра прибегали к тюрьме, часами лежали на земле и смотрели в подворотню: они смотрели, ходил ли комендант по двору и куда идут его ноги. Если комендант шел к воротам, то дети надеялись упросить его и он пускал их на свидание с отцом. Володю, как инженера, использовали и в тюрьме на разные работы, так, даже в день смерти, он чинил паровой котел.

Володя, зная, что его семья остается после его смерти без средств, хотел хоть что-нибудь заработать. Так он решил написать там статью по торфу. Володя знал, что этим вопросом занимается в Смоленске его помощник инж. Оглоблин. Володя просил свою жену зайти к Оглоблину и спросить его, не будет ли он иметь что-либо против, если он опубликует такую статью. Оглоблин был настолько жесток, что осужденному на смерть он отказал: «Нет, нет, — сказал он, — ведь я сам хочу писать об этом».

Дети часто бегали к тюрьме, но не так часто им удавалось видеть отца. Когда семья приходила на свидание, жена брата, Верочка, все уговаривала Володю, что его старшего сына, тогда 11-летнего мальчику, надо отпустить в Москву учиться. Его брала к себе мать Верочки и ее брат. Но отец (мой брат) все просил его еще оставить, последнее их свидание было 1 октября. 30 сентября, накануне, был окончательно подписан к исполнению смертный приговор. Подписывали его в Москве Енукидзе, Милютин и Калинин, подписывая, сказал: «Красин хлопочет за него как за выдающегося инженера, но он нам вреден как человек».

Этот окончательный приговор был получен в Смоленске вечером в воскресенье 1 октября, как раз в день этого последнего свидания. Конечно, мой брат, да и никто, не знал. Но в этот день, прощаясь с сыном, он благословил его и сказал, что он может уезжать в Москву. В этот день он все смотрел на свою маленькую девочку, все заставлял ее вокруг себя бегать и говорил: «comme elle est gentille» (как она мила). Он говорил по-французски, чтобы она не поняла.

2-го октября в 3 ч. дня брат был во дворе тюрьмы с некоторыми другими заключенными, он что-то там чинил, когда подъехал черный ворон и вышла стража. Их, четырех смертников, вызвали и начали им читать приговор. Потом, как полагалось, список всех личных вещей (одежды), которые будут возвращены их родственникам после их смерти. В конце этого списка они должны были расписаться. Как говорили очевидцы, мой брат во время этой процедуры был совершенно спокоен и безучастен. Он обратил свои глаза к небу. Их посадили в черный ворон и повезли по старой Киевской дороге. Дальше я буду говорить то, что я знаю со слов коменданта трибунала, присутствовавшего при казни, и мальчиков, пасших коз, которые наблюдали все, спрятанные в кустах.

Через некоторое время «Черный ворон» сломался и они продолжали путь пешком. Место казни было в овраге, поросшем по склонам ольховыми кустами. Приведя их на место казни, их заставили, как обычно, копать себе могилы. Когда могилы были готовы, брат попросил разрешения молиться. Он стал на колени и так углубился в молитву, что его товарищи-смертники стали его торопить. Тогда он поцеловал землю и, обратясь к своим убийцам, сказал: «И вашей советской власти я не хотел никакого зла, но если я сделал зло, пусть простят меня», и после этого он сказал: «Я готов». Он упал сразу.

Студента Пивоварова почему-то не могли убить сразу: раненный, извиваясь, он проклинал их.

* * *

Этот же комендант рассказывал. По другому процессу (ведь их в первые годы революции было очень много) была осуждена княжна Щербатова, молодая, красивая девушка. Она шла к месту казни с комендантом трибунала. Идя с ним, она вспоминала свое детство, юность. Ему стало так ее жалко, что он зашел сзади и незаметно для нее выстрелил ей в затылок.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

LES EDITEURS REUNIS

ПРЕДЛАГАЕТ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ

* * * * *

Иеромонах ДАМАСКИН (Орловский). — Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия.
Жизнеописания и материалы к ним.

Кн. 1. Тверь, 1992, 237 с. 120.-

Кн. 2. Тверь, 1996, 527 с. 120.-

* * *

Заказы направлять по адресу: LES EDITEURS REUNIS
11, rue de la Montagne Sainte Geneviève
75005 Paris, France
Tél.: 43-54-74-46; Fax: 43-25-34-79

Митрополит Одесский Анатолий. 1935 г.

Протоиерей Николай ДОНЕНКО (Ялта)

МИТРОПОЛИТ АНАТОЛИЙ (ГРИСЮК)

Митрополит Анатолий Грисюк (в миру Андрей Григорьевич) родился 20 августа 1880 г. в г. Ковеле Волынской губернии в семье украинских мещан. Отец был чиновник, уездный казначей. Жили бедно, собственности не имели никакой. У Андрея было две сестры: Раиса и Мария.

Отец умер в 1905 г., а мать в 1917 г.

В 1900 г. Андрей Грисюк окончил Волынскую Духовную семинарию и поступил в Киевскую Духовную Академию.

В 1903 г. был пострижен с именем Анатолий и рукоположен во иеромонаха митрополитом Городнецким Флавианом.

В 1904 г. иеромонах Анатолий окончил Киевскую Духовную Академию, стал профессорским стипендиатом. А в 1908 г. — магистром богословия. К наукам у иеромонаха Анатолия способности поистине замечательные. Знает языки — французский, немецкий, английский, греческий и латынь. Его научный интерес сосредотачивается на изучении сирийского монашества до арабского нашествия. Работает с древними рукописями в патриаршей библиотеке Константинополя в течение двух лет. Результаты его научных трудов высоко оцениваются специалистами (в числе отзывов был такой: «Тема полностью исчерпана»).

В 1911 г. — Грисюк уже архимандрит и доцент Киевской Духовной Академии. В 1912 г. — экстраординарный профессор. В том же году его переводят в Москву и назначают инспектором Духовной Академии.

В 1913 г. в Москве совершается хиротония архимандрита Анатолия во епископа Чистопольского, второго викария Казанской епархии, и он назначается ректором Казанской Духовной Академии. Хиротонию совершал митрополит Макарий Невский.

После того как советская власть декретом отделяет Церковь от государства и издает указ о закрытии всех Духовных Академий, ректору Казанской Духовной Академии удается сохранить академию еще на полтора года. Формально подчинившись закону, владыка Анатолий нашел юридическую уловку, благодаря которой жизнь академии продолжалась. Дело в том, что, запретив официально духовное образование, советская власть еще разрешала получение частного религиозного образования. И вот вся академия полным профессорским составом и со всеми студентами, сохраняя программу и прежнюю структуру, стала заниматься как бы частным порядком. На частных квартирах собирались студенты, слушали лекции, писали рефераты, получали оценки. Преподаватели так же, как и раньше, ходили на работу, только теперь на частные квартиры, а не в академию. Все исправно получали жалованье и отчитывались за проделанную работу.

При закрытии академии удалось сохранить некоторую сумму денег, которая и являлась основным фондом заработной платы. Группы были небольшими, по 20-30 человек. Никому подобные собрания не бросались в глаза, все шло тихо. Учебный процесс продолжался. Каждый семестр владыка Анатолий докладывал Святейшему Патриарху Тихону о результатах учебного процесса, получал материальную помощь от патриархии. Только через полтора года чекисты, случайно наткнувшись на подобный отчет, вскрыв присланный Патриарху еп. Анатолием пакет, пришли в негодование и изумление, как это может быть?! Все академии и семинарии закрыты, а в Казани все как ни в чем не бывало. Срочно последовала бумага из столичных органов — разобраться на месте, что происходит. Почему Казанская Духовная Академия, вопреки имеющимся декретам власти, не была академическим советом ликвидирована?

26 марта 1921 г. владыку Анатолия Грисюка впервые арестовали. Власти пытались обвинить его в неподчинении советским постановлениям, но формально ректор академии оказался неуязвимым. Закон не был нарушен.

Все же его осудили на год принудительных работ с учетом срока предварительного заключения. Через девять месяцев владыка вышел на свободу, и был назначен епископом Самарским и Ставропольским.

24 февраля 1923 г. последовал второй арест владыки. Самарское отделение ОГПУ по чьей-то наводке совершило обыск у еп. Анатолия в епархии. Было обнаружено антисоветское воззвание, написанное от имени еп. Анатолия, но ему не принадлежащее. Полгода владыка провел в заключении, прежде чем удалось доказать, что он не имеет никакого отношения к этому возванию.

4 августа 1923 г. его освободили.

В сентябре 1923 г. владыка Анатолий возведен в сан архиепископа, но уже 18 сентября того же года его опять арестовало то же самарское ОГПУ. Обвинение предъявили по тому времени традиционное — распространение антисоветских слухов. Был осужден и административно сослан в Туркмению на 3 года. Ссылку отбывал в Красноводске.

Несмотря на все потрясения и невзгоды, так обильно посетившие архипастыря, он не утратил ни бодрости духа, ни научных интересов. Письмо, отправленное из Красноводска профессору А.И. Бриллиантову, ярко свидетельствует об этом. Поводом послужило 25-летие со дня смерти В.В. Болотова, которого владыка весьма чтит за его огромный вклад в историческую науку. Приведем несколько цитат из этого письма от 4 марта 1925 г.

«А что до нас, мы теперь не столько изучаем древнецерковную историю, сколько являемся жертвами трагизма новейшей русской церковной истории. Служебная и неслужебная одиссея поставила нас далеко от библиотек... Очень любопытно было бы узнать, — каково состояние науки древнецерковной истории в Европе после войны и какие открытия, капитальные издания и крупные исследования можно там отметить. Сколько томов издано Эд. Шварца — актов древних соборов вышло за это время? Чем подарил науку старый знакомый (по книгам) Ад. Гарнак? Каково состояние вопроса о несторичанстве! Нестория в связи с его «Книгой Ираклида»?

Кстати скажу, что Ваша собственная брошюра Юнгласа о лжеучении Нестория сейчас у меня. Я ее перечитал не раз, и у меня есть охота сопоставить ее тезисы и соображения с соответствующими страницами В.В. (Болотова). А что некий гражданин Алядвин, собиравшийся открывать новооткрытого Нестория под руководством И.Д. Андреева, продолжает заниматься этим вопросом или бросил эту тему при новых условиях жизни?

Другой вопрос, который меня интересует, — это о противопоставлении монофизитской литературы второй половины V и первой VI в. (до Леонтия В.). Хотелось бы отыскать следы и остатки этой литературы... Как писавшему по истории сирийского монашества (до арабского нашествия), мне интересно было бы знать о параллельных или последующих работах в этой области, о 2 томе Шивица, где часть страниц была отведена монашеству Сирии... У нас за это время, кроме гностического памятника Авгахаф, кажется, — ничего не издано, что и понятно. Мы делаем историю, а не пишем ее: 1923 год в нашей церковной истории напомнил нам 449-й. А теперь говорят даже о 8-м Вселенском Соборе? Все теории акривии и крайней икономии представлены у нас в лицах. Иной раз думаешь — не грозит ли русскому православию печальная участь древнесевероафриканской или древнесирийской церкви, притом от причин не столько внешних, сколько внутренних, унаследованных от прежнего периода нашей церковной истории. Будущий поместный собор, если он состоится в ближайшее время, будет очень бурным. Когда утихомирится взволнованное море, когда выйдет из испытания истории наша родная церковь, — ведомо одному Богу, Которому и будет молиться Ваш покорный слуга».

В августе 1925 г. владыка подвергся новым испытаниям, тяжелая болезнь — ущемление грыжи; пришлось пойти на операцию, которая прошла не совсем удачно и тяжелые последствия которой ликвидировались медленно. А впереди еще два года ссылки, вдали от церковной и научной жизни, да и от квалифицированной медицинской помощи.

Из ссылки архиепископ Анатолий вернулся в 1927 г. Временно проживал в Москве.

Авторитет владыки был во всех отношениях неизменно высоким. Его мнение по текущим церковным вопросам ставилось чрезвычайно высоко. 29 июля 1927 г. архиепископ Анатолий Грисюк подписывает совместно с другими выдающимися архиереями Русской Православной Церкви декларацию митрополита Сергия Страгородского о лояльности к советской власти. Декларация ставила своей целью сохранение церковной организации и литургической жизни, которая должна осуществляться, невзирая ни на гонения, ни на нестроения. Подписи поставили и будущие мученики-исповедники — Патр. экзарх Украины митр. Михаил (Ермаков), митр. Константин (Дьяков), архиеп. Харьковский, будущий экзарх Украины и будущий патриарх Алексей (Симанский) и многие другие.

В 1928 г., когда ленинградский митр. Иосиф (Петровых) отказался ехать на новую кафедру в Одессу, куда его Синод хотел перевести в связи со смутой в Ленинградской епархии, архиепископа Анатолия Грисюка назначают на Одесскую кафедру. В том же 1928 г., 12 января, по поручению митр. Сергия (Страгородского) и Священного Синода владыку Анатолия отправляют совместно с другими членами Синода — архиеп. Вологодским Сильвестром (Братановским), архиеп. Севастьяном Костромским (Вести) — в Ростов для увещевания митр. Иосифа (Петровых), чтобы в личной беседе, которую они имеют, должным образом провести, запросить и протоколировать: а) с его ли ведома, согласия и благословения преосвященный бывший Гдовский Димитрий и бывший Копорский Сергей распространяют обращения и воззвания к пастырям и пасомым с призывом порвать молитвенно-каноническое общение с заместителем Патриаршего Местоблюстителя и единомыслящими с ним епископами, обвиняя последних в утрате чистоты православия и церковной свободы и призывая верующих объединиться около одного, якобы, православного митр. Иосифа (Петровых); б) признает ли

митр. Иосиф приведенную выше резолюцию от 25 декабря 1927 г. и т.д. и отмежевывается ли от епископов раздорников и всего их «самочинного сборища» и от всей происходящей церковной смуты. От митр. Иосифа члены Синода должны получить подтверждение о его молитвенно-каноническом общении с высшей церковной властью в лице Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Патриаршего Священного Синода и о неизменном им послушании. По докладу владыки Анатолия, архиеп. Сильвестра и Севастиана, иметь о нем суждение. Увы, ни уговоры, ни братские увещания не возымели должного действия. Митр. Иосиф (Петровых) остался непреклонен.

Владыка Анатолий принимает активное участие в разборе всех церковных смут и расколов, которых в то время было много. Занимает всегда каноническую позицию, ищет всегда примирения и церковного согласия. Цель — во что бы то ни стало избежать раскола. Ведь даже мученическая кровь не омывает столь тяжкий грех, когда под воздействием страстей, под действием политических и других соблазнов разрывается хитон Христов, рассекается тело Христово.

17 мая 1928 г. владыка Анатолий принимает участие в разборе Ярославского дела митр. Агафангела (Преображенского), и тех, кто был с ним связан. Во многом смуты сеялись врагами Церкви, такими как Е. Тучков. И везде требовался большой опыт и мудрость, чтобы отличить, где действуют враги Церкви, а где просто недоразумение, порожденное смутным временем.

С 1928 года владыка Анатолий — член Временного Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском).

В Одессу владыка попал в очень тяжелые годы. Инспекторы по религиозным культам НКВД Вышегородский, а затем Баранович издевались над святителем вволю, не имея ни в чем прегрешения. Часто владыку вызывали поздней ночью, что в те времена было почти обычно, немедленно явиться в НКВД на Малоразмеевскую улицу. Иногда, в большие праздники во время

богослужения, являлись работники НКВД с таким же требованием.

Кроткий и смиренный в обычное время, владыка умел ответить строго и со властью так, что посыльные, чувствуя силу и величие духа святителя, до времени отступали. По окончании продолжительной службы владыка, приехав по вызову в НКВД, просиживал до глубокой ночи еще полтора-два часа в приемной, и наконец, когда его принимали, уже поздней ночью, разыгрывался бесовский концерт. Баранович истово орал на святителя, топал ногами, оскорблял. Подобные «встречи» не были редкостью.

Но тяжелой всего было владыке видеть, как арестовывают лучших священников г. Одессы, уничтожают святыни. На глазах владыки Анатолия были взорваны величественный кафедральный Преображенский собор и храм Архистратига Михаила при Девичьем монастыре, военный Свято-Сергиевский собор и храм Святителя Николая.

21 октября 1932 г. владыка Анатолий получил сан митрополита, а также был выдвинут кандидатом на освободившийся пост Экзарха Украины. Но по своей скромности он уклонился.

По прибытии в Одессу владыка Анатолий с первых же дней стал оказывать особое внимание религиозно настроенной молодежи. Образовалась группа, привязанная к архиерею особенной любовью. Много любви и трудов отдал владыка своим любимцам, желание его было — подготовить их к иерейскому сану. Но события надвигались трагически. Впоследствии многих из его духовных чад арестовало НКВД.

В 1934 г., будучи проездом в Киеве, владыка зашел к схииериепископу Антонию Абашидзе. Там он застал епископа Парфения Брунских, святители в последний раз встретились в этой жизни. Через несколько лет епископ Парфений будет арестован и замучен.

В 1934-1935 гг. владыка Анатолий — временно управляющий Харьковской епархией. В 1936 г. он снова в Одессе. Перед самым арестом власти запрещают ему совершать богослужения.

Арестовывают митрополита 8 августа 1936 г. Через несколько дней, 13 августа, в теплушке, его перевозят в Киев. В Киеве его протомили в очень тяжелых условиях 4 месяца. Там он снова заболел язвой желудка и осложнением на ноги. Еще во время первых арестов владыке повредили челюсть, так что на всю жизнь осталась дефект речи. Когда по особому ходатайству Экзарха Украины митрополита Константина перед высылкой владыке Анатолию разрешили свидание с сестрой Марией Григорьевной, то его к ней вели под руки, он почти не владел ногами.

16 декабря 1936 г. его переводят в Москву. Обвиняют владыку в преступлениях, предусмотренных ст. 54¹⁰, «выражающихся в том, что он систематически проводил контрреволюционную работу, используя в этих целях религиозные предрассудки отсталой части населения».

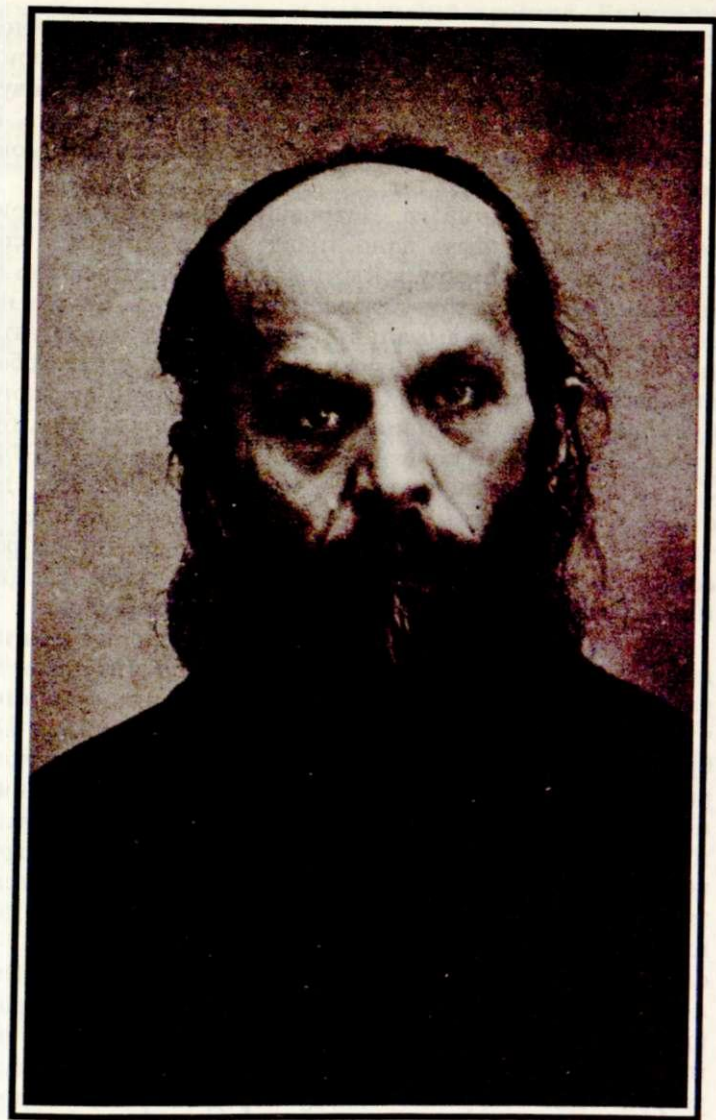
21 января 1937 г., заслушав дело, особое совещание НКВД постановило — Грисюка Анатолия Григорьевича за контрреволюционную деятельность заключить в исправтрудлагерь сроком на пять лет.

Несмотря на очень тяжелое состояние и ходатайство сестры, владыку отправляют этапом. Часто святитель оказывается с уголовниками, которые его систематически обкрадывают. Больного архиерея буквально прикладами гнали пешком от стоянки к стоянке, не давая даже краткого отдыха. Когда он падал замертво, его поднимали на грузовик, но лишь только он приходил в себя, снова силой заставляли идти пешком.

В июле 1937 г. владыка заболел крупозным воспалением легких. О нем непрестанно беспокоится сестра Раиса Григорьевна Громадская.

11 июля 1937 года она пишет письмо в ГУЛ НКВД.

«Мой брат, 57 лет, арестованный 8 августа 1936 г., в настоящее время находится в Кылтовской сельхоз колонии (АССР Коми), давно уже болен язвой желудка, миокардитом, затяжным бронхитом. В настоящее время, кроме этих хронических заболеваний, он заболел крупозным воспалением легких. Ввиду того, что моя сестра, сама страдающая миокардитом и базедовой болезнью, не

1936 г. Фото сделано в заключении

может ни жить, ни путешествовать самостоятельно, прошу разрешить сопровождать и допустить на территорию сельхоз колонии гр. Варвару Яковлевну Петрову. Гр. Петрова, хотя и не является нашей родственницей, в течение 9 лет по трудовому договору обслуживала мою сестру и брата.

Если разрешение гр. Петровой сопровождать мою сестру не может быть дано, прошу разрешить мне сопровождать мою сестру в Кылтово, а равно разрешить и мне свидание с братом». Разрешение не дали. Сестра не оставляет хлопот и вымалывает возможность передавать митрополиту Анатолию горячую пищу, т.к. у него обострилась язва желудка. Между тем «строители светлого будущего» исправно принуждают митрополита Анатолия к общественно полезному труду. В карте № 77237/П Ухто-Печорского исправительного лагеря НКВД, где отмечаются зачтенные рабочие дни заключенного, есть такие записи о заключенном Грисюке. «Работает добросовестно, к инструментам относится бережно. Дисциплинирован. Качество работы удовлетворительно».

Это запись за апрель, май, июнь. Но уже с октября по декабрь другая: «Работу выполняет на 62%. По старости работает слабо, но старается». Чуть позже читаем о том, что заключенный Грисюк к инструменту относится небрежно, норму выполняет на одну треть, к физической работе непригоден. В конце 1937 г. владыка Анатолий почти теряет зрение. Чувствуя приближение конца, просит допустить на предсмертное свидание сестру, которая добралась к этому времени до этого этапа. 8 сентября 1937 г. начальник Ухтпечлага Черномский разрешает трехчасовое свидание. Но уже 10 сентября 1937 г. следует отказ в свидании того же Черномского. Это похоже на издевательство. Всегда сдержанный и кроткий, владыка пишет сестре: «Умоляю тебя, прими все меры, даже сверх возможные, добейся, умоли, упроси, устрой наше свидание. Жажду перед смертью увидеть родное лицо и благословить тебя...»

Свидание так и не состоялось. Перед самой смертью к владыке, уже агонизирующему, пришли с требовани-

ем отдать Евангелие и нательный крестик. Евангелие забрали, а крестик владыка чудом отстоял, повернувшись на живот и держа его обеими руками.

Митрополит Анатолий преставился 57 лет отроду 23 января 1938 г. от отека легких и декомпенсации миокардита в 17¹⁰, как это записано в лагерном акте.

Закончилась жизнь священномученика, — выдающегося иерарха Русской Православной Церкви, члена Синода, замечательного историка и богослова, доктора богословских наук, неутомимого борца с расколами за единство Церкви, оставившего нам множество трудов и удивительный пример верности Христу и Его Церкви.

Когда совершалась архиерейская хиротония, на владыку Анатолия откуда-то сверху упал свет, образуя дивное сияние вокруг его головы. Присутствующие на богослужении были поражены чудным явлением, видя в нем милость Божию и призыв к особому служению, которое он совершал, до конца претерпев все скорби и гонения, и сохранив в себе свет Христов.

ПРОТОИЕРЕЙ РОМАН ИВАНОВИЧ МЕДВЕДЬ

Роман Иванович Медведь родился в местечке Замостье Холмской губернии в 1874 г. в семье мещан. Отец Романа был учителем прогимназии, мать же повивальной бабкой, что не раз в последующие голодные годы спасало семью. Когда Роману было 7 лет, родители переехали в Грубешов в той же Холмской губернии. Самым старшим из детей был Яков, через 2 года родился Роман, затем Мстислав, Ольга, Василий (умер в детстве), Шура и Миша. В 1892 г. Роман окончил Холмскую Духовную семинарию, а в 1896 г. Санкт-Петербургскую Духовную Академию. После окончания был назначен инспектором Виленской Духовной семинарии.

В 1900 г. Роман Иванович женится на дочери благочестивого священника о. Николая Невзорова Анне Николаевне, которая только что окончила медицинские курсы. Для характеристики духовности семьи о. Николая Невзорова и его личности скажу только о его блаженной кончине. Во время божественной литургии, причастившись Св. Таинств, он вышел к народу и сказал: «Со страхом Божиим и верою приступите», вернулся в алтарь, преклонил колени перед Престолом со Св. Дарами и мирно почил. Брат Анны Николаевны о. Павел после длительных заключений сподобился мученической кончины в 1937 г.

Венчались Роман Иванович и Анна Николаевна по благословению о. Иоанна Кронштадтского. С этого времени о. Иоанн становится духовником и Анны Николаевны. Молодая чета постоянно переписывалась с кронштадтским старцем и часто приезжала в гости. Все в семье Медведь делалось по благословению о. Иоанна. В то время Роману Ивановичу было 26 лет, Анне Николаевне — 22 года.

Впоследствии о. Роман часто служил с праведником земли Русской, и во время евхаристического канона он

неоднократно видел о. Иоанна Кронштадтского приподнимающимся над полом, как бы парящим в некой дымке. Об этом рассказывал сам о. Роман своей духовной дочери Елизавете Грошевой, которая скончалась в начале 90-х годов.

В марте 1901 года Роман Медведь рукоположен в Чернигове владыкой Назарием (Блиновым) во иерея и направлен в Черниговскую губернию священником при Крестовоздвиженском братстве известного помещика Неплюева. Но там о. Роман не задержался, пробыл всего лишь год. Болела жена, но главное — устав братства и требования Неплюева к священнику не соответствовали церковным канонам. Все братство устраивалось скорее по социалистическим толстовским представлениям, нежели по христианским. Сам Неплюев хотел видеть в православном пастыре только требоисполнителя, который не может и не должен вмешиваться в жизнь общины, нравственно влиять на братчиков. Более того — это отчасти даже предусматривалось уставом.

Впоследствии, еще при жизни Неплюева, братство, которому он посвятил всю свою жизнь, огромную энергию и значительный капитал, распалось окончательно, как бы подтвердив тем евангельскую истину, что на песке социальных утопий ничего доброго построить нельзя. Да и в самой деятельности братства не со всем могла мириться совесть православного священника, в частности, с производством спирта. Разумеется, это дурно влияло на духовную атмосферу, никто из предыдущих священников здесь не задерживался, некоторые жаловались архиерею. И о. Роман, осмотревшись и поняв, что здесь и как, написал обстоятельное письмо в Св. Синод, почему священник не может жить в этом братстве.

В 1902 г. о. Романа переводят в Петербург. В церкви равноапостольной Марии Магдалины о. Роман организует общество трезвенников, говорит проповеди, устраивает приходскую жизнь — все делает по благословению о. Иоанна Кронштадтского. Так продолжается до 1907 г. Но здоровье Анны Николаевны ухудшилось, требовался более здоровый климат, и они переезжают в

Крым. Отец Роман назначается настоятелем Св. Владимирского Адмиралтейского собора в Севастополе, становится протопресвитером всего Черноморского флота. В его подчинении Успенский храм и Свято-Никольский, что на Северной стороне, и 50 священников на кораблях. Живут на улице Екатерининской, совсем рядом с Св. Владимирским Адмиралтейским собором. Отец Роман путешествует с эскадрой, посещает Грецию, Италию, побывал у мощей св. Николая.

В 1912 г. грянула буря — восстали матросы на линкоре «Св. Иоанн Златоуст». Будучи на своей даче за 15 км от Севастополя, о. Роман, как только услышал о случившемся, срочно приехал в город. Настоял на индивидуальной исповеди всех приговоренных к смерти матросов. Всю ночь сам исповедовал и причащал. Закончил буквально перед расстрелом. После этого ночь не спал, был бледный и долго не мог успокоиться. Через некоторое время матросы утихомирились. Начальство поинтересовалось у о. Романа, можно ли выдать матросам оружие; последовал утвердительный ответ: «Можно, настроение у матросов здоровое».

После окончательной ликвидации революционных очагов командующий флотом интересовался мнением протопресвитера, надо ли вводить тайную полицию в среду матросов для выявления подстрекателей и вообще настроения команды. Отец Роман, пользуясь своим авторитетом, воспротивился этому предложению, уверил командование, что духовный климат на флоте изменился и подобные меры будут излишними. И тайная полиция не была введена. Для окончательного успокоения матросов, чтобы развеять революционную романтику и прекратить революционные брожения, о. Роман написал и выпустил брошюру о дисциплине и товариществе на флоте, где шла речь об основах православия, через призму которых надо смотреть на общественную и политическую жизнь, о соблазнах революции и т.д. Впоследствии все это будет предъявлено о. Роману Медведю следователем НКВД как контрреволюционная деятельность, прозвучит обвинение даже в том, что он

исповедал индивидуально матросов и тем самым подрывал их веру в «правду» революции. На самом же деле о. Романа допустили исповедовать только после суда, когда приговор был уже вынесен. К тому же о. Роман сделал все, чтобы не были наказаны невинные и чтобы не умножалась болезненная подозрительность.

Протопресвитер Роман Медведь. 1915 г.

К этому же времени относится примечательный случай во Владимирском соборе. Во время службы в храме помогали матросы, специально сюда прикомандированные. Некий матрос по фамилии Докукин был замечен в краже церковных денег. Настоятель распорядился отправить его обратно на корабль и сообщил начальству о причине. Разумеется, Докукину это не понравилось. Более свободная жизнь при храме и возможность время

от времени поправлять свое материальное положение за счет церковной кружки не шло ни в какое сравнение с жизнью на корабле. Докукин затаил лютую ненависть к о. Роману, и только в 1918 г. представилась возможность отомстить ненавистному священнику. Матрос Докукин стал революционером и подговорил матросов убить о. Романа как реакционного попа. Энтузиастов нашлось достаточно, но убийство решили отложить до Рождества. Боялись, что если не появится на службе любимый многими протопресвитер Черноморского флота, то им не поздоровится, будет скандал и возможно наказание. Отцу Роману стало известно о злодейском замысле, и по настоянию жены он уехал в Москву сразу же после Рождественской службы, втайне от всех. В тот же день, через несколько часов после того как батюшка сел в вагон, пришли матросы во главе с Докукиным с арестом. Не найдя о. Романа, устроили полный разгром в квартире, штыками проткнули даже матрасы и подушки, как будто он мог там прятаться. Такова была степень злобы. Матушка не признавалась, несмотря на угрозы, говорила, что о. Роман со службы не возвращался и где он сейчас — не знает.

В 1917 г. у о. Романа и Анны родилась дочь Ирина, и вот теперь матушка с младенцем остались одни.

Приехав в Москву, о. Роман сразу с чемоданом пошел к единственному знакомому человеку в городе — Патриарху Тихону. Святейший принял его с любовью, они раньше были хорошо знакомы и поддерживали переписку (отношения сложились еще в Холме, когда Святейший был ректором Холмской Духовной семинарии, где учился о. Роман).

Святейший Патриарх Тихон сразу же назначил о. Романа настоятелем Покровского храма на Красной площади. Буквально накануне был убит прежний настоятель, выдающийся прот. Иоанн Восторгов. В это же время по приглашению Патриарха Тихона о. Роман участвует в работе собора. К этому времени относится воспоминание одной из духовных дочерей.

«Это было в 1919 году, когда я из Петрограда, вынашивая в своем сердце томление религиозных чувств, переселилась в Москву и квартировала сначала вблизи Красной площади. В одно из воскресений меня потянуло в знаменитый храм Василия Блаженного. Войдя в храм, я встала впереди, непосредственно к амвону, и когда вот этот наш самый батюшка вышел на амвон с проповедью, я по-детски не отрывалась от него глазами, слушала, как говорится, разиня рот, животворящие глаголы. Он, в свою очередь, смерил меня глазами, а улыбку мою, которой я так откровенно выражала свое неосознанное удовольствие, право, можно было принять за насмешку (в такое насмешливое над религией время), так она была не к месту. По окончании службы батюшка стоял у раки мощей Блаженного Василия, на которой лежали чугунные вериги святого для нашего их лобызания. Когда приблизилась моя очередь к ним приложиться, батюшка положил руку мне на затылок и крепко прижал голову к одному из крестов чугунных вериг. Под этой тяжестью его руки мое сердце всколыхнулось необъяснимым чувством счастья на земле, такой в то время страшной, всесторонне мучительной по своему неустройству и неопределенности...»

О. Роман был необыкновенно выразителен в речи, его слова были выпуклы, емки, наполнены духовным смыслом личного опыта. Высокий духовный настрой, в котором он пребывал постоянно, передавался буквально всем, кто с ним соприкасался. Был такой случай. Молодой человек, случайно зашедший в храм, услышал проповедь, и она его настолько поразила и тронула, что он по окончании ее сразу же вошел в алтарь и поклонился в ноги священнику. Прот. Роман часто повторял, указывая на распятие: «Господь взял свиток наших грехов и пригвоздил ко кресту». Ксения Александровна Калошина рассказывала, что всегда, подходя к распятию, вспоминала эти слова. О. Роман обладал несомненной прозорливостью. Многие испытывали духовный трепет, идя на исповедь, — казалось, что батюшка уже все знает наперед, и действительно, это часто подтверждалось на

практике. Особенно он обличал, когда кто-то злословил ближнего.

В 1919 г., осенью, в связи с закрытием храма Василия Блаженного, о. Роман переведен в храм св. митр. Алексия Московского в Голенищевском переулке (ныне улица Немировича-Данченко). Отец Роман обладал прекрасным голосом и, будучи академически образованным и богословски начитанным, говорил прекрасные проповеди. Многие, услышав о. Романа однажды, поговорив с ним лично, на всю оставшуюся жизнь оставались его духовными чадами.

Прот. Роман обладал некоей благодатной духовной силой. Мария Яковлевна Калошина вспоминает, как впервые войдя в храм, она услышала возглас, произнесенный о. Романом, и на нее, по ее словам, что-то снизошло, наступило прозрение, память о котором она сохранила до конца дней, оставаясь преданной дочерью однажды выбранного духовника.

Другая женщина, из чад о. Романа, вспоминает: «Промысел Божий привел мое ничтожество к бабушке, который сам тщательно и внимательно старался вылавливать «рыбок из житейского моря». Это выражение я передаю с его же слов, как он сам говорил: «Закинул удочку слова, смотришь и попадутся рыбки Божии в лицах каких-нибудь Ваней, Маней, Таней и др.» И он с усердием прислушивался к духовной жажде всех этих попавших в его мрежи «Ваней», «Таней», «Маней».

Одаренный незаурядными организаторскими способностями, он мудро очищал свою ниву, высказываясь между прочим так: «Из-за отстающих я не считаю возможным задерживать хорошо идущих, именно тех, чьи сердца, как губки, впитывают наставления и претворяют неуклонно в жизнь». Со стороны же о. Романа давалась исчерпывающая возможность для духовного роста уже целой церкви, по серьезности постановки в пору любому уставному монастырю, ибо закон послушания стоял во главе направления. В течение недели он принимал всех на частную исповедь, и по прошествии такого недельного труда, когда у него накапливался

материал, он сообразно с духовным состоянием исповедующихся на частной исповеди, как бы подытоживая, каждую субботу после всенощной проводил общую исповедь с проповедью, в которой касался всего, что требовало исправления и духовного устроения паствы.

В то же время, по благословию Патриарха Тихона, о. Роман учреждает «Братство ревнителей православия». Постоянных братчиков насчитывается не менее двухсот человек, общее число до пяти тысяч. Все это время о. Роман служит ежедневно, самостоятельно совершая вечернее богослужение и литургию. По благословию Патриарха, проповедует во многих московских храмах. Со своей паствой регулярно проводит беседы по три раза в неделю. В воскресенье — обмен мнений, все пришедшие могут задать вопрос и тут же получить ответ. По четвергам — проповедь на евангельскую тему без встречных вопросов, как правило, она посвящалась толкованию Евангелия от Марка для новоначальных или от Иоанна для прихожан и братчиков. По теме этих бесед способные обязывались (за послушание) писать рефераты и вслух их прочитывать. А по вторникам о. Роман проводил беседы специально для молодых людей, которых собиралось немало.

Труд о. Романа этих лет можно поистине назвать титаническим: никакой помощи со стороны, пока из среды самих братчиков не выросли достойные преемники святого дела.

Все в храме делалось бесплатно, все послушания выполнялись по благословию. Идеальная чистота поддерживалась силами подвижниц сестер, был довольно большой бесплатной хор при ежедневных службах утром и поздно вечером (чтобы все могли присутствовать, и работа, и расстояния не помешали), и бесплатные чтецы. С течением времени из своей среды были посвящены в помощь бабушке два священника. Кроткий, тихий о. Сергей Веселов стал верным помощником о. Романа. Умер о. Сергей скоро от болезни крови, еще до разгона и ареста общины. Также был рукоположен Патриархом Тихоном для храма св. Алексия

бывший офицер, юрист Петр Степанович Степанов. Впоследствии о. Петра в 1931 г. заберут вместе с о. Романом. Сестра о. Сергия Александра в 1920 г. приняла монашество с именем Алексия, а Анастасия Лямкина, тоже член братства, постриглась с именем Агафья. Многие другие также принимали монашество, но, как правило, тайное, так что самые близкие не знали об их подвиге.

Прот. Роман назначил старших сестер присматривать за младшими — не по возрасту, а по духовной зрелости, и это никогда не нарушало удивительную атмосферу любви и духовного мира.

Все старшие сестры, кроме одной, были в тайном постриге.

Иван Васильевич Борисов, бывший часовщик, также рукоположен по благословению о. Романа и помогал ему в приходских делах. У батюшки были мечты поставить дело на подлинно монастырский лад при жизни пасомых в миру, но не для мира. Внутри братства царили мир и радость. Все было пропитано любовью и вниманием. Кто преуспел в духовном отношении, помогал новоначальным. Если вопрос оказывался неразрешимым, обращались к батюшке.

Но были искушения: недоверие, злая критика даже со стороны духовных лиц, подозрение в нарушении церковного порядка. Соблазнялись многим. Например, при длинных проповедях по четвергам ставились скамейки для слушателей. Многие соблазнялись тем, что о. Роман одним из первых в 1922 г. среди московских настоятелей ввел помин властей, кстати говоря, по благословению Патриарха. Но от всего этого он нашел защиту в лице своего духовника св. Патриарха Тихона, с которым у него были теплые, дружеские отношения. Святейший Тихон, чтобы защитить свое чадо от нападков духовных и мирских лиц, специально приехал к нему на приход для служения литургии. Послужил, обласкал, благословил и таким образом заградил уста злословящих.

Но скорби не оставляли ревнителя православия. В 1924 г. власти всю семью выбросили из церковной квар-

тиры. Анне Николаевне с дочерью пришлось уехать в Севастополь. Там прожили примерно год и в 1925 г. вернулись снова в Москву. Некоторое время жили у о. Александра Ветелева в Пушкино. Он помог устроить Ирину в школу.

У о. Романа сохранялись хорошие отношения с митрополитом Сергием (Страгородским). Когда вышла известная декларация в 1927 г. и образовался ленинградский раскол под предводительством митр. Ленинградского Иосифа (Петровых), о. Роман написал статью «На Божией ли службе?», где разбирал, как он выразился, «печальнейший документ» — обращение к местоблюстителю митр. Сергию со стороны группы ленинградских священнослужителей и мирян. В нем он рассказывает, каковы должны быть отношения советской власти и церкви. Рассматривает положение древних христиан и их отношение к гонителям, еще раз напоминает, что подлинным главой Церкви является не какой-либо иерарх, праведный или согрешающий, а Сам Христос.

После смерти св. Патриарха Тихона о. Роман становится духовным чадом архиепископа Варфоломея (Ремова).

Все это время идет напряженная духовная работа. Братство привлекает внимание. Еще в 1920–21 гг. приезжает из Ленинграда профессор Военно-Юридической Академии Абрамович-Барановский, знакомится с работой братства, присутствует на лекциях, общается с братчиками, всматривается в их жизнь. Из всего увиденного выносит самое благоприятное впечатление, рекомендует поучиться всем, кто желает устроить свою духовную жизнь. Поддерживает переписку с о. Романом. Обменивается мнениями. Приезжает в Москву второй раз в 1927 г. с той же целью.

Внимание властей также приковано к деятельности о. Романа и его прихода. За весь московский период его служения с 1918 по 1929 г. его арестовывают 15 раз, но всякий раз отпускают через короткое время. Ему приходилось объяснять свои взгляды и церковную позицию даже самому Ф. Дзержинскому. Тучи над храмом о. Романа сгущаются. Все ожидают ареста настоятеля со дня

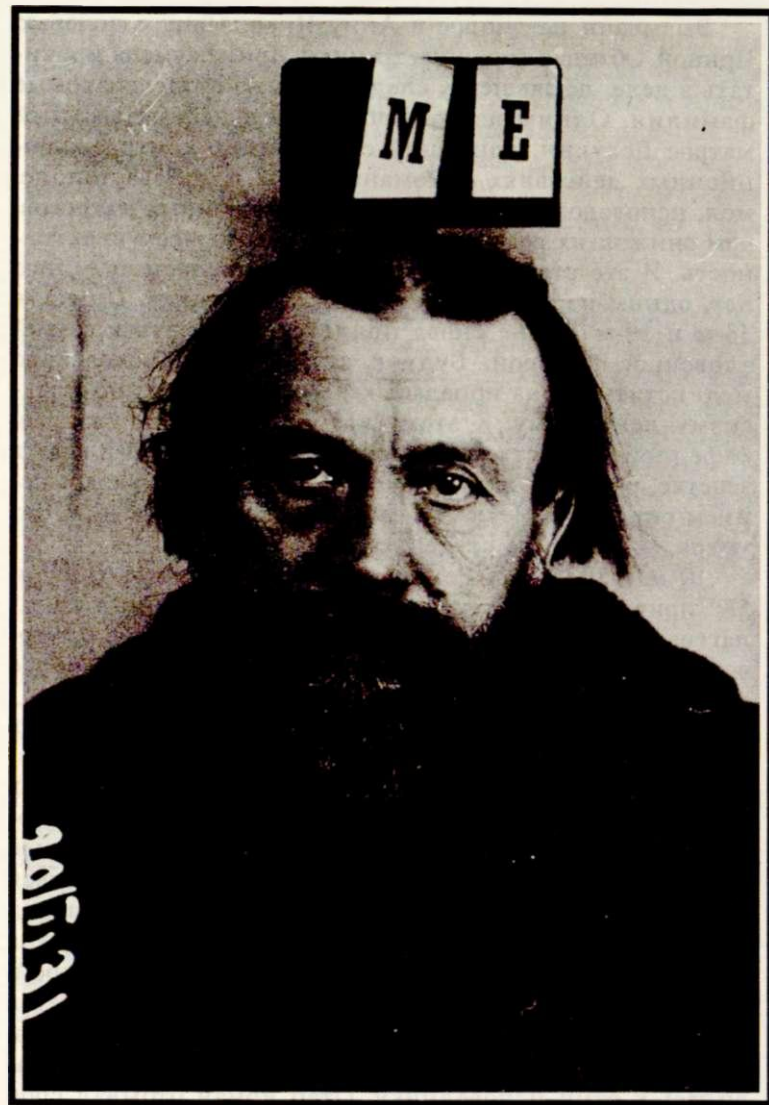
на день. Многие активные братчики принимают тайный постриг по благословию о. Романа. Так, летом 1930 г., 21 августа, иером. Герман тайно постриг в квартире о. Романа по ул. Кожевнической сестер Е.Ю. и Л.Ю. Бергман, В.В. Рейнберг, А.С. Соколову, присутствовали уже постриженные мать Алексея и другие.

Жить в Москве становится трудно, здоровье пошатнулось, духовные чада, имеющие медицинское образование, говорят, что своим пациентам они вообще не разрешили бы вставать, но батюшке можно. И он продолжал переносить все болезни на ногах, потому что, как выражался о. Роман: «Ведь детки кушать просят». В 1930 г. власти выгоняют семью о. Романа на улицу. Батюшку чада переселяют на маленькую дачку (всего одна комната) под Москвой — в Обираловку. Туда же приезжают к нему на исповедь, за духовным советом, на откровение совести.

Процветала община, в своей основе исполняясь духом, а извне все страшнее сгущались над нею тучи.

Благодатная прозорливость о. Романа была известна его чадам, и когда на одной из проповедей он сказал, желая предупредить своих питомцев: «Корабль в опасности, возможно, накануне крушения, кому возможно избежать искушения, примите мое предупреждение во внимание», все были поражены великой скорбью, но единодушно ответили: «Хотим умереть вместе».

Отцу Роману первому пришлось покинуть «корабль», как он сам выразился. В 1931 г. последовал арест. Забрали настоятеля и весь (!) приход, так что храм св. Алексея пришлось сразу же закрыть, поскольку он оказался пуст — ни паствы, ни служителей. Духовное единство было поразительно. Почти все чада о. Романа держались на допросах хорошо. Только м. Алексея сыграла странную роль. Несмотря на то, что на нее был ордер, ее не забрали, и впоследствии она расколола братство. Отец Роман благословил всем окормляемым, кого не забрали, перейти к арх. Варфоломею, но матушка Алексея воспротивилась, и часть братчиков увлекла за собой, но это уже спустя некоторое время.

о. Роман Медведь. 20 февраля 1931 г.

Вызывали на допрос и Анну Николаевну с дочерью Ириной. Обладая хорошим зрением, Ирина сумела прочесть в деле, лежавшем у следователя на столе, знакомые фамилии. Одним из доносчиков был небезызвестный матрос Докукин, донесший следствию о контрреволюционных действиях о. Романа в 1912 г. в Севастополе, мол, исповедовал и увещевал революционных матросов, чем снижал их революционную и богоборческую активность. И это стало, несмотря на то, что прошло много лет, одним из обвинений против священника. Позже, в 38-м и 39-м Ирине снова придется встретиться с этой злобной фигурой. Будучи студенткой Московского мединститута, она попадает к нему на экзамен по марксизму-ленинизму. К этому времени Докукин уже зав. кафедрой общественных наук. Прочитав фамилию в зачетке, он сразу же вспомнил о. Романа и с раздражением спросил: «Неужели ваш отец еще жив?» — «Нет, умер», — ответила студентка.

10 мая 1931 г. о. Романа Медведя по статьям 58¹⁰ и 58¹¹ приговорили к расстрелу, но потом заменили концлагерями сроком на 10 лет. Остальных братчиков приговорили к разным срокам ссылки в концлагерь, не менее трех лет. Почти все чада о. Романа умерли в ссылке.

Отца Романа отправили на Соловки. В 1932 г. дочь получила разрешение увидеть отца, т.к. Анна Николаевна такого разрешения не могла получить. Еще в 1929 г., за два года до последнего ареста, о. Роман благословил матушку развестись с ним и взять девичью фамилию — Невзорова, чтобы она смогла устроиться на работу в случае расстрела о. Романа и не попала под статью «член семьи врага народа». Анна Николаевна устроилась на работу в Боткинскую больницу медсестрой. Это их спасло и дало возможность дочери поступить в мединститут. И вот, получив разрешение проведать отца, 15-летняя Ирина, сопровождаемая матушкой, отправилась к отцу-исповеднику. Отец Роман отбывал срок в системе Беломорканала, работая сторожем, потом счетоводом. В ноябре 1932 г. они достигли Попова острова, где в то время находился отец Роман. Условия жизни

были жуткими, голые нары без матрасов. Священник под арестантскую одежду для тепла подкладывал две подушки — спереди и сзади. Анна Николаевна и Ирина пробыли там три дня, больше оставаться не разрешили. Возвращаясь, видели разные ужасы; до сих пор перед глазами Ирины Романовны осталась незабываемая картина: часовые везут по льду большие сани, на которых штабелем сложены замороженные трупы заключенных.

Через некоторое время о. Романа переводят еще северней — на станцию Кузма. В лагере о. Роман переписывался со своим духовником архиепископом Варфоломеем (Ремовым). К этому же времени относится удивительный случай, рассказанный К.А. Калошиной в декабре 1995 года. Весной 1932 года, когда ей было 25 лет, она смертельно заболела, холод, озноб, температура 40°. Врачи поставили диагноз — воспаление подъязычной железы. В течение 5 суток Ксения Александровна не ела и не пила, шея стала шире головы. Язык невероятно увеличился и стал синим. Врач, как родная мать, заботливо капала на язык воду, стараясь хоть как-то облегчить страдания. Калошина, чувствуя, что умирает, послала записку матери, чтобы та пришла проститься. Но ее не пускали, боялись, что заболевание у дочери инфекционное. Заведующий больницей сказал: «Если Николай Александрович Семашко подпишет разрешение, я пушу». В тот же день Мария Яковлевна нашла Семашко, рассказала об умирающей дочери и невозможности даже попрощаться с ней. Н.А. Семашко тут же достал блокнот и написал записку, чтобы т. Калошину немедленно пропустили. В течение всего этого времени М. Калошина молитвенно обращалась к своему духовному отцу за помощью.

Придя к дочери, она застала ее выздоравливающей. Температура упала и силы стали возвращаться. Оказывается, этой ночью ей было видение — о. Роман, идущий по воздуху в пурпурном облачении с чашей, приближаясь, благословляет болящую Ксению и причащает Св. Даров.

Из ссылки о. Роман возвращается совершенно больным в 1936 г., его отпустили чуть раньше срока умирать домой, дали минус 15.

На Ленинградском вокзале 28 июля встречали о. Романа матушка, дочь и несколько чад. Прописку дали в Волоколамске. Отец Роман почти сразу уехал в Черкассы к старому другу. 25 мая 1937 г. он сломал правую ногу — шейку бедра. Дали телеграмму матушке, и она срочно перевезла его в Малоярославец. Состояние было критическое — тяжелая форма туберкулеза, сложный перелом, организм очень ослаблен.

18 августа 1937 г., чувствуя приближение смерти, о. Роман изъявил желание принять монашеский постриг и был пострижен в мантию игуменом Митрофаном с именем Иосиф. Это тот самый игумен Митрофан, который был келейником иеромонаха Зосимовой пустыни Алексия (в миру Федор Алексеевич Соловьев), который выбирал жребий на патриаршее служение. В Сергиевом Посаде он был арестован, отбыл срок, и потом жил в Москве на квартире проф. А.Ф. Лосева, будучи его духовником. Затем был опять арестован, и после срока сослан в Малоярославец. Через некоторое время после смерти о. Романа игумена Митрофана опять арестовали.

Все это время прот. Зосима, служивший в Малоярославце, причащал о. Романа практически каждый день. Сам прот. Зосима побывал в ссылке, и после смерти о. Романа его снова арестуют и сошлют.

Незадолго до смерти о. Романа к нему приходили, чтобы снова его арестовать. Он уже не вставал, при НКВДистах случилось кровохарканье. Анна Николаевна без смущения сказала: «Забирайте, он вот-вот умрет, и мне не надо будет его хоронить». Они потолкались в дверях и ушли. Забирать умирающего им не хотелось. Судя по его состоянию, они могли его не довести.

Отец Роман благодарно улыбнулся матушке — мол, отстояла его предсмертные часы.

8 сентября 1937 г. о. Роман утром причастился, а в 7 часов вечера его не стало. Почил великий труженик и

подвижник Церкви Христовой протопресвитер о. Роман Медведь.

В тот же день Господь призвал еще двух сподвижников, которые были сосланы в Малоярославец, — игуменню Елену и игумена Агафона.

На третий день о. Зосима совершил отпевание, похоронен был отец Роман на городском кладбище. На девятый день дочь Ирина Романовна, после поминок заснув на кровати о. Романа, укрывшись его лагерным одеялом, увидела видение: ее отец стоит на коленях перед иконами в золотом облачении, подаренном ему еще в Крыму, и читает «Отче наш».

Свет Христов, наполнявший всю жизнь о. Романа, и по сей день озаряет православных людей, указуя путь в Царство Небесное. К его могиле приходят страждущие, обращаются с просьбами, получают помощь и духовное утешение.

«Откажитесь от своего маленького и Господь даст Свое большое», — завещал исповедник Христов.

ЛЮДИ МОЕЙ ЖИЗНИ *

Кажется, что нового можно сказать в этот день, посвященный жертвам насилия, о «мудрейшем» и его окружении? И все-таки каждый журнал и книга прибавляют новые штрихи к этому страшному времени, не только физически истреблявшему людей, но морально их калечившему. И на фоне этого какой благополучной и легкой оказывается прожитая мною жизнь. То, что в свое время считалось ударами судьбы, на деле оказалось ее необычайной милостью.

Мои школьные годы и по-настоящему счастливая молодость прошли в нормальных условиях жизни в трудолюбивой Эстонии. Я была совершенно свободна в своих высказываниях и вкусах, повидала другие страны, с шестнадцати лет стала членом Русского Студенческого Христианского Движения, что нравственно меня от многого спасло, десять лет была счастливо замужем за прекрасным человеком.** Если бы я жила в Советском Союзе, сколько бы мне пришлось лгать, приспособливаться и бояться! А это так унижительно.

В 1940 году, когда самостоятельная Эстония перестала существовать, я почти сразу же стала предосудительным элементом — женой арестованного. Через год была арестована и сама. У меня было даже чувство облегчения — пусть я по-прежнему ничем не могла помочь мужу, но, по крайней мере, разделяла его участь. Очень помогло понимание, что это не против меня направленное зло, а несчастье народа, попавшего в такие нечеловеческие условия.

* Перепечатано из «Русской газеты» от 23.02.96 г.

** Иван Аркадьевич Лаговский, один из первых издателей «Вестника РСХД», расстрелян в 1941 году. См.: «Вестник РХД» № 159, II-1990.

А лагерная жизнь, при всех устрашающих тягестях, имела свои неопределимые преимущества перед «свободной» советской жизнью. Юрий Галь хорошо сказал о лагере:

Здесь я укрыт и от властей,
И от завистливого взора,
И от гражданского позора
Быть гражданином наших дней.

Через пять лет кончился мой срок, и мне была дана передышка в целые два с половиной года. Я жила с мамой — другом моим — и в доброй Эстонии. Затем опять арест и ссылка — бессрочная, но окончившаяся через пять лет, благодаря смерти «мудрейшего», который, к счастью, оказался не вечным! А за пять лет сколько было арестов, высылки, процессов... Жившие на свободе еще и одобрять это были должны, голосовать «за»! А мы были ссыльными, что с нас взять!

Ссылка для меня обернулась вторым замужеством и рождением сыновей.

Дальше — 1956-й год, XX-й съезд — и люди, по крайней мере, перестали друг друга бояться. И почитать могли, если не типографическим шрифтом напечатанное, то переписанное от руки, на машинке или перефотографированное. Огромно значение «Самиздата»!

Да будет благословенно начавшееся с 87-го года — благодаря Горбачеву — освобождение сознания от трафаретов. Проклятие с инакомыслящих и с эмиграции снято, русская культура снова едина и богата. Есть надежда, что религиозное возрождение пойдет не только по внешним путям, но захватит и души. Я счастлива, что снова держу в руках и читаю «Вестник Русского Христианского Движения», и не тонюсенький, как в тридцатые годы, а нарядный, объемистый и такой интересный.

Я не надеялась до этого дожить.

О ПОЧИТАНИИ МАТРЕНЫ НИКОНОВОЙ

Хаос нынешнего российского общества порой не позволяет разглядеть события, достойные называться знаменами времени. Люди, составляющие так часто публикуемые списки бестселлеров, не знают, что в их перечни вот уже три года как должна была бы попасть брошюра З.В. Ждановой, посвященная Матрене Дмитриевне Никоновой (1881-1952), слепой от рождения народной целительнице.¹ Активное распространение 125000 экземпляров этого сочинения необычайно усилило почитание Матрены Никоновой; массовыми стали паломничества к ее могиле на Даниловском кладбище в Москве. А народная любовь увеличивает читательский спрос. При этом книга З.В. Ждановой оказалась как бы зеркалом и для той среды, в которой распространилось почитание Матрены, и для самой специфики этого почитания.

Здесь необходимо сказать, что Матрену Никонову не следует путать с другой чтимой в народе Матреной — слепой, безрукой и безногой молитвенницей, жившей в Пензе. Наделенная особым молитвенным даром, Матрена Пензенская знаменита чудесным вызволением из лагеря С.А. Никитина (впоследствии — еп. Стефан). Умерла Матрена Пензенская в Москве, в Бутырской тюрьме; в сознании многих верующих две Матрены «слились» в один образ.²

Что же касается нашей Матрены, то повествование о ней представляет интерес, безусловно, не только для составителей списков книг «ажиотажного спроса», но и для социологов и этнографов. Их может заинтересовать и такое, казалось бы, досадное обстоятельство, как полное пренебрежение З.В. Ждановой литературным редактированием собранных ею материалов. Открывая брошюру о Матрене Дмитриевне, мы оказываемся в кругу многочисленных женщин, некогда вылеченных Матре-

ной и теперь подробно рассказывающих о своей жизни в довоенные и послевоенные годы. Порой кажется, что именно эти Антонины, Прасковьи, Анны и являются главными героями «Сказания о житии...», что придает работе З.В. Ждановой качество документа своей эпохи. Приведу три характерных примера.

«Я в молодости была сильно порченная: меня как при эпилепсии било, припадки были. Матрона дала мне свою водичку и сказала: «Все пройдет». И в шестнадцать лет поставила меня на ноги. И еще помню, Матрона мне сказала: «У тебя будет тернистый путь, Прасковья, все переживешь». К ней много ходило народу. Но принимала она не всех: кого примет, а кого нет» (с. 75).

«Приходила к Матушке одна католичка — полячка Хелля, у нее ушел муж. Напротив были окна дома, там жила женщина, и она его приворожила. Он любил Хеллю, сына и говорил: «Хелля, милая, я тебя люблю, а она меня посадила на цепь, я не могу от нее избавиться!» Однажды пришла Хелля и рыдает, показывает нам, что у нее вырос горб, мы все щупали, поверить не могли, на спине горб, жирный, острый, как у верблюда. Недельку Матушка отчитывала Хеллю, горб исчез» (с. 96).

«И вот я вижу сон: стою и смотрю, как Матушка облачается в мундир генеральский царских времен с аксельбантами, лентой полосатой через плечо, и прикрепляет на груди множество значков, а я спрашиваю: «Матушка, что это такое?» Она отвечает: «Это регалии — мои заслуги перед Богом». Я спрашиваю: «А куда же Вы так одеваетесь?» А она недовольно: «Куда-куда — к Самому Богу Саваофу на поклон, ведь до сих пор по делу Ростислава нет ответа!!» Я: «Матушка, неужели Вы и там о нас заботитесь?» А она: «А куда вас денешь-то!!» Через некоторое время дело моего мужа пересмотрели и дали выезд и паспорт. Матушка нам все время помогает, и мы живем по ее заветам, ни о чем не думаем» (с. 119-120).

О самой же Матрене Дмитриевне сообщаются сведения либо чрезмерно сухие (время и место рождения, места проживания и тому подобное), либо балансирующие на грани плохо сочиненного анекдота, например:

«В детстве блаженная Матрена играла в куклы. То есть как понять «играла»? Она ходила в широком платье. Нашили ей самодельных кукол, и вот она бросала по одной этой кукле за пазуху, и они проскакивали через платье и падали вниз. Этим она показывала, что матери будут убивать своих детей во чреве» (с. 24).

Наконец, «Сказание о житии...» содержит таинственные пророчества. По словам З.В. Ждановой, в 1943 году Матрена Дмитриевна предсказала, что Каганович убьет Сталина, после чего начнется правление многочисленных расхитителей народного достояния, появится реформатор Михаил, последуют смуты, распри... резня... молебны на Красной площади, панихида по царской семье... после этого коммунисты вернутся к власти, начнется великое гонение на верующих, что и подведет итог всемирной истории (с. 113–115). Простодушная попытка З.В. Ждановой обогатить облик Матрены чертами пророка-апокалиптики откровенно смахивает на мистификацию. Оставим на совести некоей безымянной рассказчицы и следующий сюжет, преподанный в «Сказании о житии...» с самой что ни на есть серьезной интонацией: «Мой дядя, Никита Ермаков, работал во время войны в Кремле, подвозил продукты. Когда немцы приблизились к Москве, вот-вот возьмут, то Сталин готовился к выезду из Москвы. Мой дядя сумел к нему подойти и сказать, что есть такая блаженная мать Матрона, прозорливая, которая может сказать Вам, как поступить: уезжать или нет. И дал адрес. К ней он приезжал, она сказала: «Русский народ победит, победа будет за тобой. Из начальства один ты не выедешь из Москвы» (с. 26–27).

Вкупе с подобными легендами описания многочисленных исцелений производят самое странное впечатление. М.Д. Никонова «отчитывает» больных («порченных»), дает им святую воду, советует, как вести себя в будущем. Но нет ни слова о вере, об участии всех упомянутых лиц в жизни Церкви; молитву Матрены Дмитриевны наблюдатели воспринимают как некий магический акт. Пророчества об исторических судьбах России довершают картину — перед нами небожитель (неизвестно из какого

пантеона), спустившийся к неразумным людям. В конце концов уже не вызывают удивления и такие воспоминания:

«Матушка часто шутила, на вопрос “как спастись?” говорила: «Цепляйтесь все-все за мою пяточку и спасетесь, и не отрывайтесь от меня, держитесь крепче» (с. 97).

«Говорила: «Умру, ставьте на канун за меня свечки, самые дешевые, ходите ко мне на могилку, я всегда буду там, не ищите никого, иначе обманетесь» (с. 116).

Обратим внимание — биограф называет Матрену Дмитриевну Никонову блаженной. Но никаких типологических признаков подвига юродства в жизни «блаженной старицы» нет.³ Вероятно, эпитет «блаженная» указывает на свершившуюся, по мнению З.В. Ждановой, «народную канонизацию», а следовательно, служит и заявкой на канонизацию общецерковную. О святости М.Д. Никоновой в «Сказании о житии...» говорится недвусмысленно:

«Матушка послана Богом сражаться с державой зла, с приспешниками сатаны, прославлять Бога. Матушка — явление изливания Святого Духа Небесного на Землю, любви к нам, помощи страждущим людям. Матушка послана Господом помочь спасти творение Божие — человека, и все, кто к ней обращался за помощью, все слагались в ней, и всех она спасала, кроме колдунов, которые облепливали ее, и она от них болела за свои битвы, победы, а их поражения» (с. 124).

«И по смерти своей блаженная Матрона все так же помогает людям, просящим ее молитвенной помощи и заступления. Блаженная Матрона, моли Бога о нас!» (с. 3).

Несмотря на такую оценку личности М.Д. Никоновой, «Сказание о житии...» ставит народную целительницу (хотя она и не была юродивой) в один ряд со знаменитостями типа Ивана Яковлевича Корейши или Андрея Ильича из Симбирска. Сколько бы ни было почитателей у этих людей, в случае общецерковного обсуждения вопроса об их канонизации весьма затруд-

нительно будет доказать причастие названных «блаженных» Тому, Кто *един свят* — Иисусу Христу.

* * *

Многовековой опыт Церкви показывает, что язычество легко адаптируется к любому формальному «отправлению культа» и к любой конфессиональной идентификации, если только человек не стремится изменить свою жизнь, открыв ее воздействию благодати. Постоянное сосредоточение на колдунах и колдуньях, бесах и духах, «порче» и «сглазе», на благотворном «отчитывании», вера в чудесные свойства заговоренной воды при равнодушии к Евхаристии, поиск «блаженных стариц», которым можно было бы вручить свою волю — все это симптомы откровенно языческого мировоззрения, не просвещенного светом Евангелия.

Кроме всего перечисленного, в текстах о Матрене, собранных и сочиненных З.В. Ждановой, мы встречаем еще и обскурантизм, входящий путем прелести — через подмену духовного душевным. Почитание М.Д. Никоповой насквозь пронизано психологизмом, а невысокие запросы всякой взвинченности известны. Достаточно заговоренной воды (или освященной в церкви — разницы не видят) да нескольких афоризмов «блаженной матушки», затверженных наизусть... Но за пароксизмом грубого язычества, за сомнительной чувствительностью нетрудно разглядеть тоскливое бессилие и смятение среднего человека, неприкаянность ума и сердца.

Поэтому грешно было бы свысока третировать почитателей Матрены. Тем не менее необходимо осознать, что непросветленная религиозность, далекая наследница былой «крестьянской веры», сегодня для Русской Православной Церкви — духовный и исторический тупик. Не будем забывать, что в основе обскурантизма и опрощенчества лежит недоверие к высокой культуре, столь застарелое, увы, в России (с горечью и тревогой писал об этом о. Георгий Флоровский в «Путиях русского богословия»). И эта антикультурность всегда готовит почву для приспособления Церкви к самому заскорузлomu «уездному»

быту. Здесь — опасность эрозии самых основ веры, поскольку околоцерковный бытовизм, соединенный с языческими рефлексамми, едва ли совместим с неотступным стоянием перед Христом в любви и смирении.

Путь воцерковления всегда, в том числе и в современной России — это обращение, богословский и молитвенный искус, глубокий евхаристический опыт, свидетельство и служение. Что же касается того «спасения», которое можно обрести «держась за матушкину пяточку», то это фикция, еще одна фикция массового сознания посттоталитарного общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сказание о житии блаженной старицы Матроны. Составила и написала Жданова З.В. Коломна: Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 1933, 126 с. Незадолго до выхода в свет «Сказания о житии...», со ссылкой на него, был опубликован очерк Ольги Воропаевой (Прокуроновой), содержащий краткое изложение фактов и идей, представленных З.В. Ждановой. Достоинство текста О. Воропаевой — систематизация материала и правильный литературный язык; но более О. Воропаева ничем не смогла улучшить работу З.В. Ждановой. См.: О. Воропаева (Прокуронова). Дарованная от Господа // «Русь Державная». 1993, № 3, с. 6.

² О Матрене Пензенской и о «слиянии» двух почитаний см.: А. Ильинская. Небесная помощь блаженной Матренушки // Литературная Учеба. 1994, кн. 3, с. 122-125. Ср.: Е.В. Апушкина. Владыка Стефан (Никитин) // «К свету». (Москва). 1993, № 9/10, с. 43-44.

³ Достаточно сравнить жизнеописание М.Д. Никоповой с многократно исследованной типологией юродства. Назову лишь три самых доступных издания: Свящ. Иоанн Ковалевский. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви. М., 1902 (репринт: М., 1992); Г.П. Федотов. Святые Древней Руси. М., 1990, с. 99-209; С.А. Иванов. Византийское юродство. М., 1994.

Летом 1995 года Международный издательский центр православной литературы (Москва) выпустил в свет новое издание брошюры З.В. Ждановой тиражом 30 000 экземпляров. В прежний текст внесены самые незначительные стилистические исправления, добавлено крат-

кое предисловие-аннотация, название изменено на «Жизнеописание блаженной старицы Матроны». Заканчивается новое издание брошюры одиннадцатью рассказами о благодатной помощи, посетившей людей, молившихся на могиле Матрены Никоновой.

И.Б.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ РОСПИСИ СЕСТРЫ ИОАННЫ РЕЙТЛИНГЕР

В 1933 году талантливый художник-иконописец Ю.Н. Рейтлингер (сестра Иоанна) исполнила, в свойственной в те времена ей одной, одновременно традиционной и творческой манере, церковную роспись Воскресенского храма в Медоне (под Парижем). Тогда же известный знаток искусства, Вл. Вейдле, писал: «Художнику удалось найти как раз ту трудно находимую точку пересечения, где приемы современной живописи оказываются совместимы с православным стилистическим преданием ... и наш долг к этому почину отнестись с величайшим и бережным вниманием».

Увы, по печальному стечению обстоятельств (из-за юрисдикционных распрей), медонская церковь осталась без присмотра, стала прибежищем бомжей, спаливших ценнейший иконостас. Пред окончательным разрушением церкви, несколько лет назад, нам удалось спасти роспись, отодрав ее от стен, и перевезти ее на хранение в монжеронский замок. С прошлого года монжеронский «Центр помощи». Мы призываем всех, кому дорого художественно-церковное достоинство эмиграции, помочь нам довести сохранение этого уникального ансамбля фресок до конца. Чеки просим выписывать на имя Centre d'Aide и посылать их по адресу Centre d'Aide, Château du Moulin de Senlis, 91320 Montgeron.

Заранее благодарим.

Никита Струве, председатель «Центра Помощи».

СОДЕРЖАНИЕ

От Редакции. Печальное явление — <i>Никита Струве</i>	3
БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ	
Преподобный Симеон Новый Богослов (949–1022). Гимн 58. — <i>Перевод и примечания иеромонаха Илариона (Алфеева)</i>	5
Дневник духовный — <i>прот. Сергей Булгаков</i>	20
Ого ergo sum — <i>игумен Игнатий (Крекишин)</i>	76
Свт. Филарет, митрополит Московский и «школа верующего разума» в русской философии — <i>В. Шохин</i>	82
■ К 50-летию кончины митрополита Евлогия	
Митрополит Евлогий (1868–1946) — <i>Никита Струве</i>	109
Письма митрополита Евлогия князю Григорию Николаевичу Трубецкому — <i>публикация и примечания Н. Струве</i>	119
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Религиозность Пушкина как явление русской культуры — <i>Александр Корольков</i>	137
Изгнание Скифа — <i>В.Г. Белоус (СПб)</i>	151
Письма Т.И. Манухиной к Вере Николаевне Буни- ной (окончание) — <i>публикация Т. Пахмусс</i>	173
СУДЬБЫ РОССИИ	
■ Мученики и исповедники Русской Церкви	
Дело смоленских церковников. Из записок М.Е. Мирчинк — <i>пред. Л.И. Турбиной (Минск)</i>	211
Митрополит Анатолий (Грисюк) — <i>прот. Николай Доненко (Ялта)</i>	234
Протоиерей Роман Иванович Медведь — <i>прот. Н. Доненко</i>	246
♦	
Люди моей жизни — <i>Т.П. Милютина</i>	262
♦	
О почитании Матрены Никоновой — <i>Илья Басин</i>	264

SOMMAIRE

A nos lecteurs. - *N. Struve* 3

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

Saint Syméon le Nouveau Théologien. Hymne n°58. -
Traduction et commentaire du P. Hilarion
Alf év. (Moscou) 5

Journal spirituel - *P. Serge Boulgakov* 20

Oro ergo sum - *P. Ignace Krekchine (Kolomna)* 76

Saint Philarète, métropolitain de Moscou en "l'école de la
raison croyante" - *B. Chokhine (Moscou)* 82

■ Pour le 50e anniversaire de la mort de Mgr. Euloge

Le métropolitain Euloge (1868-1996) - *Nikita Struve* 109

Lettres du métr. Euloge au prince G.N. Troubetskoi
(notes et commentaires de N. Struve) 119

LITTERATURE ET VIE

La religiosité de Pouchkine comme manifestation de
la culture russe - *Alexandre Korolkov (Moscou)* 137

L'exile du Scythe - *V. Belaous (St Petersburg)* 151

Lettres de T. Manoukhina à V. Bounine (fin)
(notes et commentaires de T. Pakhmuss, U.S.A.) 173

LES DESTINEES DE LA RUSSIE

■ Martyres et confesseurs de l'Église Russe

L'affaire des fidèles de Smolensk. Récit de M.Mirtchink -
introduit par L. Tourbina (Minsk) 211

Le métropolitain d'Odessa Anatole Grisiouk -
P. N. Donenko (Yalta) 234

Le P. Romain Medved - *P. N. Donenko (Yalta)* 246

♦

Ceux de ma vie - *T. Milioutina (Tallinn)* 262

♦

La curieuse vénération de Matriona Nikonova -
Ilya Bassine 264

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

ВНИМАНИЕ !

в России :

Представитель «ВЕСТНИКА»

Богословский А. П.
Проспект Мира, д. 110/2, кв. 291
129626 Москва

В Москве, в частности, «Вестник» продается:

«Русский путь». Ул. Нижняя Радищевская, 2
109004 Москва
тел. 915.10.47

Крутицкое Патриаршее Подворье. Ул. Крутицкая, 13
109044 Москва

Представители «ВЕСТНИКА» на Западе

в Америке (West) :

Mrs Olga Hughes-Raevsky, 2828 Pied Mont Ave, Berkeley,
Ca 94705-2314.

в Америке (East) :

Mrs T. Erdl, 6691 Lakeview drive, Boulder, Colorado 80303.

в Канаде :

«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal, P.Q.H2L 2R7

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к русской православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

(Из Устава Р.С.Х.Д. 1959 г.)